Детали перманентной революции

Работа над ошибками - 3

Юрий Симоненко

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Земля. После Третьей мировой войны прошло 1687 лет. Мир, в котором прогресс поставлен на службу глобальной олигархии, в котором вот уже полтысячелетия правит Мировое Корпоративное Правительство. Высокие технологии, тотальный контроль и жестко закрепленное социальное неравенство — таков мир восставший из руин апокалипсиса. Программист крупной компании по имени Макс, киберпреступник и «пират», неожиданно получает повышение по службе — оказывается в кресле начальника одного из отделов. Так начинается история, в ходе которой он будет втянут в противостояние агентов революционного Подполья, вездесущего Бюро — могущественной спецслужбы — и корпоративной полиции. Но все это — мелочи, по сравнению с готовящимися событиями мирового масштаба, за которыми стоят бессмертные сверхлюди — прогрессоры могущественной цивилизации аиви.

- Юрий Симоненко
  - ИНТЕРЛЮДИЯ
  - ГЛАВА 1
  - ГЛАВА 2
  - ГЛАВА 3
  - ГЛАВА 4
  - ГЛАВА 5
  - ГЛАВА 6
  - ГЛАВА 7
  - ИНТЕРЛЮДИЯ
  - ГЛАВА 8
  - ГЛАВА 9
  - ГЛАВА 10
  - ГЛАВА 11
  - ГЛАВА 12
  - ГЛАВА 13
  - ГЛАВА 14
  - ИНТЕРЛЮДИЯ
  - ЭПИЛОГ

Юрий Симоненко
Детали перманентной революции

ИНТЕРЛЮДИЯ

год 1-й Новой Эры, орбита Земли, Эйнрит, экспедиционный корабль аиви

Иеремия с женами — Ликой и Еленой, генералом Харрисом и капитаном Криком, в сопровождении двух солдат (тех самых, которые первыми встретили аивлян) неспешно прогуливались вдоль пролегавшего по крышам полуторакилометровых башен проспекта. Проспект прямой ста-тридцати-четырех-километровой лентой окольцовывал город, что раскинулся на внутренней стороне огромной трубы, насквозь пронзавшей невероятных размеров диск аивлянского корабля.

Они шли в направлении ближайшего к ним висячего сада, располагавшегося неподалеку, всего в километре от башни, в которой гостям с Земли были предоставлены апартаменты.

Сад раскинулся на висевшей в воздухе без всякой видимой опоры овальной плите. Размеры плиты были: около семисот метров по большой оси и около трехсот-пятидесяти — по малой. К саду вело короткое, не больше десяти метров, ответвление от проспекта, представлявшее прямую ленту шириной в четыре метра. Ширина самого проспекта составляла около тридцати метров: это была серая слегка шершавая лента посреди которой проходила красная полоса, встав на которую пешеход начинал двигаться стоя, — притом каких-либо признаков движения самой красной полосы под ногами пешехода заметить было нельзя: полоса оставалась недвижна, двигался только пешеход и любой поставленный пешеходом на ленту предмет. По обе стороны ленты были широкие тротуары, по которым изредка проезжали разноцветные люди на самокатах, велосипедах, каких-то похожих на багги педальных машинках, роликовых досках и подобных средствах, предназначавшихся больше для развлечения, чем в качестве транспорта. Многие просто гуляли пешком от башни к башне или к висячим садам. Нельзя было сказать, что прохожие куда-то спешили: в этом фантастическом для землян городе, в котором, если посмотреть вверх, можно было увидеть «падавшие» вам на голову здания и улицы, парки и голубые как небо озера, вообще никто, по-видимому, никуда не спешил. По краям ленты проспекта тянулись невысокие балюстрады из материала похожего на гранит, выполненные в стиле напоминавшем архитектурный стиль земной Эпохи возрождения. Иеремия заметил тогда, что: если отправиться куда-нибудь в Италию и поискать там уцелевшие во время и после ядерной войны следы

той самой эпохи, то, вероятно, можно будет найти нечто похожее на какой-нибудь старинной вилле. Вдоль балюстрад через каждые двадцать — двадцать пять метров стояли украшенные резьбой в том же, что и ограждения, барочном стиле каменные (если то, конечно, и правда был камень) кашпо с растущими из них деревцами причудливых форм и расцветок.

Транспорта вроде автомобилей на проспекте, как и в самом городе, видно не было. Земляне уже смогли удостовериться в удобстве корабельной транспортной системы, представлявшей собой сложную и запутанную сеть из местами прозрачных, местами — нет, вездесущих труб, по которым, подобно снарядам в ружейных стволах, проносились светонепроницаемые болиды. Внутри пассажирских болидов (как объяснила Иеремии Ивилита, были и болиды и грузовые, использовавшиеся системами обслуживания и техническими службами корабля) имелся комфортный салон, рассчитанный на пять—шесть пассажиров. Окон в болидах не было по той причине, что скорость и частая смена «верха» и «низа» (величин весьма условных для трехсот-пятидесяти километрового космического корабля, внутри каждой из обителей которого были свои «верх» и «низ») могли вызвать неприятные ощущения у перевозимых болидом пассажиров. Внутри пассажирам болида казалось бы, что тот стоит все время без движения, если бы не имитации окон по обе стороны салона, на которые синхронно поступали изображения, показывавшие минуемые болидом места так, как если бы транспортная труба была все время прозрачной и не закладывала крутых виражей. Создавалась иллюзия, будто вы едете на скоростном поезде, а за окном один пейзаж сменяет другой без резкой смены пространственных координат.

Группа из семерых землян уже подошла к связывавшему проспект и висячий сад ответвлению, когда позади их окликнул знакомый голос:

— Джей, Харрис! Друзья! — то был голос Ивилиты.

Все семеро остановились и обернулись.

Оказалось, что их нагнала очень странная, походившая на… оторвавшийся от фасада старинного, в стиле барокко, здания балкон, штука, наверху которой стояли двое мужчин и женщина. Земляне сразу узнали Ивилиту, — аивлянка почти не изменилась, чего нельзя было сказать о ее спутниках…

Все трое стояли на начавшем замедлять ход летающем каменном «балконе» не держась за перила и приветливо махали руками удивленным землянам.

«Балкон» (именно так выглядела та штука: каменная плита с расположенными по углам четырьмя массивными тумбами и

рядами менее массивных балясин меж ними, поверху которых лежали каменные перила) держался в двадцати—тридцати сантиметрах над тротуаром проспекта без видимой точки опоры. Иеремия предположил тогда, что в принципе действия «летающего балкона» аивляне применяли ту же технологию, что и в висячих садах.

— Ив! — воскликнул правитель земного города-государства. — Вы почти не изменились! А вот ваши муж и… кстати, кем вам приходится Эвааль? — спросил он и переведя взгляд на стоявшего слева от аивлянки белого мужчину неопределенного возраста уточнил у того: — Эвааль! неужели это вы?!

— Эвааль мне приходится братом, — ответила женщина, сходя с «балкона» по оказавшимся позади него ступеням, которые оставались до того незамеченными землянами, — …как и Альк, — улыбнулась она, обойдя «балкон».

На остановившихся в нескольких метрах землян смотрела миндалевидными голубыми глазами темнокожая блондинка, одетая в стиле пятидесятых годов XX столетия. На Ив было шоколадное в белый горошек платье с облегающим лифом и глубоким декольте, чуть прикрывавшее смуглые колени сильно расширявшимся от тонкой талии к низу подолом и двухцветные бело-коричневые туфли. Довершали винтажный туалет аивлянки тонкий белый пояс и полностью коричневая сумочка.

Мужчины, ставшие теперь неотличимыми от землян, спустились за ней следом и все трое подошли к гостям с Земли. На Эваале был классический черный костюм с галстуком-бабочкой, на Альке — синие джинсы и клетчатая рубашка.

— Вы угадали, друг мой, — подошедший Эвааль с улыбкой протянул руку Иеремии.

— Но… вы же теперь совсем не походите на дьявола, черт возьми, Эв! — Иеремия пожал руку. — Как и вы, Альк… — они обменялись рукопожатиями и с Альком — …хотя, на дьявола вы и раньше не были похожи… разве что, самую малость…

Контакторам пришлось перед тем провести некоторое время внутри капсул-сборщиков, для придания их внешностям свойственных землянам черт.

Всем троим сборщики удалили по две фаланги на каждом из пальцев, изменили форму ушей, заменили глаза на схожие с глазами землян, оставив от прежних лишь цвет. Также им была сделана незначительная корректировка лиц и удалены лишние ребра. В том, что касалось цвета кожи, Альку с Ив повезло больше нежели Эваалю: цвет кожи Ивилиты вполне подходил для того, чтобы на Земле ее приняли за мулатку, Альк, чтобы сойти за африканского негра претерпел лишь незначительную коррекцию

оттенка, в то время как красному как дьявол Эваалю всю кожу пришлось заменить. После замены кожи и некоторой коррекции лица Эвааль стал сильно походить на землянина-турка.

Теперь аивляне были неотличимы от землян, если не брать в расчет имевшихся различий в расположении, форме и количестве внутренних органов.

— По крайней мере, чтобы походить на вас, Джей, мне в этот раз не пришлось заново рождаться в новом теле или полностью перестраивать собственное, — пожал плечами Эвааль.

— Заново рождаться? — удивленно приподнял бровь Иеремия. — Но зачем? У вас ведь есть эти… сборщики…

Иеремия уже успел убедиться в полезности аивлянского устройства, когда его жены, сговорившись с кораблем, забрались в эллипсообразные капсулы называемые «сборщиками», имевшиеся повсюду, почти в каждом помещении где довелось побывать Иеремии, и после, спустя пять часов, вышли из них помолодевшими лет на десять. За то время, что супруги правителя Полиса провели в чудесных капсулах, тот успел покувыркаться в бассейне двумя этажами ниже с одной любознательной аивлянкой, которой захотелось выяснить у него некоторые анатомические подробности землян. Увидев, какие метаморфозы в и без того красивых, несмотря на возраст, женщинах (Лике в то время было тридцать девять, а Елене — тридцать четыре года) произошли за каких-то несколько часов, Иеремия, изрядно затраханый любвеобильной аивлянкой, почувствовал в себе новый прилив сил и отправился с помолодевшими женами в спальню…

— В том случае, мне пришлось пройти долгий путь от младенца до мужа прежде чем я смог влиять на события… — сказал Эвааль. При этом его новое лицо стало мрачным, а в ставших из черных карими глазах появился едва уловимый холодок, заметив который, Иеремия не стал развивать явно неприятную для аивлянина тему.

— Что ж, полагаю, это должна быть длинная история…

— Очень длинная, Джей…

— …и когда-нибудь вы ее обязательно расскажете… а пока, позвольте уточнить у госпожи Ив… — Иеремия снова обратился к аивлянке, к которой он испытывал все большую симпатию и даже более того: Иеремия желал ее, несмотря на наличие у той хронически серьезного супруга, который, по ее собственным словам, был и не совсем супруг — …по поводу сказанных ею слов…

— Вы хотите спросить о родственных связях? — снова улыбнулась женщина.

— Да. Ваши слова о том, что Эв и Альк приходятся вам братьями… Это ведь — фигура речи? Кажется, Эвааль представил вас тогда… месяц назад, на крыше, как супругу Алька… — землянин взглянул на стоявшего рядом Алька.

— Конечно, Джей, — ответила Ивилита, — насчет братьев, это было скорее образное выражение… Вы, кажется, направлялись в сад?

— Да, конечно…

— Тогда идемте… — Ивилита окинула дружелюбным взглядом землян, столпившихся у входа на ведший к висячему саду мостик: земляне с интересом слушали разговор своего правителя с аивлянами, но не вставляли при этом реплик.

Компания из семерых землян и троих аивлян двинулась по перпендикулярно отходившему от проспекта прямому как стрела мостику к застывшей в воздухе платформе сада.

Сад был похож на сказочный лес из красочного диснеевского мультика. Деревья и растения в нем были все из одного мира, земного или аивлянского типа. Сад отдаленно напоминал землянам оазисы мадагаскарской пустыни, которую не так давно посещал правитель Полиса с супругами и Харрисом.

За последнее время Иеремия побывал во многих уголках земного шара. Т-дрон аивлян оказался поистине фантастическим средством: отлучившись всего на несколько часов среди ночи, можно было слетать на другую сторону планеты, где в это время был день, и увидеть своими глазами не только руины старинных мегаполисов, но и пережившие планетарную катастрофу островки все еще живой природы, в отсутствии человека предоставленной теперь самой себе.

— Да, Эв действительно назвал меня женой Алька, — продолжила Ивилита, когда все они шли по тонкому на вид мостику. — Так было понятнее для вас… Не забираться же нам при первом контакте в дебри родственных связей аиви… — шедшая справа немного впереди Иеремии аивлянка на миг обернулась и правитель Полиса заметил как в тот момент в ее больших, теперь поземному голубых глазах мелькнули чертики.

Рядом с Иеремией, слева и справа от него, шли его жены. Лика — высокая, немного худощавая, русоволосая, с нагло торчавшими сквозь тонкое сиреневое платье аккуратными, никогда не знавшими лифчиков, маленькими грудями, и Елена — на голову ниже Лики и с более темными короткостриженными волосами, пышногрудая и большеглазая. Ее крепкое тело, с объемным, рвущимся на свободу из глубокого декольте короткого фиолетового платья, бюстом смотрелось весьма эффектно. Сестры были мало похожи, но обе были хороши по-своему. Иеремия в

равной мере любил их обеих и потому между ними почти всегда был мир и вполне искренняя сестринская любовь. Обычно малоразговорчивый Альк, шедший ближе других к Елене, заговорил с землянкой, интересуясь ее впечатлениями от четырех дней, что она провела на корабле, — Елена охотно поддержала разговор с аивлянином. Галантный Эвааль также принялся обмениваться любезностями с Ликой, — Иеремия бросил короткий взгляд на супругу и понял, что той приятно внимание бывшего «Мефистофеля».

Вскоре ведущая от мостика вглубь сада широкая тропа стала разделяться на тропки поменьше, а серая шершавость постепенно превратилась в нарочито грубые на вид плоские камни, идти по которым было достаточно удобно, если поглядывать при этом под ноги. В глубине этого сада, в отличие от тех, что земляне посещали ранее, не было прямых и достаточно широких, чтобы вместить больше двоих рядом идущих человек, дорожек и компания стала непринужденно разбредаться парами по извилистым тропкам. Первыми свернули увлекшиеся беседой Елена с Альком (Иеремии тогда показалось, что он впервые услышал смех этого черного как мавр малого) потом — Эвааль и разрумянившаяся от какого-то его рассказа Елена. Генерал в обществе двоих солдат держались поодаль позади Иеремии и что-то негромко обсуждали.

— Вы, как всегда, правы, Ив, — улыбнулся аивлянке Иеремия и пошел рядом с ней, сворачивая на очередной развилке на одну из тропинок. — Так было действительно понятно: вот вы, вот Альк и вы вместе… а уж супружество это или что-то другое…

— Джей! — улыбнулась аивлянка и, взяв того внезапно за руку, с улыбкой заглянула ему в глаза. — Мне кажется, вы опечалены тем, что мы с Альком вместе…

— Признаюсь, да, — сказал Иеремия, глядя в глаза женщины.

— Но, ведь вы тоже… У вас даже две жены! И они наверняка не единственные, с кем у вас бывает секс…

— Ну… в общем… да… но…

— Вы думаете, что вы один такой во Вселенной, Джей? — засмеялась аивлянка.

— Что вы… нет, конечно… — землянин, казалось, был застигнут врасплох ее вопросом. — Мне известно о свободе нравов аивлян, — добавил он, вспомнив любвеобильную соседку…

— Тогда отчего вам печалиться, Джей? — Ивилита крепче сжала его руку.

— Но, вы…

— С Альком?

— Да.

— Ну, и что с того?

— Но, как же…

— Джей, — сказала Ивилита, немного приблизившись к Иеремии, — у нас никто никого не обязывает, никто никому не принадлежит как… собственность… С Альком мы вместе много столетий потому, что любим друг друга, и доверяем. Это доверие не следует принимать собственничество… Будучи парой, мы свободны… — улыбнулась аивлянка землянину — …выбирать.

— То есть, — просиял Иеремия, — мы с вами могли бы…

— …Заняться сексом? — продолжила Ивилита веселым голосом.

— Да.

— Конечно, — сказала она. — Можем… если вам и впрямь так сильно хочется заняться со мной сексом…

— А вам, Ив? — спросил с надеждой Иеремия.

— Вы мне симпатичны, Джей, — сказала аивлянка. — Я не испытываю к вам сексуального влечения, — слегка пожала она плечами, — но и отвращения тоже не испытываю… Я не хотела бы заставлять вас страдать из-за меня, и поэтому, Джей, я займусь с вами сексом… если вам это принесет облегчение.

Иеремия был сконфужен.

Остановившись, он, все еще держа Ивилиту за руку, продолжал смотреть ей в глаза.

Будь на ее месте в тот момент обычная, земная женщина, и скажи та ему нечто подобное, он бы либо оскорбился, решив, та готова переспать с ним из жалости, либо счел бы ту честной проституткой, идущей с ним в постель из-за его высокого положения. Но на слова этой прекрасной инопланетянки он не знал как реагировать. Он минуту стоял и смотрел в ее голубые глаза и думал о том, что было в ее взгляде такого… что так пленило его…

И он понял, что это было — понял, чей был этот взгляд… такой… добрый, нежный, ласковый, понимавший все и желавший ему только хорошего. Так когда-то давно смотрела на маленького Джея его мать — молодая красивая женщина, жена царя города-государства Полиса… умершая от туберкулеза когда Джею было всего семь… Безграничная власть ее мужа была бессильна над болезнью, медленно и мучительно убивающей двадцати-восьми-летнюю царицу.

В последний день, когда мать так на него смотрела, она просила мальчика пообещать ей, что он обязательно вырастет хорошим человеком, таким, чтобы она смогла им гордиться. Она смотрела на Джея своими большими добрыми глазами и

повторяла: «обещай мне, мой мальчик, обещай мне, Джей…» И Джей пообещал. Он сдержал тогда слезы и пообещал, глядя в глаза матери, что ей никогда не будет стыдно за него.

Ивилита внимательно смотрела на погрузившегося на миг в воспоминания Иеремию. Женщина, возраст которой, по земным меркам, приближался к полутора тысячам лет, смотрела на сорокалетнего… мальчишку? В конце концов, кто он перед ней? Мальчишка.

Очнувшись от своих мыслей, Иеремия посмотрел на Ивилиту с такой любовью… так когда-то мальчик по имени Джей смотрел на медленно угасавшую день за днем мать. Медленно он поднес руку женщины, которую все это время продолжал держать в своей руке, к губам и крепко поцеловал.

— Простите меня, Ив, — сказал Иеремия, выпрямившись и снова глядя в глаза аивлянки. — Я вел себя недостойно. Я высоко ценю сказанные вами здесь слова…и… я вами восхищаюсь… Простите меня…

Он выпустил руку Ивилиты и опустил взгляд на выложенную камнем тропинку.

— Вам не за что извиняться передо мной, Джей… — сказала Ив и, сделав шаг вперед, поцеловала его в щеку.

ГЛАВА 1

год 1619-й Новой Эры, Земля, Полис

Управляющий отделом разработки и поддержки нейросетевого программного обеспечения компании «Линея-10» — одного из многочисленных сегментов корпорации «Линея», Айн вышел из лифта и сел в салон ожидавшего его автомобиля четвертого класса.

Айн задал бортовому компьютеру адрес и выбрал один из предложенных машиной маршрутов следования.

Автомобиль тронулся, Айн вызвал на экран управляющего терминала меню проигрывателя, выбрал «L'estro armonico» Вивальди — музыку, забытую человечеством на полтора тысячелетия, и вновь прозвучавшую лишь сто восемьдесят семь лет назад, и утонул в глубоком массажном диване, через поры которого прорывались тонкие струйки очищенного воздуха. Салон был отделан в теплых бежевых и салатовых тонах, за окнами неспешно проплывал осенний парк, в котором, приглядевшись, можно было заметить перебегавших по веткам деревьев белок и снующих внизу лисиц и другую живность. Казалось, что машина ехала не быстрее запряженной лошадьми кареты, но на деле скорость уже превышала сто пятьдесят и продолжала увеличиваться, — мимо проносились дома, перекрестки и мосты, на встречу, подобно самолетам проносились другие автомобили. Управляющий не смотрел в окно, его мысли были заняты предстоящей встречей.

Маршрут наверняка фиксировался и перепроверялся корпоративной полицией, но Айна это не беспокоило, ведь он всего лишь ехал на очередное свидание со своей любовницей Элис, с которой встречался вот уже третий месяц. Ее мужа, Жоржа, сотрудника его отдела, Айн лично отправил на Южно-Американский континент, и тот должен был вернуться не раньше середины следующего дня. Возможно, этот роман и мог бы вызвать скандал внутри компании, но, трахая жену своего подчиненного, Айн не нарушал корпоративных законов, а на прочее ему было плевать. Айн заберет Элис на условленном месте, они поедут к океану, где в омываемой атлантическими водами башне, верхние этажи которой часто скрываются высоко за облаками, их будет ждать ужин в тихом ресторанчике и апартаменты люкс, в которых они отлично проведут время. А между тем, там же, Айн встретится с человеком, имя которого он остерегался упоминать, где бы то ни было (пока ничего не было

точно решено, и он не имел достаточных гарантий, следовало быть крайне осторожным).

Звучал концерт «Концерт №8», осенний парк в окнах сменили заросшие сочной травой обочины проселочной дороги среди живописных холмов, на которых вдали паслись стада овец, а снаружи проспекты Полиса все сменяли один другой; машина поднималась на верхние уровни транспортных артерий и спускалась на нижние, выполняя команды единого диспетчерского центра города, представлявшего собой сеть суперкомпьютеров, снижая скорость (чтобы пропустить кареты скорой помощи и броневики корпоративных полиций) и снова увеличивая (когда транспорт с низким приоритетом уступал дорогу автомобилю Айна).

Музыка стихла, пейзаж за окном растворился, и сквозь идиллическую картинку древней Шотландии проступил темно-синий фасад торгового центра, к которому подъехала машина.

Отправив машину на подземную парковку торгово-развлекательного центра, Элис ожидала Айна у фонтана возле входа в центр. Она рассматривала лежавших на дне фонтана и неспешно шевеливших плавниками больших грузных рыб, периодически поглядывая в сторону площадки, где состоятельные посетители высаживались из своих авто и далее уже пешком направлялись в здание центра. Когда к площадке подъехал знакомый автомобиль каплевидной формы, девушка улыбнулась и, подмигнув одним глазом уставившейся сквозь прозрачный бортик бассейна на ее красные туфли рыбьей морде, легкой походкой направилась к машине.

Дверь сдвинулась вправо, открывая овальный проход внутрь салона машины. Элис забралась внутрь и машина тронулась, быстро набирая скорость, чтобы вклиниться в транспортный поток. Спустя сорок минут, автомобиль доставил разгоряченных ласками любовников в башню «Изумрудный мыс», где у входа их встретил приват-мажордом. Мажордом сопроводил их в просторный холл с высокими потолками, представлявший из себя небольшой парк, разделенный крест-накрест центральными аллеями, где, получив чаевые, заискивающе откланялся.

На перекрестке аллей располагались уходившие вверх и вниз прозрачные лифтовые шахты, внутри которых беззвучно опускались и поднимались кабины лифтов; три десятка лифтовых шахт, соприкасаясь между собой стеклянными стенками, образовывали трубу, наполненную внутри океанской водой с ее обитателями: рыбами, моллюсками и различными водорослями, из которых были составлены замысловатые геометрические

фигуры. Айн с Элис вошли в свободную кабину, прозрачная дверь закрылась, псевдоинтеллект «Изумрудного мыса» установил связь с интерфейсом Айна и поприветствовал постоянного клиента, после чего лифт доставил их на триста семидесятый этаж, где в ресторане их уже ожидал заказанный столик…

После ужина и бурного секса в номере отеля пятьюдесятью этажами ниже, управляющий четвертого уровня Айн получил на телефон сообщение (которое он предварительно сам себе отправил, указав нужное время доставки) и, сославшись на важный разговор (здесь он ни капли не солгал), вышел из номера.

Айн поднялся на лифте на четырнадцать этажей вверх, и направился в бар «Капитан Флинт», в котором его уже ждал человек по имени Баз.

— Айн! Дружище! — Высокий чернокожий мужчина — ровесник Айна — поднялся ему на встречу, протянув широкую ладонь. — Ты, как всегда, пунктуален.

— Привет, Баз! — Айн пожал руку.

— Давай, садись! — Баз убрал со свободного стула камзол (цена которого в терракредитах была явно трехзначной), повесив его на спинку своего стула. — Эй, официант! По кружке пива, нам! — пробасил он в сторону барной стойки, возле которой стоял одноногий мужчина в костюме пирата.

Они обменялись ничего не значившими фразами насчет дел, насчет настроения, насчет самого заведения, пока бывший шахтер, потерявший ногу в лунной выработке и вынужденный теперь работать «пиратом» в стилизованном под эпоху великих географических открытий баре, нес им пиво.

Бар «Капитан Флинт», как и многие другие заведения в башне «Изумрудный мыс», имел прямое отношение к морской тематике: сети, канаты, деревянные бочки, запах морской соли и подпрелых водорослей, легкий морской бриз — все это заставляло забыть о том, что это место находилось на триста тридцать четвертом этаже четырехсотэтажной башни.

Сама башня, изумрудного цвета (отсюда и ее название), имела форму девятигранной призмы, ширина каждой грани которой составляла ровно сто тридцать два метра; грани призмы, начиная с трехсот восьмидесятого этажа, заламывались к центру здания, превращаясь в пирамиду, из вершины которой в небо уходил пятидесятиметровый шпиль, возвышавшийся на две тысячи метров над уровнем моря. Башня стояла в семи километрах от береговой линии и сообщалась с берегом двухъярусной эстакадой, верхний уровень которой являлся

ответвлением Седьмого атлантического шоссе, а нижний был отведен под ветку железной дороги, носившей схожее название (Седьмая атлантическая железная дорога). Здесь были офисы и гостиницы, торговые центры и кинотеатры, рестораны и бары, жилищные комплексы и спортивные клубы. Были в «Изумрудном мысе», конечно, и места не связанные с морем, как например зоопарк, два крупных музея, университет… В знаменитом «Колизее», расположенном ниже уровня океана, устраивались поединки приговоренных к смерти преступников (смертная казнь для троекратного победителя в таких поединках заменялась пожизненным заключением, а последующие за тем семь побед давали право на амнистию с последующим трудоустройством на рудниках Луны или Марса). Но, все же, морская атмосфера здесь преобладала. Среди привилегированной публики пользовались популярностью такие места, как «Титаник» — элитный клуб, в котором были воссозданы интерьеры внутренних помещений легендарного британского парохода, потерпевшего крушение в северных широтах Атлантики почти тысячу восемьсот лет назад, или «Потемкин», в котором выпивка стоила как новая печень, или «Черный курильщик», где собирались сынки банкиров и акционеров крупных компаний, и куда пускали только по абонементам. Имелись в «Изумрудном» и места популярные среди посетителей, чей уровень был не выше седьмого или шестого (максимум — пятого), но такие заведения и располагались не выше сотого этажа башни. «Капитан Флинт» был местом, в котором можно было встретить и мастера с производства, и врача, и управляющего четвертого или даже третьего уровней, но, все же, такие птицы как Баз сюда залетали нечасто.

— Я разговаривал недавно с шефом насчет тебя, дружище, — перешел к делу Баз, отхлебнув из увесистой, запотевшей кружки. — Его заинтересовала твоя кандидатура. Кстати, узнав — сколько тебе платят в твоей канторе, он был удивлен…

— Ну, не так-то уж и мало… — Айн сделал маленький, символический глоток и поставил кружку на бочку-стол (ему не хотелось чтобы, когда он вернется в номер к Элис, от него пахло пивом).

— Не так уж… Если не говорить о начальнике отдела… — Баз тоже поставил кружку.

Он откинулся назад, закинул ногу на ногу и провел пальцами по короткой бородке, глядя в сторону. Помолчав немного, он продолжил:

— Шеф поручил мне тебе передать, что нам нужны такие люди, как ты, и он готов платить тебе больше… пока на пятьдесят

процентов. А дальше — будет видно…

— Но, ведь он меня даже… — сумма, о которой шла речь, была немалой. *«Это же третий уровень!»* — подумал тогда Айн.

— …зато я тебя знаю, Айн, — отрезал Баз. — Шеф доверяет мне.

Баз улыбнулся, показав крепкие белые зубы, и снова погладил бородку.

С Базом они встретились совершенно случайно, четыре месяца назад, в поезде до Антарктики, куда Айн направлялся по делам компании. Каково было тогда удивление обоих, когда их места оказались рядом!

Они не виделись со дня окончания их учебы в Сибирийском университете. Тогда Баз исчез: сменил номер телефона, почтовые адреса и адреса аккаунтов в Сети. И вот он здесь — представительный, в дорогом костюме, рейтинг и общий приоритет выше Айна на восемь с половиной баллов — консультант одного из членов совета директоров корпорации «Америка» по подбору персонала: протягивает руку, безупречно улыбается.

Они не были никогда близкими друзьями, скорее — просто приятелями: их университетские подруги поддерживали связь, что иногда бывало поводом для встреч. Айн пересекался с Базом в компаниях общих друзей, на вечеринках, но он всегда остерегался слишком сближаться с ним. Все потому, что Баз водил тогда дружбу с анархистами и всякими опальными личностями (поговаривали, что он был даже как-то связан с Подпольем), что, по мнению Айна, могло негативно отразиться в будущем на его карьере. Теперь, спустя четырнадцать лет, оказалось, что Айн сильно ошибался насчет приятеля. Сам он, будучи управляющим отделом в региональном сегменте корпорации (весьма хорошая карьера для тридцатипятилетнего выходца из семьи когнитаров), не мог даже мечтать о доступе к святая святых «Линеи», к ее совету директоров. Консультанты, советники и различные помощники высших директоров корпораций, чаще всего, это — третий уровень, но бывало, что и четвертый (и даже пятый). Оказаться в их числе — большой успех. Даже больший чем возглавить компанию (управляющие сегментом корпорации — третий уровень). Несмотря на свой четвертый, как и у Айна, уровень, Баз явно обошел его.

— «Америка» собирается потеснить на рынке нейроники «Линею», и нам нужен, не просто управляющий твоего уровня… нам нужен консультант по «Линее»… — сказал Баз и, отхлебнув пива, посмотрел в глаза Айна. — Ты же понимаешь, — продолжил он, помедлив, — какие возможности предполагает должность

консультанта, дружище?

У Айна пересохло в горле, и он смочил его обильным глотком пива. Это была далеко не первая их встреча за минувшие четыре месяца. Они не раз касались в разговорах темы работы, но, за исключением их последнего разговора, всегда вскользь, всегда сдержано, больше болтая на общие темы, вспоминая студенческие годы и общих друзей, которых жизнь разбросала по всей планете (а кого-то даже закинула на другие). Теперь же прозвучало конкретное предложение: предать интересы своей корпорации в обмен на более успешную карьеру в другой.

Во время их прошлой встречи, — они тогда наблюдали бои уголовников в «Колизее», занимая одну из лож с хорошим видом на арену, — разговор зашел о выживании сильнейших в природе и в человеческом обществе. Айн тогда высказался в защиту известного мнения о том, что бизнес является возведенной в степень природой — некогда дикой средой, в которой в древности обитали предки человека и в которой продолжают обитать дикие животные сегодня, и что именно она, эта среда, заставляет человека развиваться, стимулируя его к достижению богатства и успеха.

— Интересно, как все это применимо к тем людям, которые не имеют возможности заниматься бизнесом и идут рулить дробилками в шахтах или строить дороги? Выходит, что они лишены возможности эволюционировать… — усмехнулся тогда Баз.

— Думаю, что никак, — ответил ему Айн, расположившись удобней на полукруглом диване, перед которым стоял низкий столик с коктейлями, не мешавший обзору расположенной внизу арены. — Они — статисты, неудачники. Они, в некотором смысле… часть той самой среды… как облетевшие с деревьев листья и павшие в борьбе за выживание животные, превращающиеся со временем в почву, на которой после прорастают побеждающие растения, и которую топчут выдержавшие испытание конкуренцией животные. — Айн протянул руку к столику с десятком различных коктейлей и, выбрав понравившийся, отпил немного через трубочку. — Взять хотя-бы вот этих… — он кивнул в сторону арены, на которой, среди удерживаемых силовыми ошейниками медведей и львов — восстановленных из образцов ДНК древних животных — бились на булавах уголовники.

— А что эти? — спросил Баз, тоже отпив немного коктейля.

— Как что? Они борются, конкурируют! — Айн с ухмылкой приподнял левую бровь.

— За гипотетическую возможность угодить на Марс, и долбить там породу до самой смерти? — уточнил Баз, едва улыбнувшись уголками рта.

— Именно! — Айн забрал со стола коктейль и откинулся на спинку дивана.

— А ведь эти ребята, как говорит нам программка — члены одной банды… Даже более того, они — родные братья… Вот победит из них сильнейший — убьет брата — как считаешь, эволюционирует? — не унимался Баз.

— Безусловно! — ответил тогда Айн. — Как говорили еще древние: человек человеку — волк… Когда дело касается личного успеха, твоей главной цели, твоей мечты, приходится выбирать — ты, или тебя…

— Хорошо. Твоя точка зрения мне понятна. Тогда у меня к тебе вопрос: как бы ты поступил, если бы для достижения твоей цели тебе пришлось бы предать интересы твоей корпорации?

Айн отставил коктейль в сторону и внимательно посмотрел на улыбавшегося База:

— А мои цели не расходятся с целями корпорации. Пока…

— Пока?

— Пока мне платят.

— А если бы тебе предложили более выгодные условия в другом месте? Скажем, в «Америке»? Думаю, ты понимаешь, дружище, я спрашиваю не от праздного любопытства. Что скажешь? если бы твою кандидатуру рассмотрели на более высокую должность, на более высоком уровне, чем эта твоя… как ее?..

— Ангелика.

— …чем Ангелика. На уровне Совета Директоров «Америки»? Думаю, я мог бы это устроить, — пошел тогда напрямик Баз.

— Думаю, это стало бы свидетельством того, что стоимость моих профессиональных навыков на рынке труда существенно возросла… Но, ведь, мне пока не делали никаких предложений, Баз… — пожал плечами Айн и снова потянулся за бокалом.

Управляющий четвертого уровня Айн отпил еще немного из уже нагревшейся от теплого бриза кружки, и оценивающе посмотрел на сидевшего напротив него чернокожего мужчину.

— Я согласен.

— Ну и отлично! — Широко улыбнулся собеседник, и добавил, обернувшись в сторону сооружения из множества бочонков с торчавшими из них крениками, опоясанного по периметру барной стойкой — грубо отесанной доской, покоившейся на составленных в два ряда сундуках и ящиках, за

которой суетился одноногий официант:

— Эй, господин Пират! Еще две кружки пива, пожалуйста!

Выпив с Базом по второй кружке, Айн вернулся в номер, где вместе с Элис его ожидала Ангелика в сопровождении двух офицеров корпоративной полиции.

— Кажется, мне следует тебя поздравить, Айн… — вместо приветствия произнесла она. Губы женщины тронула легкая улыбка.

Айн на мгновение впал в замешательство, но быстро взял себя в руки:

— Не понимаю. При всем уважении, госпожа управляющий директор, но что вы *здесь* делаете? и что это еще за странные поздравления? …как вы здесь вообще оказались? — Айн понимал, что дела его плохи, но не собирался легко сдаваться. *«Пусть попробует доказать… тощая сука»*, — подумал он.

— Отвечу по порядку, Айн… — медленно произнесла Ангелика. — Я ждала *здесь* тебя, сукин ты сын, пока ты закончишь договариваться со своим дружком из «Америки».

Айн открыл было рот, чтобы выразить возмущение, но Ангелика выставила вперед тонкий указательный палец:

— Заткнись и слушай. Я еще не закончила. Итак, мое поздравление… Оно по поводу успешных переговоров с тем типом, в том идиотском баре с идиотским названием, о твоем будущем трудоустройстве…

При этих ее словах один из офицеров включил на портативном терминале запись их с Базом разговора: как раз того момента, когда голос Айна отчетливо произнес: «я согласен».

— А оказалась я здесь сразу после того как ты, дружок, трахнув в очередной раз, как ты наверно полагаешь, жену одного из своих подчиненных, побежал продаваться…

При эти словах Ангелики, Айн обратился (уже не так уверенно) к стоявшей в стороне и смотревшей в окно на огни материка любовницы:

— Элис? Чего ты молчишь? Что здесь, черт возьми, делают все эти люди?

— Офицер Рахиль, Айн, — обернувшись, ответила «Элис». — Корпоративная полиция. Личный номер тебе знать необязательно… — сказала она и с нескрываемым презрением добавила: — Ты попался, Айн.

ГЛАВА 2

год 1619-й Новой Эры, Земля, западное побережье североамериканского континента

Ровно в пять тридцать Макс открыл глаза. Сознание включилось, реагируя на запланированный двумя часами ранее пробуждающий импульс. Зевнув и потянувшись, он встал с кровати и босиком прошлепал в туалет, после — в душевую кабину, буркнув на ходу компьютеру, чтобы тот приготовил завтрак и кофе.

— Доброе утро, Макс, — прозвучал знакомый голос.

— Доброе утро, Клэр, — ответил Макс и скрылся в кабине.

Тугие прохладные струи ливнем обрушились на него и поливали в течение пяти минут со всех сторон. Освежившись и обсохнув под потоками теплого воздуха, Макс вышел из кабины и направился комбайну — давно устаревшей модели комбинированного пищеблока, выступавшей из специальной ниши в стене в противоположной части прямоугольной квартиры-студии.

— Завтрак готов, — сообщил комбайн бесполым голосом, когда Макс подошел к нему.

В открывшемся окошке его уже ждал поднос с тарелкой комбинированной из различных видов злаковых каши, поджаренный хлеб, стакан молока и чашка с ароматным кофе.

Забрав поднос, Макс расположился за небольшим полукруглым, выступающим из прозрачной стены-окна, столиком. За окном уже начинался летний день; высокие редкие облака над океаном говорили о том, что день будет солнечным.

Макс принялся за кашу, запивая ее прохладным молоком.

— Как спалось? — Поинтересовалась Клэр.

— Спал хорошо, как убитый. Только не выспался…

— Ну, я же тебе говорила…

— Да-да, знаю, Клэр, знаю… Все правильно говорила. Думаю, пора завязывать со стимуляторами… Человеческий мозг, сколько его не стимулируй нейросетью, должен нормально спать. Хотя бы пять — шесть часов… Что там с киберполицией? Отчет запрашивали?

— Да, в пять. Эта тупая машина, — Клэр упомянула домашний компьютер, — доложила о том, что ты ведешь себя хорошо, читаешь корпоративные новости и легальную литературу, смотришь рекламу… — в общем, все то, что я ей прописала…

— Спасибо, Клэр. Только не перестарайся с конформизмом…

— Не беспокойся. У меня хорошее чувство меры.

— И поразительная скромность, — с улыбкой сказал Макс.

— Еще чего! Мало того, что я виртуальная, так еще и скромницу из меня хотят сделать! — Максу представилась обычная девушка, надувшая губки, задравшая высоко носик и демонстративно сложившая руки на груди.

Клэр нравилось вступать с Максом в перепалки. Эта игра ее забавляла, так как она имела дело с непредсказуемым, в отличие от искинов, собеседником. Терабайты прочитанных ею книг и просмотренных фильмов сделали ее практически непобедимой соперницей в этом отношении. Переспорить ее Максу уже давно не удавалось. Она могла спорить и препираться часами. Но они с Максом не всегда располагали временем для таких споров. Работа тоже требует времени, — работа официальная и работа другая — работа, о которой посторонним знать не обязательно.

— И обидчивая, — добавил Макс, продолжая улыбаться.

— Ну уж нет! — фыркнула Клэр.

— Ну, все, все… Обнимаю, глажу по головке… — сказал Макс примирительно.

— Мне приятно твое внимание, Макс, — ответила Клэр с нотками печали в голосе.

— Ты умница, Клэр. Была бы ты живым человеком, я бы тебя часто обнимал…

— Но, я же не человек… — Клэр явно смутилась. — И потом… — она быстро нашлась, — может быть, я бы выбрала себе мужское тело! Вот тогда как бы ты меня обнимал? — засмеялась она. — Я же знаю, крепким мужским объятиям ты предпочитаешь объятия хорошеньких девушек…

Будучи создателем искина, Макс знал о его, точнее — о «ее» предрасположенности. Возраст искина был невелик — всего один год и восемь месяцев, но этого времени было вполне достаточно для формирования виртуальной личности, уровень развития которой соответствовал человеку двадцати двух — двадцати пяти лет, — вполне достаточный для самоопределения возраст.

Как сообщали результаты исследований в области искусственного интеллекта, которые Макс «позаимствовал» из базы данных одного исследовательского института корпорации, в большинстве случаев, искин идентифицирует свою «половую принадлежность» либо как противоположную полу своего создателя, если собирается использовать кибер-аватар, либо как нейтральную.

— Все зависит от характера объятий… — парировал Макс.

Покончив с завтраком, он вернул поднос в окошко комбайна

и, снова усевшись на прежнее место, отпил из чашки уже остывающий кофе.

— Клэр, подключи, пожалуйста, компьютер.

— Подключаю…

Нейроинтерфейс сообщил о подключении и домашний компьютер тут же запросил пароль. Макс мысленно кликнул по возникшему перед ним ключику и соединился со своим домашним компьютером (с настоящим компьютером, а не с той эмуляцией, по которой Макс позволял рыскать полицейским программам корпорации и всяких там блюстителей авторских прав).

Факт создания искусственного интеллекта, хотя и являлся преступлением, но таким преступлением, на которое руководство компании, в которой работал Макс, могло бы и закрыть глаза. И даже более того, — создание искина в домашних условиях непременно привлекло бы внимание руководства компании на талантливого сотрудника — на такое способен далеко не каждый рядовой программист. Такие сотрудники ценятся. Но…

Но, у полиции при этом непременно возникли бы вопросы: откуда у простого программиста появился дома компьютер, мощность которого позволяет создавать среду для рождения и развития искина?; зачем этому программисту понадобился дома свой искусственный интеллект?; не занимается ли этот специалист шпионажем в пользу конкурентов?; не занимается ли этот специалист разработкой нелегального программного кода? и еще много других вопросов.

Если бы Максу при этом удалось отмести все подозрения и убедительно доказать, что его домашний суперкомпьютер, не уступающий по мощности его рабочей машине (а по объему виртуальной памяти и вовсе превосходивший последнюю), оказался в его квартире легально и имеет все необходимые разрешения, то, возможно, вопросов бы больше не последовало. Но, история появления в его квартире суперкомпьютера была делом темным. К тому же, за обнаружением суперкомпьютера неизбежно последует и обнаружение взлома энергосистемы башни, — чтобы скрыть реальное энергопотребление сверхмощного компьютера (потребляющего едва ли не на порядок больше энергии, чем требуется обычной домашней машине) Максу пришлось внести «маленькие корректировки»… За всем этим последовало бы главное: Максу пришлось бы убедить агентов ГОАП — Гильдии охраны авторских прав, в том, что он не имеет ни малейшего отношения к нелегальному коду. И вот тут его ждали бы настоящие, большие неприятности…

Макс открыл рабочую среду. Среди нескольких десятков

пакетов программ с понятными только ему одному названиями Макс выбрал последний в списке, тот, над которым работал последние две недели, и кликнул, открывая контекстное меню. Выбрав «установить», расслабился, прикрыв глаза и стараясь ни о чем не думать. Перед Максом развернулось командное окно компьютера, в котором быстро побежали наборы символов оповещавших о ходе установки программы: команды и отчеты об их выполнении быстро сменяли друг друга, в открывшихся дополнительных информационных окнах показывались понятные любому простому пользователю нейроинтерфейса пояснения и инструкции по применению программы. Макс внимательно перепроверял составленные им инструкции. Через минуту окно свернулось, и перед глазами появилась прозрачная надпись: «программа установлена». Макс сморгнул, надпись исчезла.

— Все хорошо, Макс? — поинтересовалась Клэр.

— Да, — ответил Макс, осматриваясь по сторонам и прислушиваясь к звукам вокруг.

В квартире ничего не изменилось: все те же, светло-бежевые, стены, пол, цвета темного шоколада, сплошная прозрачная внешняя стена и растущий из стены стол из матового стекла, чашка с недопитым кофе на столе… За окном — уходящий за горизонт океан. Макс подошел к окну и посмотрел вниз: внизу лежала Новая Калифорния. Транспорт на улицах едва заметен. Он побарабанил пальцами по столу, протянул руку и, взяв чашку, одним глотком допил остывший напиток.

— Осталось протестировать, — добавил он вставая.

Он встал и направился в другой конец помещения, к стенному шкафу. Выбрав там серые брюки и оливковую рубашку со стоячим воротником и по-летнему короткими рукавами, Макс быстро оделся и направился к выходу.

— Удачного дня, Макс, — сказала Клэр, когда тот подошел к двери.

— Не скучай, Клэр. Вся Сеть в твоем распоряжении… И еще…

— Да, Макс?

— Ты не будешь вечно сидеть в виртуальной среде. Это я тебе обещаю.

Сказав это, он сделал соответствующий команде «открыть дверь» жест рукой и дверь ушла в сторону, выпуская Макса к лифтам.

Со ста сорокового этажа лифт спускался почти пять минут. Макс прошел через обширный вестибюль мимо поста охраны (при этом терминал на руке охранника, внешне напоминавший старинные электронные часы, приветливо моргнул зеленым и

пикнул, подтверждая, что Макс (личный номер: 66161-31992-H02-5B) действительно жилец башни), похожий на гамадрила охранник изобразил дежурную улыбку. Макс кивнул в ответ, направляясь к выходу.

Первое, на что он обратил внимание, выйдя на площадь перед башней, было обилие белого цвета. Никаких улыбающихся с голографических экранов красоток, томно поедавших сладости или пьющих напитки. Никаких альфа-самцов, небрежно поигрывающих брелоками с чипами от престижных авто (в салонах которых альфа-самцов ожидали все те же красотки, что на соседних экранах упивались напитками до серийных оргазмов). Все красотки и красавцы, все успешные бизнесмены и туповатые спортсмены, излучавшие надежность банкиры и рафинированные политики исчезли. Программа работала.

Звуки. Макс теперь слышал только то, что не несло информации о товарах и услугах. Никакой «социальной» рекламы, назойливо призывавшей «поддержать экономику», потратив ваши терракредиты на очередную ерунду.

Макс направился к уже ожидавшему его у парковки автомобилю. Вызвав на ходу меню программы, он сменил цвет антибаннера на светло-серый.

«Немного матового… так… этот мягкий фон куда приятнее белого глянца…»

— Станция. Направление: центр. Поспеши, — сказал он, садясь в машину. Бортовой компьютер ответил дружелюбным баритоном:

— Выполняю. Приятного пути, Макс.

Макс почувствовал, как его мягко вдавило в кресло: машина набирала скорость. Через двадцать минут он был на станции. Дружелюбный баритон пожелал ему удачного дня, и машина отправилась на ближайшую стоянку.

Поезда до Полиса шли с интервалом в тридцать минут и следующий отходил ровно в семь. Людей на станции было не много. Макс прошел к нужной полосе на второй уровень. Поезд как раз подавали. Блестящая как зеркало металлическая змея медленно выползала из шлюза.

Каменный пол зала отправления перечеркивали пять угольно-черных, блестевших глянцем дорожек. Над самой дальней слегка покачивался в воздухе, реагируя на входивших внутрь пассажиров, Арктический экспресс. Поезд Макса уже полностью выполз на третью полосу и приветливо распахнул двери вагонов. Объявили посадку, и Макс спустившись по траволатору с переходного мостика, прошел ближе к голове поезда.

Он любил поезда. В древности, еще до Большой Войны, и в первые века после, когда поезда еще бегали по рельсам, гремя тележками, перемещение на поезде было принято считать менее престижным, нежели на самолете. Теперь же гражданская авиация почти полностью исчезла: самолеты летали только в тех направлениях, куда, пока еще, нельзя было добраться на вакуумном поезде, который почти в два раза быстрее авиалайнера, более безопасен и комфортен. Летящему в вакууме прозрачной трубы над магнитной лентой поезду не требуется преодолевать сопротивления воздушных потоков, а его пассажирам — связанных с изменением высоты неудобств. Тридцать пять минут на экспрессе, и вы в Полисе, сорок пять — вы на Аляске, час, или чуть более того, и вы уже в Европе, в Австралии, в Северо-восточной Азии, на северном или южном полюсе. Один час двадцать минут — среднее время, за которое теперь можно было оказаться на противоположной стороне планеты, — недоступная для гражданской авиации мобильность. Тянувшиеся по дну океанов вакуумные трубы-тоннели не прерывались, как то было на материках или на островах, частыми станциями с необходимыми при этом шлюзами и поезда по этим участкам ходили много быстрее, что и позволяло преодолевать столь большие расстояния за столь короткое время.

Те, у кого были деньги, запросто могли жить где-нибудь в Австралии или в Шотландии, а работать в Нью-Йорке или в Нью-Москоу или в Антарктиде — в одноименном городе-куполе, через центр которого проходит земная ось — или вовсе не работать. Если, все же, работать, то, разумеется, не в шахте или на стройке… Макс работал в Полисе — в городе, который, спустя вот уже пятьсот двадцать лет от времени образования на планете единого государства официально не имеющего столицы, по-прежнему все еще продолжали называть «Столицей Земли». Впрочем, звание «Столицы» было не более чем данью традиции и знаком уважения к городу, с которого шестнадцать веков назад началось Новое Возрождение.

Когнитар пятого уровня Макс был рядовым программистом корпорации «Линея». Он жил в предоставленной ему корпорацией служебной квартире (довольно скромной, по меркам корпорации) в двухсотэтажной башне на берегу Тихого океана.

Макс уселся в удобном кресле, пристегнувшись широким ремнем. В салоне поезда было непривычно тихо, голограммы располагавшихся вдоль прохода экранов лишь обозначались прозрачными серыми контурами; никакого звукового сопровождения транслируемого на экранах рекламного контента Макс не слышал. Все звуки естественного происхождения и не

имевшие отношения к рекламе его слух продолжал по-прежнему воспринимать, но передаваемые дистанционно, напрямую на слуховой нерв, рекламные сообщения нерв воспринимать начисто отказывался.

«Код работает…» — довольно улыбнулся Макс.

В прошлом многие избавлялись от назойливой рекламы при помощи вакуумных наушников и любимой музыки, которая, как многократно до того слышанная, не мешала думать или читать или играть в занятную игрушку в мобильнике, тем самым сводя на нет усилия рекламщиков и маркетологов. Но хрен вам, мальчики и девочки! Вы едете в поезде (автобусе, трамвае, летите в самолете) принадлежащем собственнику, который вам ставит условие: «вы едете в *моем* поезде, и либо вы слушаете и смотрите рекламу, либо платите ваши терракредиты за возможность не смотреть и не слушать рекламу, либо не едете в *моем* поезде». Вскоре социалинженеры корпораций нашли решение проблемы, а в Мировом Корпоративном Правительстве приняли необходимые поправки в законодательстве и вот теперь, все находившиеся в общественных местах законопослушные граждане должны были смотреть и слушать рекламу. (Даже если закрыть глаза и не смотреть, отказаться от прослушивания попросту невозможно, в прочем, дома и на работе ваш слуховой нерв оставляют в покое…)

Приятный женский голос объявил об отправлении поезда и пожелал пассажирам приятного пути. Состав плавно втянулся в шлюз, где вначале слегка замедлился (в это время снаружи откачивался воздух), а после начал стремительно набирать скорость, — подавшееся назад кресло погасило инерцию. Снаружи было темно: тоннель на этом участке проходил глубоко под землей, пронзая насквозь основание горного хребта. Когда поезд вынырнул на поверхность, справа и слева стояли зеленые стены, в которые превратились высаженные вдоль трубы-тоннеля деревья, и лишь небо над головой осталось небом, разве что облака теперь неестественно быстро неслись навстречу и исчезали где-то позади.

Ровно в семь тридцать пять двери вагона открылись, выпуская пассажиров на станцию «Полис-юг-03».

Большинство станции вакуумной системы были спроектированы по единому стандарту для удобства пользования: эта станция хоть и отличалась размерами, числом магнитных полос на уровнях и числом самих уровней, ориентироваться здесь было также просто, как и на любой другой станции в любом городе. Макс поднялся по такому же, как и на его станции, траволатору на такой же пешеходный мост и направился к выходу

в город.

Полис встретил Макса непривычным спокойствием и обилием светло-серого. Он вошел в меню настроек программы: город вокруг стал сначала красным, потом зеленым, синим, желтым… остановившись на светло-зеленом, почти белом, Макс свернул меню.

На остановке ожидал корпоративный автобус. Внутри уже сидела небольшая компания — двое молодых мужчин и девушка — друзей Макса по работе — Дан, Иль и Рина.

— Всем привет! — поздоровался Макс, заняв свободное место рядом с Даном и напротив Иля и Рины в дальнем конце просторного салона.

— У тебя усталый вид, Макс, — заметила Рина. — Ты по ночам совсем не спишь?

Темнокожая, худенькая и просто невероятно большеглазая девушка с перехваченными лентой позади головы черными как ночь, пышными волосами, нравилась Максу с первого дня их знакомства, с которого минуло немногим больше полугода. Все это время их отношения были дружескими и не более того, — Макс всегда избегал романов на работе, — но чем дольше длилось их знакомство, тем отчетливее он понимал, что влюблен в эту девушку. Много раз Макс собирался сказать ей своих чувствах, и каждый раз откладывал разговор: пока они с Риной были просто друзьями, они могли свободно общаться, но что если она ответит ему отказом? Станет ли Рина после его избегать? Каждый раз, упустив очередную представившуюся для разговора возможность, Макс потом ругал себя, называл «трусом», и снова говорил себе: *«в следующий раз я ей все скажу и будь, что будет…»* А потом — все по новой…

— Да… читал немного… — солгал Макс, посмотрев на тонкие пальцы Рины, лежавшие на обтянутых синими брюками коленках.

Максу было неприятно отвечать Рине неправдой, но не рассказывать же всем троим о том, что он полночи провел, заканчивая работу над противозаконной программой, за которую его запросто могли отправить в какую-нибудь шахту на южном полюсе (и хорошо, если то будет земной полюс)…

— Нахрен чтение, Макс! — махнул широкой рукой—лапой сидевший рядом Дан — бородатый здоровяк с тугой толстой косой на затылке, делавшей его чем-то отдаленно похожим на древнего варвара. Рядом с Даном далеко немаленький Макс смотрелся крепышом, не более того. Дан был человеком хронически веселым, большим любителем пошутить. — Все

нормальные люди по ночам играют в игры… или, — добавил Дан, виновато покосившись на сидевшую напротив него Рину, — на худой конец, виртуалят…

— Ты же знаешь, Дан, я не любитель играть в игры…

— А как насчет полуночных цып, что блуждают по Сети в поисках вирта? — не унимался Дан. Он по-приятельски приобнял Макса, положив руку-лапу тому на плечо.

— Спасибо… я уж как-нибудь без цып… — ответил Макс, глядя на коленки Рины. — Как представлю, что той цыпой в реальности может оказаться волосатый громила, вроде тебя, или кто похуже... так сразу желание пропадает, — отшутился он, дернув плечом.

— Ты это… — здоровяк убрал ладонь с плеча Макса, поняв намек. — Смотри… а то станешь онанистом-отшельником, как наш Иль… — Дан скорчил кислую бородатую рожу сидевшему против него Илю. Абсолютно лысый, лишенный даже бровей и бледный как вампир Иль картинно погрозил здоровяку кулаком. В ответ Дан изобразил испуг и прикрылся от «вампира» здоровенными ручищами.

Дан еще некоторое время подшучивал, то над Илем, то над Максом, но, с появлением в автобусе все новых слушателей, постепенно успокоился. В то утро из четверых друзей, похоже, только у одного Дана было приподнятое настроение. Иль уставился в окно; Рина принялась что-то записывать в мобильнике; Макс просматривал в интерфейсе подготовленный для него заботливой Клэр план работ на предстоявший рабочий день. Автобус стоял еще некоторое время, терпеливо дожидаясь пока все, кто были записаны в памяти бортового компьютера, появятся и займут места в салоне. Когда все пассажиры наконец собрались, двери автобуса закрылись и машина мягко тронулась набирая скорость.

В это самое время меж волокон Максовой рубашки уже натягивались тончайшие мембраны, а в местах переплетения темных желтовато-зеленых нитей собирались прозрачные силиконовые капли, пронизанные тончайшими металлическими проволоками. Уже через полчаса мембраны были готовы реагировать на малейшие колебания воздуха, а накапливавшие статическую энергию силиконовые растяжки питали микропередатчик, бывший ядром прозрачной липкой крошки, что перекочевала с ладони добродушного весельчака Дана на плечо Макса. Исходившие от микропередатчика вибрации мембран и гудение проволок улавливались установленными повсюду приемопередатчиками и перенаправлялись, согласно обозначенному уникальным тембром звучания микро-проволок

маркеру, на адрес, за которым было закреплено устройство.

Автобус быстро ехал по улицам планетарной столицы, временами плавно перестраиваясь из ряда в ряд. С окончательным переходом всего транспорта на автоматическое управление, и с полным запретом ручного, пробки на дорогах остались в прошлом. Даже в час пик потоки автомобилей продолжали, пусть и несколько медленнее, двигаться со скоростями не ниже ста километров в час.

Спустя пятнадцать минут, автобус подъехал к матово-белой, круглой как колонна башне, верхние этажи которой часто скрывали облака. Тем утром верхушка башни была хорошо видна, — все трехсот-восьмидесяти-этажное здание освещало уже поднявшееся над горизонтом солнце.

Не доезжая до центрального входа в башню, автобус свернул влево и, притормозив у поста охраны, устремился в ярко освещенный проезд паркинга в основании здания.

Едва четверо друзей отделились от вышедшей из лифта порции работников, как к ним подошел администратор и сообщил Максу о том, что его срочно вызывает госпожа управляющий директор. Макс спросил было о причине вызова, но в ответ администратор лишь сухо пожал плечами.

Макс заметил как странно тогда взглянула на него Рина, — что-то промелькнуло тогда в глазах девушки. Входя в экспресс-лифт, Макс пытался понять: что же именно? что было в ее взгляде? грусть? сожаление? волнение? но потом его захватили другие мысли. Макс беспокоился о Клэр, — не вышла ли на нее киберполиция, не стало ли о ней известно корпорации; ему было не по себе от мысли, что его разоблачили, что директору известно о том, что он создает нелегальные программы, что стали известны его счета в банках, на которых лежали полученные им от заказчиков деньги… — все эти тревожные предположения вытеснили тогда из головы Макса размышления о том странном взгляде Рины.

— Здравствуй, Макс, — бросила взгляд на вошедшего в кабинет Макса скуластая, короткостриженая брюнетка в деловом костюме — уже немолодая, но все еще привлекательная женщина.

Ангелика, управляющий директор компании «Линея-10», сидела в светло-голубом кресле за полупрозрачным рабочим столом, элегантно закинув ногу на ногу. В интерьере кабинета, имевшего форму изогнутого по пологой дуге широкого пенала, преобладали оттенки синего, голубого и цвета морской волны;

стол в виде причудливой мутной кляксы из застывшего кем-то небрежно пролитого жидкого стекла, стоял точно посредине кабинета и позади стола открывался панорамный вид на Полис с полутора километровой высоты. Над столом справа от нее медленно вращалась голограмма с изображением лица Макса и множеством гиперссылок.

— Здравствуйте, госпожа управляющий директор.

— Прошу, садись… — она указала на один из двух стульев, стоявших напротив.

Макс сел.

— …и, можешь называть меня «Ангелика», — добавила она.

— Как скажете, госпожа…

— Просто «Ангелика», без «госпожи»…

— Хорошо, Ангелика… — исправился Макс.

— Ты наверное задаешься вопросом: для чего я тебя пригласила? — улыбнулась женщина.

— Да, конечно… задаюсь… — ответил Макс.

— И как, есть предположения? — Ангелика снова улыбнулась.

— Эм… Если честно, то — нет… — соврал Макс: он был почти уверен в том, что понимал причину, по которой его вызвали.

«Она знает!»

— Я думаю, ты не на своем месте, Макс, — перешла к делу Ангелика.

При этих ее словах Макс живо представил себя в шахте, с отбойником в покрытых окаменелыми мозолями руках.

— О! нет-нет! не стоит волноваться! — Ангелика заметила как быстро Макс изменился в лице, и поспешила его успокоить. — Ты все делаешь хорошо и правильно. — Она широко улыбнулась. — Ты ответственный, исполнительный, и, что я больше всего ценю в сотрудниках, инициативный: работаешь не только на работе, но и дома…

Макса заверение начальницы успокоило не сразу. Он успел почувствовать спиной ледяные сквозняки антарктических выработок…

— …об этом косвенно говорит твой невыспавшийся вид и выдаваемый объем работы, — продолжала Ангелика. — Ты приходишь утром и заливаешь в свой рабочий компьютер готовые материалы, на разработку которых, по предположению нашего искина, у тебя должно уходить, в среднем, три—четыре часа личного, неоплачиваемого компанией времени…

Управляющий директор снова, приветливо, почти ласково улыбнулась Максу и Макс наконец поверил в то, что он ошибся и

ни какие северные шахты его не ждут.

«Кажется, пронесло…» — сказал тогда про себя Макс, ощутив всей кожей как в кабинете потеплело. Если бы не увлечение Клэр его работой, у искина могли бы появиться совсем другие догадки…

— Ну, бывает… — ответил Макс, — иногда, что-то приходит в голову… вот и записываю, чтобы не забыть…

— Не скромничай, Макс.

Макс не скромничал. Макс боялся. В тот самый момент в его черепе, в его нейроинтерфейсе стояла написанная им программа, могущая стать причиной больших неприятностей.

— Что вы… Ангелика… Я просто не вижу за собой никаких особых заслуг…

— Зато вижу я, — отрезала управляющий директор. — Как ты смотришь на то, чтобы возглавить один из отделов нашей компании?

— …Я? — Макс опешил.

— Да, Макс. Ты.

— Но…

— Буквально позавчера, — продолжила Ангелика, — один из наших отделов… отдел нейросетевых разработок, остался без управляющего, и ты у нас — кандидат номер один на эту должность, Макс.

— Управляющий Айн…

— *Бывший* управляющий Айн, — хищно оскалившись, поправила Ангелика.

— Бывший… А что с ним?

— С ним случилось то что, увы, иногда случается с людьми: Айн решил продаться, как последняя шлюха… и предать корпорацию.

— Но, у него четвертый уровень… — впервые, с того момента, когда он вошел в кабинет, взглянул на Ангелику Макс. — У него была успешная карьера…

— А теперь она закончилась.

— Но, и все же, почему я… Ангелика? — Макс снова взглянул на начальницу.

— Компании нужен организатор. И твои лидерские качества… не скромничай, Макс, я знаю, что говорю… нам подходят. Ты пользуешься уважением сотрудников, ты сможешь сплотить вокруг себя команду, при этом ты не столь честолюбив, как мне кажется, как это продажное дерьмо — Айн…

Макс был в растерянности. Такого разворота событий он точно не ждал.

— Что ж… Вижу, тебе надо немного взбодриться, Макс… —

усмехнулась Ангелика.

Она встала и, улыбнувшись, обошла стол.

Стена напротив панорамного окна была сплошь отделана прямоугольными пластиковыми панелями цианового оттенка, — около трех метров в высоту (высота потолка в помещении) и около полутора — в ширину каждая. Ангелика прошла к стене, коснулась одной из панелей и та сначала утонула вглубь стены и после плавно ушла в сторону: в открывшейся нише оказался комбайн-бар. Нажав комбинацию кнопок, Ангелика получила два низких стакана с толстым дном, наполненные на четверть светло-желтой жидкостью, в которой уже плавали несколько кубиков льда.

Вернувшись к столу, она поставила один стакан перед Максом, а второй — потянувшись через стол и при этом слегка прогнувшись — возле противоположного края стола. Непринужденности, с которой она это проделала, вполне естественной гибкости и грации Ангелики могли бы позавидовать юные гимнастки. В тот момент Макс почувствовал резкий прилив крови в паховой области и сильное желание оттрахать госпожу управляющего директора прямо там, на столе…

Макс быстро вернул самообладание, радуясь тому, что она была в брюках, а не в юбке: тогда он, скорее всего, не смог бы удержаться от того, чтобы протянуть руку и…

Обойдя стол, Ангелика села в свое кресло и, изящно заложив ногу за ногу, приняла прежнюю позу, в которой смотрелась очень эффектно и о чем, конечно же, знала. Улыбнувшись Максу улыбкой, ясно сообщавшей ему о том, что его внутренняя борьба не осталась для нее незамеченной, Ангелика подняла стакан:

— За твое повышение, управляющий Макс…

При этих словах начальницы Макс тоже взял стакан и, когда та пригубила источавшую терпкий аромат жидкость, сделал смачный глоток.

— Ну… Что скажешь, Макс? Тебе уже лучше?

— Спасибо… Ангелика… Да… конечно…

— Вот и замечательно.

Ангелика сделала еще один маленький глоток виски, выдержав паузу.

Макс одним глотком допил содержимое бокала и наконец унял волнение.

— Тебе наверно интересно, что там вышло с Айном? — спросила Ангелика.

— Скорее, не *что*, а *зачем*… Зачем четвертому уровню было идти на предательство корпорации?

— У древних был один миф про такого… как Айн…Ты знаком

с религиозными мифами древних, Макс?

— С какими мифами?

— Я говорю о христианах…

— Ах. Да, конечно. Кажется, я понимаю… — в первый раз улыбнулся немного захмелевший Макс. — Вы про Иуду?

— Про него, — сказала Ангелика. — Иуда сдал своего учителя за тридцать серебряных монет… Так вот и этот говнюк — согласился сдать свою корпорацию за терракредиты… Айн связался с одним мутным типом, приближенным к высшему совету директоров другой корпорации…

— И вам известно — какой именно корпорации?

— Из «Америки». Ему там пообещали должность «консультанта по Линее»…

— Странно…

— Что странно?

— Не подумал бы, что этот Айн — настолько глуп…

Ангелика с интересом взглянула на захмелевшего и осмелевшего Макса. Тот объяснил:

— Неужели предатель всерьез рассчитывал продолжить карьеру в «Америке» с четвертого уровня после предательства «Линеи»?

— Этот тип из «Америки» — давний знакомый Айна… Они вместе учились в университете. И, похоже, он действительно за него похлопотал… — пожала худыми плечами Ангелика. — Но я бы, на месте решившихся принять предателя на работу, выяснила бы все, что требовалось, и вышвырнула бы его вон…

— Ну, видимо, это его и ждет… — ответил Макс.

— Не ждет, — улыбнулась Ангелика, обнажив ровный ряд белых как фарфор зубов. — Он сейчас под домашним арестом, до суда. А после суда корпорация лишит его всех знаний, связанных с ее бизнесом. Нашего Иуду ждет блестящая карьера прола… Если будет стараться, может быть, даже станет мастером.

Ангелика допила виски и отставила стакан в сторону.

Макс взглянул на Ангелику. В глазах женщины плясали чертики.

Сказать, что утренний визит к директору ошарашил Макса, значит — ничего не сказать. Макс ожидал чего угодно: от увольнения с последующим судебным разбирательством до секса с директором. Но оказалось, что он кругом ошибался. (Правда, насчет последнего предположения, как ему показалось, его заблуждение вполне могло носить временный характер.)

Когнитар пятого уровня, рядовой специалист по программированию Макс, вошедший утром в кабинет директора

компании «Линея-10», вышел из него управляющим четвертого уровня — новым руководителем Отдела разработки и поддержки нейросетевого программного обеспечения.

В тот день, — в последний день, когда Макс все еще продолжал числиться программистом в отделе (пусть его личный файл и был при этом уже отредактирован корпорацией и уровень его был изменен с пятого на четвертый), — Макс решился сделать то, что ему уже давно следовало сделать…

В конце дня, когда все работники отдела уже начали собираться по домам, Макс подошел к рабочему месту Рины. Девушка уже выключила рабочий компьютер и собиралась уходить.

— Рина…

— Да, Макс… — Рина повернулась к нему от стола с погасшим монитором.

Большие темно-зеленые глаза уставились на Макса, и тот обнаружил, что все заготовленные им заранее слова вылетели у него из головы.

— …Можно тебя попросить немного задержаться?

— Да, конечно.

Повисла неловкая пауза.

«Да что это с тобой, придурок!» — обругал себя мысленно Макс. *«Давай уже, говори, раз начал!»*

— Слушай… Я не хочу, чтобы ты подумала будто я… Что став начальником, теперь… Что я хочу…

— Макс, — девушка улыбнулась, — успокойся. Я ничего такого не думаю. Мы по-прежнему друзья.

— Рина… Я давно хотел предложить тебе сходить куда-нибудь вместе, — попробовал начать заново Макс. — И теперь, когда я… Ведь завтра я уже не буду здесь… В общем… не смогу тебя увидеть…

Макс совсем запутался и, покраснев, замолчал.

— Я поняла. Ты хочешь пригласить меня на свидание, — хохотнула Рина.

— Да! — выпалил он. — Просто, теперь, когда мне повысили уровень и… это может выглядеть так, будто я злоупотребляю…

— Это выглядит так, будто я тебе нравлюсь, — снова улыбнулась Рина.

— Да, нравишься. Очень! — собрался наконец с мыслями Макс. — В общем, давай считать, что я предложил тебе это вчера, или даже два, или три дня назад, когда я не был этим…

— Долго же ты собирался, Макс… — покачала головой девушка.

— Так ты…
— Да. Конечно, Макс. Я согласна. Пойдем. А куда?

ГЛАВА 3

год 1619-й Новой Эры, Земля, Полис

Новый день для нового управляющего начался с того, что со станции его забрал не корпоративный автобус, а полагавшийся ему теперь по статусу персональный автомобиль, бывший до недавнего времени в распоряжении его предшественника.

Оказалось, что пассажирам этого автомобиля класса «лимузин» ненужно было вовсе никаких нелегальных программ для того чтобы избавиться от вездесущей рекламы. Стекла автомобиля имитировали различные умиротворяющие пейзажи за окном, которые Макс мог самостоятельно выбирать, а в самом салоне имелась стереосистема предлагавшая к прослушиванию недоступные для большинства музыкальные произведения: современные, ретро и древнейшие шедевры человечества эпохи до Великой Войны (к которым, впрочем, Макс и до того имел доступ нелегально).

Возле кабинета нового управляющего встретили его помощники: Сибл-Вей — женщина старше сорока, ведущий специалист в группе нейробиологов; Алип — чернокожий молодой мужчина, ровесник Макса, нейрохирург, — подчиненная ему группа сотрудников занималась нанотехнологиями; Амалика — северянка со светлой кожей и короткими каштановыми волосами — координатор групп программистов, писавших программное обеспечение для производимых компанией нейроинтерфейсов; и Леон — киборгизированный на две трети мужчина, отвечавший за техподдержку обслуживаемых компанией продуктов. Определить возраст Леона, человеку с ним незнакомому, было бы достаточно сложно. (Собственно человеческого в нем было только голова (за исключением пластиковой лицевой части), часть туловища и левая рука). Как позже выяснил Макс из личного дела Леона, тому было уже девяносто восемь лет, и он большую часть своей жизни — с двадцати четырех лет — работал на «Линею».

Поприветствовав всех, Макс пригласил их в свой новый кабинет.

Все, включая хозяина кабинета, решившего не занимать начальственного места, расположились в удобных креслах за столом для переговоров.

— Амалика, напомните, пожалуйста, сколько групп программистов вы курируете? — начал пятиминутку новый управляющий.

— Восемь, господин управляющий, — ответила женщина.

— Пожалуйста, без *господина*, Амалика, — улыбнулся Макс, — иначе мне придется тоже называть вас госпожой, а такое обращение вносит некоторое напряжение в общение… Мы здесь для того, чтобы работать вместе, и официозы нам будут только мешать.

— Хорошо, Макс, будем просто по имени, — улыбнулась Амалика.

— Ваш предшественник предпочитал чтобы к нему обращались: «господин управляющий», — произнес Леон, как показалось Максу, со сдержанным сарказмом.

— Да уж, Айн — капризный тип, — с нотками неприязни в голосе поддержал Алип.

— Говорят, он *пошел на повышение*… — с не особо скрываемым презрением сказала Амалика.

Амалика была ровесницей Ангелики и, даже несмотря на некоторую грубость черт ее лица, в сравнении с более утонченными чертами управляющего директора, выглядела не менее привлекательно, впрочем, этот мнимый недостаток с избытком компенсировался ее безупречной фигурой, которую, как заметил Макс, та не стеснялась подчеркнуть, подбирая свой гардероб.

Пятиминутка, оказавшаяся в итоге «двадцатипятиминуткой», прошла в атмосфере доброжелательности: новый шеф отдела и его помощники шутили, смеялись, разговаривали на отвлеченные темы, лишь вскользь касаясь работы. (О работе Макс предложил им поговорить позже, с каждым и с каждой в отдельности.) В конце новый управляющий и его помощники обменялись адресами их нейроинтерфейсов, после чего, пожелав всем хорошего дня, Макс объявил окончание встречи.

Едва все разошлись, на телефон Макса пришло сообщение.

Это был Айн.

«Поздравляю с повышением, Макс!»

«Спасибо, Айн!»

«Полагаю, господин управляющий, вам было бы интересно знать некоторые подробности относительно того, что случилось с вашим предшественником и почему именно вы оказались на моем месте?»

«Для чего вы это пишете, Айн? Причина вашего увольнения мне известна».

«Разумеется. А причина вашего назначения?»

«На что вы намекаете? Мы с вами даже не знакомы лично…»

«Верно. Я тебя ни в чем и не обвиняю, парень. Я лишь хочу

сказать, что не все так просто, как тебе кажется».

«Ничего не понимаю».

«Разумеется. По этой причине я и пишу тебе. Думаю, нам было бы лучше встретиться и переговорить лично. Мне есть, что тебе сказать, Макс».

«Странный тип…» — недоумевал Макс. — *«С чего бы это он вдруг захотел мне что-то сообщить?»*

«Где?»

«У меня дома, конечно. Я же теперь под домашним арестом. Приглашаю в гости».

«Когда?»

«Когда угодно. В любое время. У меня теперь много свободного времени. Вот адрес…»

Макс скопировал адрес в программу-навигатор и получил ответ.

«Я буду через час».

«Жду».

Окно диалога на экране телефона закрылось.

Дорога до трехсот-тридцати-этажной башни заняла у Макса почти сорок минут (за это время на вакуумном поезде можно пересечь материк, а он даже не покидал Полиса).

Войдя внутрь башни, десять верхних этажей которой принадлежали «Линее», Макс направился к лифтам (охрана, определив уровень посетителя, не стала его беспокоить вопросами). В кабине лифта Макс сообщил псевдоинтеллекту башни код-приглашение и, спустя десять минут, вышел в просторный холл на триста двадцать седьмом этаже.

Подойдя к двери квартиры, Макс обнаружил, что та была приоткрыта (прямоугольная плита была на треть сдвинута в сторону, что свидетельствовало о явной неисправности механизма) а изнутри помещения доносилась музыка древних. Макс узнал ее, то был Вагнер, звучал «Полет валькирий».

«Стоп. А где же охрана? Айн ведь под арестом…»

Макс обернулся. Справа от лифтов, вдоль перемежаемого широкими колоннами ряда высоких окон стояло несколько диванов, а перед диванами — низкие столики, между ними, перед колоннами, были расставлены кашпо с растениями, раскидистые листья которых нависали над диванами, отбрасывая тени на лица полицейских…

Оба они мирно лежали на соседних диванах и, если бы не стекавшая по лицам кровь, можно было бы подумать, что полицейские спали.

«Псевдоинтеллект!»

Макс попробовал подключиться к коммуникационному каналу башни… К общей сети… К телефонной линии… Связи не было.

«Может, это моя программа?..»

Макс отключил программу-антибаннер.

Ничего.

Макс попробовал поймать какое-нибудь радио… Радиостанции были на месте (при этом Макс обнаружил, что список доступных ему теле и радиопередач существенно увеличился: рядом с проецируемыми на сетчатку глаза названиями в списке появились значки «УРОВЕНЬ-4»).

Макс закрыл визуальное меню, включил запись воспринимаемых им изображения и звука и внимательно осмотрел помещение холла.

Конечно, он не должен был входить в квартиру. Трупы полицейских в холле были убедительным предупреждением, но Макс все же вошел.

Макс впервые в жизни оказался на месте убийства. Видеть своими глазами трупы людей, причем явно насильственно лишенных жизни, ему до этого еще никогда не приходилось. Впрочем, Макс воспринял кровавое зрелище на удивление стойко. В квартире его ждал третий мертвец.

Труп мужчины лежал на мраморном полу в пяти метрах от входа, в просторном помещении с высоким, не менее четырех метров, потолком, служившим хозяину квартиры, по всей видимости, гостиной.

Интерьер комнаты впечатлял, даже несмотря на обстоятельства. Глубокие кожаные диваны и кресла вдоль стен; на стенах — картины, репродукции мастеров древнего мира; в углах скульптуры из белого пластика — копии работ Бернини, Кановы и Микеланджело; замысловатые светильники на стенах меж одинаковых картинных рам слабо тлели, и все это, и картины и статуи и шикарная мебель и труп на полу, окутывала атмосфера тревожных звуков, порожденных музыкальным гением древнего композитора. Мертвец лежал на животе в нелепой позе: правая рука мертвеца была откинута в сторону, левая — подмята под грузным туловищем, одна нога вытянута, вторая изогнута так, будто бы тот перед смертью решил станцевать балет. Эта его поза была бы смешной, если бы не была настолько жуткой… Вокруг головы растеклась лужа алой крови. Причем голова мужчины была неестественно повернута набок. Рядом на полу лежал пистолет с удлиненным дулом, по видимости принадлежавший убитому. Стреляли сзади, — это было вполне очевидно даже далекому от криминалистики Максу: человек вошел, прошел

немного вперед и, похоже, стал осматриваться по сторонам… когда он начал оборачиваться назад, в него выстрелили… пуля вошла не в затылок, почти за ухом…

Макс обернулся.

Сзади, у отделанной белыми квадратными панелями стены стоял похожий на музейный экспонат дубовый шкаф, дверца которого была открыта.

«Значит, стрелявший прятался в шкафу… а вот и гильза…»

На полу, прямо возле шкафа, лежал цилиндрик узнаваемой формы.

Из гостиной в двух направлениях — справа и напротив входа, вели широкие, обрамленные резными колоннами и капителями проемы. За проемом справа было почти темно, а из комнаты напротив, прямо на мертвеца падали яркие лучи солнечного света. Слева, в двадцати метрах от входа, высокое прямоугольное окно занимало три четверти всей дальней стены. Сквозь едва прозрачное матово-белое стекло в помещение почти не проникал дневной свет. На фоне этого матового экрана, в окружении разлапистых, похожих на пальмы, растений, выделялась группа скульптур: три полуобнаженные девушки стояли обнявшись. Та, что стояла в центре, склонила голову к лицу одной из подруг, обнимая при этом их обеих, а те, в свою очередь, с завораживающей взгляд грацией обнимали ее, при этом взгляды двух дев были с нежностью обращены друг к другу, равно как и к третьей — той, что стояла в центре…

«Как они…» — Макс не сразу подобрал подходящее слово. — *«Красивы? Нет… Прекрасны!»*

На какое-то мгновение Макс забыл о мертвеце у его ног. Все его внимание захватили образы прекрасных девушек древнего мира. Он стоял и смотрел, пока не замолчала музыка.

Лишь когда в гостиной повисла тишина, он опомнился. Это была тридцатисекундная пауза между композициями, после которой началась «Ночь на лысой горе» Мусоргского и Макс окончательно пришел в себя.

Максу не нравился Мусоргской, как, впрочем, и Вагнер. Причем, если первый был попросту не в его вкусе как композитор, то к последнему Макс испытывал презрение, как к известному человеконенавистнику и идейному вдохновителю жестокого тирана, чья армия истребляла, как о том сообщали базы данных древних, целые народы, только потому, что те отличались внешностью от народа породившего этого тирана… (Видимо, Айну, в отличие от Макса, это нисколько не претило и тот с удовольствием слушал музыку Вагнера.)

Макс обошел труп, держась на расстоянии не менее двух

метров, опасаясь вступить в пахнущую, как ему показалось, железом лужу, и внимательно рассмотрел лицо убитого: мужчина средних лет, явно физически крепкий, черты лица крупные но неприметные…

Макс присел на корточки и увидел выходную рану на месте правого глаза и почувствовал, как к горлу подкатил ком, а во рту появился привкус горечи. Макс запустил программу-стимулятор и быстро почувствовал как вдыхаемый им воздух стал свеж, лишившись при этом всяких запахов, его вкусовые рецепторы отключились — горечь во рту исчезла и увеличилось слюноотделение, благодаря чему он смог спокойно проглотить тяжелый ком.

Поднявшись и постояв минуту, он отключил стимуляцию и вкус и запахи вернулись.

Осмотрев труп и запечатлев детали в наилучшем разрешении, Макс хотел было позвать хозяина квартиры, но вовремя сообразив что, если поблизости кто-то и был, то этот кто-то вполне мог оказаться убийцей, поспешно ретировался за дверь.

Стараясь не шуметь, Макс бегом направился к лифтам.

Дождавшись когда перед ним открылись двери просторной и безопасной кабины, Макс нырнул внутрь и тут же обнаружил сигнал коммуникационного канала. Он сообщил псевдоинтеллекту башни о происшествии, добавив к сообщению файл записи увиденного и отчет об отсутствии на этаже связи.

— Ну, и зачем ты туда пошел, Макс? Вот скажи мне! Ну, хорошо, приехал ты туда, видишь: произошло убийство… Разворачивайся и убирайся оттуда. Так нет! Наш герой полез в эту самую квартиру, которую охраняла парочка свежих трупов под дверью! Ты что, рассчитывал встретить там Айна, ожидавшего тебя с коктейлем, чтобы побеседовать? О чем, кстати, вы с ним собирались беседовать, Макс?

— Не знаю, — ответил Макс метавшей в него молнии Ангелике. — Он собирался сообщить мне нечто, как он сам считал, важное…

— Считал? Думаешь, о нем уже можно говорить в прошедшем времени?

— Нет. Не думаю. Я думаю, что Айн жив.

— Конечно, жив! Такие, как эта сволочь — живучие… Сейчас полиция восстанавливает картину происшедшего… Тот, кто это сделал, отключил квартиру и общие помещения всего этажа от служб контроля и безопасности здания. Ни одна камера на этаже не зафиксировала убийцу…

— Должны были остаться записи камер из лифта, записи с

выходов из здания…

— Полиция пока молчит. Но, думаю, они скоро разберутся… Не каждый день так нагло убивают их сотрудников.

Управляющий директор сидела в той же позе, что и в прошлый раз: изящно заложив ногу за ногу, только на этот раз брюк на ней не было, — сквозь полупрозрачную поверхность стола были видны изящные, острые колени, одно над другим. Идеально прямые ноги Ангелики выше середины бедра прикрывала юбка из плотной ткани темно-синего цвета; верхнюю часть костюма составляла в меру строгая блуза с высоким воротником, на несколько полутонов светлее юбки. Короткие черные волосы были, как всегда, безупречно уложены в незамысловатую прическу.

Голограмма над столом пестрела миниатюрными образами из памяти Макса.

— Кстати, — продолжила Ангелика, — с тобой желает встретиться Амиль — директор отделения нашей полиции.

— Но, ведь я уже дал показания на месте…

— …рядовым детективам. А теперь этим делом заинтересовался их начальник. Так, что он тебя скоро побеспокоит.

— Что ж… — Макс пожал плечами. — Буду рад помочь…

Ему не нравилась перспектива встречи с начальником полиции накануне уже запланированного свидания с Рин.

Ангелика посмотрела на Макса немного усталым взглядом, уже без молний, и ее тонкие губы тронула сдержанная улыбка.

Она сделала непринужденный жест над столом, будто отмахиваясь от назойливого насекомого, и голограмма исчезла.

— Так чего, все-таки, он от тебя хотел, Макс? — Спросила Ангелика.

— Он сказал… написал, что *не все так просто, как мне кажется…* — проговорил Макс, стараясь не смотреть на так и манившие взгляд коленки. Он уже несколько раз замечал, что смотрит на ноги директора.

— Это он о своем предательстве решил тебе поведать? — Ангелика иронически изогнула бровь.

— Я могу переслать вам диалог…

Директор сделала вид будто не заметила предложения Макса. Тогда Макс продолжил:

— Айн намекнул на то, что мое назначение на его должность неслучайно…

— Конечно же, твое назначение неслучайно! — всплеснула руками Ангелика. — Ты у меня давно на заметке. Не стану же я ставить управляющим отдела кого попало!

На это Максу возразить было нечем. В самом деле! Еще вчера он был рядовым когнитаром, пусть и пятого уровня (с пятым можно прожить всю жизнь и так и не увидеть четвертого), сегодня же он уже управляющий четвертого! — Просто головокружительная карьера для двадцативосьмилетнего программиста. Более того: ему явно симпатизировала эта женщина с безупречно красивыми ногами, которая ко всему была его прямым начальником. Вот только последнее Максу не доставляло ничего кроме беспокойства, — ведь в мире была только одна женщина, которую он по-настоящему желал — Рина.

Макс окончательно осознал это после их разговора. Именно вчера он понял, что мог потерять ее, так и не обретя. В тот момент ему стало страшно: это был страх, с которым был знаком, пожалуй, каждый мужчина — страх оказаться не избранным; страх того, что тебе предпочтут другого; что твое место займет другой; что другому достанется любовь твоей избранницы. Образ чернокожей красавицы, с тонкими чертами лица и такими яркими зелеными глазами не покидал его со вчерашнего вечера, даже в момент, когда его взгляд остановился на мертвом лице полицейского в холле трехсот двадцать седьмого этажа…

— Кофе? — отвлекла его от мыслей Ангелика.

— …Нет. Спасибо.

— Может тогда виски? — улыбнулась она.

— Нет. Я лучше пойду… Если вы не возражаете…

— Не возражаю. Иди… Хотя, постой…

Макс остался сидеть в кресле.

— Как тебе та башня?

— Какая башня? — спросил Макс, уже догадываясь о какой башне его спрашивают.

— Та, в которой ты сегодня был, конечно.

— Ну… — Макс пожал плечами, не совсем понимая какую оценку от него ждут. — Башня как башня…

— Триста двадцать восьмой этаж. Квартира «328/4», — улыбнулась управляющий директор. — Можешь переезжать в нее, когда тебе будет удобно, Макс. В следующее твое посещение, башня примет тебя за своего жильца.

Максу, второй раз за день, пришлось использовать программу-стимулятор…

Переезд в Полис — это, конечно, хорошо. Но, Клэр…Где гарантии, что новое место не окажется сплошь натыканным «жучками» и датчиками корпоративной полиции? Если полицейским станет известно о Клэр, у него вполне могут возникнуть неприятности… впрочем, теперь он уже не рядовой программист…

— Это очень… очень здорово! Я вам благодарен, Ангелика… — Макс посмотрел в улыбающиеся глаза начальницы и сам изобразил широкую улыбку. — Я закончу принимать дела и перееду без спешки… Еще раз спасибо, гос…

— Ма-а-акс…

— Еще раз спасибо, Ангелика! — спешно поправился Макс.

ГЛАВА 4

год 1619-й Новой Эры, Вирт (игровое пространство)

На черно-белом игровом поле встретились двое: Ферзь и Пешка — фигуры из черного и белого стекла.

Поле, где они встретились, лежало на дне глубокого каньона: темно-зеленые нефритовые скалы скрывали большую часть неба цвета янтаря. Игровое поле было пустым — вокруг не было видно ни одной фигуры. Все выходы из каньона были перекрыты — гарантия того, что их никто не смог бы подслушать.

«Докладывайте, агент», — сказал черный Ферзь. Голос его был изменен программой-шифратором настолько, что вполне подошел бы внезапно заговорившему на человеческом языке бульдозеру из археологического музея, в который мистическим образом вселился дух древнего генерала, привыкшего вещать без всяких микрофонов и усилителей стоявшим перед ним на плацу батальонам.

«С Айном вышла накладка…» — сказала белая Пешка тоже измененным, но более глухим, без металлического скрежета и звона, голосом.

«Насколько мне известно, тело этой «накладки» сейчас лежит в морге и с ним работают люди комиссара Эмиля… Шеф Эмиль взял дело под личный контроль…»

«Насчет Эмиля можно не беспокоиться…» — заверила Пешка. — «Вряд ли у него получится распутать этот клубок… Человека, которому я поручил устранить Айна, нет в полицейских базах… полиция скоро передаст тело нашему ведомству… Вот файл-отчет из полиции…» — На сотую долю секунды между стеклянными фигурами открылся канал, по которому от Пешки к Ферзю устремился поток дешифрованных данных.

Где-то высоко над каньоном сверкнула молния, ее вспышка отразилась на поверхностях скал, отполированной до глянца шахматной доски и в стекле, из которого были отлиты фигуры.

«Не беспокойтесь… это протокол программы-стражника…» — сказала Пешка. — «Проверка подключений…»

«Где сейчас этот Айн?» — Ферзь не обратил внимания на последние слова Пешки.

«Неизвестно. Его идентификатор нигде не отображается. Но ячейка, в которой я работаю, держит это на контроле: покушение на объект влияния... которому было уделено столько времени и сил... вызвало у подпольщиков обеспокоенность. Александр объявил внеплановый сбор ячейки… Так что, как только Айн

засветится, я об этом тотчас узнаю», — заверила Пешка.

В тот момент где-то вдали над каньоном снова сверкнула молния: обе фигуры отбросили длинные тени на клетчатое поле.

«И все же… как вы оцениваете вероятность того, что полиция раскопает следы Подполья в этом деле?»

«Думаю, вероятность невелика, но она есть…»

«Этого нельзя допустить. Эта ячейка не должна быть раскрыта», — сухо произнес Ферзь. — «Надеюсь, мне не нужно объяснять вам — почему она не должна быть раскрыта, агент?»

«Нет. Я вас хорошо понимаю, господин Куратор».

«Этот Айн достаточно скомпрометирован… Нельзя допустить, чтобы у полиции возникли сомнения на его счет…» — стеклянный Ферзь перешагнул с одного на другой квадрат белого цвета по диагонали.

Пешка сделала скромный шаг прямо.

«Разрешите уточнить…»

«Разрешаю, агент, уточняйте».

«Мы устраняем Айна как бы оказывая помощь Подполью... с одной стороны... но с другой — мы вызываем в ячейке беспокойство, которое может повлечь неосторожные шаги подпольщиков… Мне такая тактика кажется несколько эм… противоречивой…»

«Понимаю ваше недоумение, агент», — проскрежетал Ферзь. — «Цель такой тактики проста: привлечь в игру дополнительные, более крупные фигуры Подполья. У древних русских было в ходу такое выражение — «медвежья услуга»… Оно означало неуместную помощь — помощь такую, без которой нуждавшемуся в помощи было бы гораздо лучше… Так вот, устранением Айна мы окажем подпольщикам именно такую сомнительную помощь... медвежью услугу, и тем вызовем в их среде желательную для нас активность… Думаю, можно не сомневаться в том, что Александр уже связался с вышестоящими заправилами своей организации чтобы выяснить — не является ли неудавшееся вам, агент... учтите, эта неудача — ваш просчет... так вот… не является ли неудавшееся покушение вмешательством в ведомую им и его ячейкой игру структур Подполья, о которых его командиры не посчитали нужным ему сообщить».

«Понимаю», — сказала Пешка.

«Вот и хорошо», — сказал Ферзь. — «Надеюсь, вы доведете это дело до конца, агент…»

«Я имею все необходимые полномочия, господин Куратор?»

«В пределах разумного…»

Фигуры сделали еще несколько ходов по игровому полю, конца которого не было видно. Противоположные скалы

нефритового каньона казались близкими — всего-то десяток, или чуть больше десяти километров от стены до стены. Но это если смотреть на них поверх шахматного поля, если же перенести взгляд ниже и посмотреть на само поле, то поле начинало казаться бесконечным. Что до длины каньона, то, в каком направлении не смотри, две его высокие, не менее пяти или семи километров, стены все время заворачивали, и заворачивали таким странным образом, что вместе со стенами заворачивало и само пространство программы. Если посмотреть не в направлении одной из стен, а вдоль каньона, то вдали, примерно в сотне километрах, можно было увидеть одиноко шагавшие по черно-белой плоскости фигуры — ферзя и пешку.

В тот момент вверху вспыхнуло несколько раз и по каньону прокатился гром, какой бывает весной перед сильным дождем.

«Это еще что?» — Ферзь изогнувшись посмотрел на янтарное небо, по которому подобно гигантским роям пчел плыли облака желтого цвета.

«Программа-стражник сообщает нам о попытке подключиться к серверу».

«А если попытка окажется успешна? пойдет ливень?» — раздраженно спросил Ферзь.

«Нет», — ответила Пешка. — «Нас тогда просто выбросит из…»

ГЛАВА 5

год 1619-й Новой Эры, Земля, Полис

Макс решил ничего не говорить Рине о происшествии, чтобы не омрачать будущий вечер. Никого из убитых он лично не знал и их смерть не была для него большим потрясением. И даже если бы Максу случилось в тот день обнаружить убитыми все отделение корпоративной полиции в полном составе во главе с директором-комиссаром, это вряд ли изменило бы его планы на предстоящий вечер.

В конце дня они с Риной окончательно договорились о времени и месте встречи и расстались на долгие два часа. Рина жила в Полисе и она отправилась домой, чтобы приготовиться, а Максу предстояло посетить ателье, где его уже ждал заказанный им днем через Сеть костюм.

Макс несколько задержался у себя в кабинете и когда он вышел к лифтам, оказалось, что основной поток работников уже схлынул. Макс не стал пользоваться кабиной «для избранных», а, по старой привычке, вошел в общий лифт, большой и вместительный, в котором не было комфортабельных кресел, а были лишь откидные сиденья, которыми он обычно не пользовался. На полпути в кабину лифта вошел Дан и принялся поздравлять его с повышением, жать руку и хлопать по плечу. Здоровяк, как показалось тогда Максу, был искренне рад за него. Макс ощутил тогда холодный укол стыда за то, что это он, а не здоровенный добряк Дан, слывший трудолюбивым малым, был повышен в должности и уровне. Ему стало грустно от мысли, что он больше не станет, вместе с Даном и Илем и Риной — его друзьями… пусть и друзьями по работе… других у Макса не было — ездить каждое утро и вечер на корпоративном автобусе; что теперь он «четвертый», которому полагался комфортабельный лимузин эксплуататора. Поблагодарив Дана за поздравления и теплые слова, Макс обменялся с ним общими фразами и распрощался с товарищем. Он вышел из лифта этажом ранее, где на отдельном паркинге для руководства его уже ждала машина.

Когда автомобиль остановился у мощеного булыжником тротуара недалеко от пересечения двух широких улиц, на город уже начинали наползать вечерние сумерки.

Макс был удивлен, когда перед выездом просмотрел полученный на его нейроинтерфейс файл адреса, который Рина перед тем ему оставила.

Это был Старый Город — исторический центр Полиса — район самых дорогих отелей, ресторанов и магазинов. Здесь жили богатейшие из горожан — люди занимавшие высокие посты в корпорациях, директора компаний, крупные акционеры, знаменитости… Члены МКП — Мирового Корпоративного Правительства, имели где-то здесь личные апартаменты — целые десяти и двадцатиэтажные старинные здания, часть из которых была построена еще до Большой Войны.

Посреди обеих улиц тянулись ухоженные аллеи с вековыми деревьями, а в центре перекрестка высоко бил густыми струями старинный фонтан. Вдоль тротуара, у которого припарковался автомобиль Макса, тянулась широкая, не меньше двадцати метров в ширину, полоса зеленого газона, за которым вырастало отделанное каменными плитами жилое здание с балконами эпохи раннего Возрождения (Макс насчитал в здании двадцать четыре этажа). Здание стояло вторым по счету после углового.

Макс вышел из машины. Осмотрелся по сторонам.

Мимо по проезжей части мчались дорогие автомобили, да и тротуар был заполнен явно не бедными людьми. Некоторые из прохожих (преимущественно женщины) обращали внимание на стоявшего возле лимузина четвертого класса рослого, широкоплечего, смуглого молодого мужчину с немного грубоватым лицом и коротким ежиком рыжих волос на массивной голове. Его взгляд скользил по лицам прохожих женщин, не задерживаясь, даже когда те замечали его, — он не искал знакомства с ними. Дверь в салон автомобиля, похожего на большую, приплюснутую сверху серебристую каплю, была открыта (что свидетельствовало о том, что рядом стоял не случайный прохожий, а сам пассажир лимузина). На Максе был новый, с иголочки, костюм из дорогой ткани темно-синего цвета и высокие, выше середины голени, серые сапоги.

«И это здесь она живет?» — думал Макс. — *«Но как это возможно? Это район второго, третьего… ну… четвертого класса…»*— он смутился от последней своей мысли.

Он никак не мог привыкнуть к тому, что и сам он теперь принадлежал к классу этих респектабельных господ. Но Рина… Максу было известно, что ее принадлежность к пятому уровню была не от рождения. Следовательно, она была из шестого, или, может быть, даже из седьмого (Макс никогда не интересовался у нее, так как это — неприлично) уровня…

Рина, одетая в ярко-желтое короткой платье и такие же желтые короткие сапожки, выпорхнула из подъезда здания с балконами. Макс смотрел тогда вдоль тротуара, ища среди

прохожих знакомое лицо, когда ярко-желтое пятно мелькнуло слева на периферии его зрения.

— Рина… ты… ты здесь живешь? — сконфужено пробормотал Макс.

— Да, Макс, конечно же я здесь живу! — весело ответила девушка, уставившись на Макса своими большими зелеными глазами. — Ты опять за свое?

— Чего? — не понял Макс.

— Опять у тебя слова путаются? — улыбнулась Рина.

Макс лишь пожал плечами, еще больше смутившись.

— Ну же! не волнуйся ты так, Макс! Я ведь не кусаюсь, — хохотнула она.

— Извини, Рин, я и сам не знаю… что это со мной, — смущенно улыбнулся Макс. — Вернее, знаю…

— И что же с тобой такое? — спросила девушка.

— Я в тебя влюблен, Рина, — ответил тогда Макс, глядя ей прямо в глаза.

Он мог бы не говорить тех слов, — это и без слов было понятно Рине, но Макс сказал. Только так ему удалось окончательно победить свою проклятую застенчивость.

На мгновение лицо девушки отразило присущее до того одному только Максу смущение: замерев Рина смотрела на него своими большими зелеными глазами, каких не было больше ни у одной женщины на Земле.

Ростом около ста семидесяти, тонкая как тростинка, с изящными, просто безупречно ровными ногами с острыми как у девочки-подростка коленками и совсем недетскими, налитыми грудями, не нуждавшимися во вспомогательных приспособлениях вроде лифчика, темнокожая настолько, что сыскать девушку с более темной чем у нее кожей было задачей не из легких, и притом обладавшая утонченными, вовсе не свойственными чернокожим людям чертами лица, двадцатидевятилетняя Рина была великолепна.

С минуту они стояли посреди тротуара, не замечая обходивших их прохожих, и смотрели друг на друга: смуглый рыжеволосый здоровяк в темно-синем костюме и хрупкая чернокожая девушка в коротком ярко-желтом платье, изящная, точеная, как безупречная эбеновая статуэтка; а потом она протянула свою узкую хрупкую ладонь с длинными тонкими пальцами к его широкой лапе и лапа бережно сжала ладонь. Потом они рассмеялись и беззаботно пошли по тротуару не разнимая рук. Дверь лимузина закрылась и автомобиль медленно пополз следом за ними вдоль бордюра как гигантская ручная черепаха.

Большую часть вечера они бродили по старому городу, по его аллеям и скверам, блуждая по тихим улочкам и широким проспектам, прокатились на старинном метро — одной и достопримечательностей Старого Полиса, прошлись через похожий на настоящий лес старинный парк. Несколько раз они забирались в машину чтобы немного отдохнуть и переезжали из одного интересного места в другое и вновь окунались в атмосферу большого музея, каковым по сути и являлся Старый Полис.

До того вечера Макс бывал в Старом Полисе только проездом, всего несколько раз. Рина же, будучи местной жительницей, с детства знала там все, и, как показалось Максу, помнила наизусть названия едва ли не всех улиц. Она рассказывала ему о местах, через которые они проходили и Макс удивлялся эрудированности девушки. В свою очередь, сам он старался быть интересным и дополнял некоторые ее рассказы краткими описаниями основных веяний тех времен, с которыми те места были связаны. В юности Макс основательно увлекался историей древнего мира и теперь со знанием дела мог говорить об эпохе Нового Возрождения, Большой Войне и времени до нее. Впрочем, Большой Войны Макс не касался, так как они с Риной хорошо проводили время вместе и омрачать эти замечательные часы и минуты рассказами о ядерной зиме и ужасах послевоенного времени ему совсем не хотелось.

Макс наслаждался обществом Рины, изо всех сил стараясь чтобы ей было с ним легко и комфортно.

Большая часть зданий Старого Полиса были невысоки и имели не более двадцати — двадцати пяти этажей. Самым высоким зданием в старом городе оставался тридцатиэтажный дом-музей Правительства республики (известный также как «Дом Иеремии») — резиденция последнего (второго) царя Полиса и первого президента республики Полис — Иеремии, построенный за двадцать лет до Большой Войны. Возраст здания к тому времени уже превышал тысячу семьсот лет. На площади перед «Домом Иеремии» стоял один из древнейших памятников Новой Эры — гранитный монумент, увековечивший Президента Иеремию и его друга и соратника — генерала Харриса, а также последующих четырех правителей республики.

Улицы старого города были по большей части бульварами с широкими пешеходными зонами, а некоторые и вовсе давно были превращены в пешеходные аллеи. Обилие парков, скверов и площадей, из которых то тут, то там вырастали невысокие здания из стекла, пластика, гранита и железобетона, было

отличительной чертой Старого Полиса, где и теперь можно слышать урчание голубей и пение различных мелких птиц, многие поколения которых вили свои гнезда на вековых деревьях и на крышах старинных домов.

Со всех сторон Старый Полис окружали районы немногим менее древние, выросшие вокруг него в первые столетия Нового Времени. Если в старом городе лишь несколько зданий возвышались на сто и более метров, не лишая при этом зеленые насаждения улиц и парков солнечного света, а прохожих — удовольствия по ним ходить, то в новых районах все было уже несколько иначе. Выраставшие с каждым столетием все выше и выше, новые здания поднимались вначале на сотни (двести, триста, пятьсот, восемьсот) метров, а после уже и на целые километры вверх, обрекая улицы у своих оснований на постоянную тень. Освещение на таких улицах работало круглосуточно, так как большая часть улиц имела два — три и более уровней на которые солнце не могло заглянуть даже в зените.

Через пятьсот лет, после образования республики, и последовавшего затем индустриального и экономического роста, Старый Полис напоминал окруженную железными скалами зеленую долину. Теперь же, когда минуло уже более тысячи шестисот лет, его можно было сравнить, разве что, с небольшой поляной в исполинских джунглях, где вместо деревьев в небо устремились двух, трех… и даже пятикилометровые мачты из металлопластика и сверхпрочного стекла, опутанные серпантинами городских железных дорог и оплетенные «лианами» внешних экспресс-лифтов.

Они много говорили. Возбужденно, с упоением, наслаждаясь обществом друг друга. От исторических экскурсов они перешли к другим темам, о которых после вряд ли смогли бы вспомнить в точности, так как разговоры те были лишь фоном на котором развивались совсем другие, намного более важные события. В тот летний вечер говорили не слова: говорили взгляды, говорили прикосновения, говорили вздохи и даже недолгие молчания, совсем не казавшиеся неловкими.

Нагуляв изрядный аппетит, они зашли поужинать в первый попавшийся ресторан, который, как выяснилось, был открыт еще во времена Иеремии. В ресторане оказалось отличное меню: они обильно и не без удовольствия поужинали мясом и овощами. Причем Рина ела много и с аппетитом, нисколько не стесняясь Макса, как, впрочем, и Макс. Вряд ли сытный ужин мог угрожать безупречной фигуре этой полной жизни и энергии девушки. Съев

все до последней капли, они выпили немного вина и, сговорившись обязательно посетить это замечательное место в будущем, снова отправились в летнюю ночь.

— Смотри, Макс, какая красота! — воскликнула Рина когда они вышли из ресторана на освещенную мягким светом фонарей узкую улочку.

Желтое платье и поразительные зеленые глаза девушки отчетливо выделялись в свете ближайшего фонаря на фоне ее, черного как самая темная ночь, утонченного силуэта. Рина с восторгом смотрела в небо, через которое, как раз вдоль улочки, протянулся Млечный Путь.

— Удивительно! Надо же! Я и не думал, что в Полисе можно его увидеть.

— Только с крыш самых высоких башен и из старого города, — произнесла Рина.

Они держались за руки большую часть вечера и когда вышли на улицу, вполне естественно, уже по привычке, снова сомкнули ладони.

— Почти две тысячи лет люди мечтают о путешествиях туда… — сказал Макс и, помолчав, добавил: — …и все никак не выберутся из своей системы…

Глаза Рины, зеленые и поразительно большие, взглянули в глаза Макса, карие, самые обычные и ничем не примечательные, и стремительно приблизились к нему. Рука ее выскользнула из его руки, и лишь для того, чтобы вместе с другой рукой оплести его широкие, немного нескладные плечи. При этом ладони Макса сами легли на тонкую талию девушки и, смяв короткое платье в охапку, привлекли ее эбеновую фигурку к своему обладателю. Нисколько не стесняясь ситуации, Рина приблизила лицо к лицу Макса.

— Обязательно выберутся, — шепнули тонкие губы девушки перед тем, как поцеловать его.

Макс знал многих женщин, целовал их и не только, но никогда до того он еще не испытывал такой сладости от простого поцелуя… Заключив друг друга в страстные объятия, они жадно впились в губы друг друга. Длинные тонкие пальцы Рины блуждали по плечам и толстой шее Макса, пробегали по рыжему ежику его волос, гладили лицо. При этом широкие ладони парня самовольно исследовали ее поясницу и бедра, забирались под короткое платье: крепкие пальцы читали и запоминали ложбинки и впадины упругого тела девушки, блуждая вокруг ставшей влажной заветной складки, едва прикрытой тонкой полоской мягкой ткани.

— Я хочу тебя, Макс, — выдохнула с трудом оторвавшаяся от

поцелуя Рина.

— Я люблю тебя, — сказал Макс.

— Поедем ко мне, милый, — страстно прошептала девушка и снова впилась в него губами.

Тугие груди ее прижались к груди Макса и ему захотелось сорвать треклятый костюм чтобы голой кожей почувствовать как упругие соски Рины касаются его, — платье девушки, оказалось для этого несущественной преградой: Макс убедился в этом когда поднял левую руку от поясницы вверх и заключил тугую полусферу в клеть из своей пятерни.

— Машина, сюда! Живо! — бросил он, не в силах забираться в дебри нейроинтерфейса чтобы отдать команду бортовому компьютеру машины.

Стоявший неподалеку автомобиль послушно подкатил к ним и приветливо открыл дверь.

Рухнув на широкий диван, они наперебой с хохотом стали объяснять компьютеру — куда надо ехать, и как только машина тронулась снова вернулись к поцелуям. Там, в уютном пространстве лимузина четвертого класса, пятерня исследователей окончательно потеряла остатки былой застенчивости своего хозяина и наконец разделалась с и без того послушной полоской ткани, едва прикрывавшей влажную щелочку, оказавшуюся, в отличие от эбеново-черного тела девушки нежно-розовой…

Все то время, которое потребовалось машине чтобы доставить их на расположенную под зданием где жила Рина парковку, девушка с наслаждением сидела на нем, обхватив его торс судорожно дрожащими ногами и двигаясь в такт с облапившими ее ягодицы крепкими ладонями Макса. Платье Рины, костюм и сапоги Макса были разбросаны по салону: Макс был наг как Адам, на Рине были лишь короткие желтые сапожки. Когда автомобиль остановился и сообщил любовникам о прибытии в конечную точку маршрута, Рина не сразу нашла в себе силы чтобы встать с горячего и толстого хобота: она податливо двигалась вперед и назад, наслаждаясь ласками Макса, правая ладонь которого теперь лежала на ее плоском животе а большой палец касался набухшего бугорка в ее жаркой, насквозь мокрой промежности. Рина двигалась все быстрее, целеустремленно, глядя своими, ставшими еще более огромными, темно-зелеными глазищами в глаза Макса, закусив нижнюю губу, судорожно, рывками… еще… еще… еще… пока ее блестящее от пота тело не забилось в сладостных конвульсиях. Тогда она зажмурилась и салон машины огласил ее пронзительный вопль. Макс, до того терпевший (перед тем он уже один раз кончил, едва войдя в нее в

первый раз), не смог вынести этого вопля и, прижав ее потное, пахнувшее чем-то сладким, тело к себе излился в нее, как ему тогда показалось, всей жидкостью, какая только была в его теле…

Несколько минут они сидели не меняли положения, обнявшись, не разнимая объятий, подрагивая, прислушиваясь к ощущениям, пока их сердца не пришли в нормальный ритм а дыхание не стало ровным.

— Я тоже люблю тебя, мой милый рыжий Макс, — были первые слова Рины.

Нежно поцеловав его, она медленно встала, выронив из тугой промежности обмякший хобот, и потянулась за лежавшим на соседнем диване платьем.

Оказавшись в квартире Рины, куда они поднялись в просторном лифте, Макс был сильно удивлен. Квартира занимала весь верхний этаж здания и мгла вместить, по меньшей мере, десяток скромных жилищ Макса-программиста (квартиру Макса-управляющего отделом Макс тогда еще не видел).

То было квадратное помещение с множеством больших прямоугольных окон, за исключением своей центральной части, не имевшее стен-перегородок, роль которых выполняли расположенные на равном расстоянии друг от друга квадратные колонны. Центр помещения занимал очерченный бетонными стенами квадрат, с множеством дверей, часть из которых вела к лифтам и на лестничную клетку, а другая часть — к туалетам и ванным комнатам, которых в распоряжении хозяйки квартиры было аж четыре. Внутри этого просторного помещения было несколько островков из мебельных гарнитуров, спортивных тренажеров, бассейна и… зимнего сада, который, как позже заметил Макс, был все же изолирован от основной части помещения стеклянной стеной.

— Ничего не понимаю… — сказал Макс, когда они вошли в жилище девушки и Рина, взяв Макса за руку повела его к стоявшей в левом, если смотреть от входа, углу помещения широкой кровати. — Рина… Как так оказалось, что девушка из такого… — Макс не сразу подобрал нужное слово, — …круга оказалась… программистом пятого уровня?

— Из какого круга? — улыбнулась Рина, скидывая с плеч тонкие бретельки.

— Ты живешь… — Макс окинул взглядом апартаменты Рины, — …здесь… в районе богатых и влиятельных… И… твой пятый уровень и твоя работа, все это как-то не вяжется…

— Согласна, — тонкие пальцы девушки коснулись щеки Макса. — Но я не хочу жить птичкой в золотой клетке, Макс. Я

хочу жить полной жизнью: дружить с обычными людьми, встречаться с тем… — она развела в стороны края рубашки Макса, при этом накинутый на его плечи френч соскользнул и упал на пол, — …с кем сама хочу… — губы Рины слегка коснулись соска Макса, — …а не с напыщенными, мнящими о себе, будто они и впрямь боги-небожители элитарными ублюдками.

— Значит, — ладони Макса легли на упругие бедра Рины, — твой пятый уровень, работа программиста…

— Нет никакого уровня, Макс.

— То есть, как нет? Ты разве не…

— Первый? Ну, можно и так сказать… Все эти уровни… они нужны для контроля за населением планеты. Первый уровень — это отсутствие уровней, отсутствие ограничений, отсутствие контроля. У меня даже идентификатора нет… на работе приходится носить стандартный чип в кармане.

— Но, зачем тебе это все? — недоумевал Макс.

— Я уже сказала. Я хочу жить полной жизнью, хочу видеть мир таким, каков он есть, а не довольствоваться скучной жизнью дочки влиятельных родителей…

— Постой… — Макс удержал руку девушки, когда та стала расстегивать его штаны.

— Что не так?

— Все так, Рина. Я лишь хочу выяснить…

— Что?

— Наша встреча… то, что было в машине… твои слова… это — такая игра богатой, избалованной девчонки из первого класса?

Глаза Рины блеснули на мгновение гневом, потом руки девушки опустились, лицо поникло. Макс понял, что сказал глупость.

— Нет, нет и нет, — тихо произнесла Рина. — Наша встреча, наша близость и мои слова, Макс, не были игрой. Никогда больше не говори мне подобного… — она вскинула лицо и взглянула в глаза Макса своими большими темно-зелеными мокрыми от слез глазами.

В тот момент Макс был готов провалиться сквозь землю. Точнее — сквозь пол, потом еще раз… и так до самого первого этажа и подземной парковки, а потом уже — сквозь землю.

— Прости меня, — сказал он тогда. — Просто сегодняшний вечер… и… в общем, я никогда в своей жизни не был так счастлив, Рина. Кем бы ты не была на самом деле… будь ты хоть дочерью самого дьявола, я люблю тебя, — сказал Макс и поцеловал губы девушки.

ГЛАВА 6

год 1619-й Новой Эры, Земля, Полис

Вечером в день убийства начальник корпоративной полиции компаний «Линея-9», «Линея-10» и «Линея-11» директор-комиссар Эмиль, вместо того чтобы, как обычно, поехать домой к жене и двоим дочерям, отправился в отделение, где его уже ждали детективы.

Убийство полицейских наделало шуму в десятой компании. В СМИ информация пока не просочилась, но это было лишь вопросом времени. Эмиль сообщил о происшествии в головной офис, после чего его вызывал в виртуал директор Брайан и распорядился держать его в курсе дела. Эмиль лично сообщил семьям убитых полицейских о гибели тех на службе корпорации, причем вручил женам погибших сертификаты на бесплатное обучение в школах пятого класса их детей (у одного убитого их осталось двое — мальчик и девочка, у другого — одна, дочь). Эмиль также заверил вдов в скором перечислении на их счета приличных сумм, вежливо попросив при этом женщин избегать общения с журналистами.

Эти визиты вымотали Эмиля. Видеть трупы подчиненных на месте преступления не было для него так тяжело, как видеть лица их жен, которым он, Эмиль, первым сообщал о случившемся. Одна из женщин впала тогда в истерику: бросилась на Эмиля с кулаками и била его по груди и лицу, — он был вынужден тогда обнять женщину и держать пока та не успокоилась. От той встречи на щеке Эмиля осталась небольшая ссадина, — не сильно заметная, так как Эмиль был чернокожим. Вторая женщина просто тихо плакала. Вместе с ней плакала и ее пятилетняя дочь. Эмиль уезжал от них напрочь разбитым. По дороге он заехал в ближайший бар, где без всякой закуски влил в себя сто грамм спирта, — при его ста двадцати килограммах и без двух сантиметров двухметровом росте, выпитое подействовало как легкое успокоительное.

— Господин директор-комиссар… — встав с места, высокая, в меру крепкого телосложения (не худая, но и не из тех, кого можно назвать полной или даже слегка полноватой) блондинка с широкими упругими бедрами и крупным, налитым бюстом, сероглазая и с коротким каре, одетая в темно-серую полицейскую форму первой приветствовала вошедшего в офис шефа полиции. Форма сидела на ней так, как обычно сидит на новичках, когда те только начинают ее носить, — все дело в том, что форма была

действительно новой: последний раз детектив надевала ее больше года назад, так как специфика ее работы предполагала ношение исключительно гражданской одежды.

Вместе с детективом шефа приветствовали еще одна женщина и двое мужчин. Все они вежливо встали навстречу Эмилю со стоявших вдоль стены помещения жестких коротких диванов, на которых они до того расположились в ожидании его и где обсуждали детали свалившегося на них тем днем дела.

— Рахиль… — приветствовал блондинку шеф полиции. — Эльза, Джон, Ахмер… — он обратился лицом к каждому из приветствовавших его офицеров, — прошу, за мной…

Четверо полицейских проследовали за шефом в его кабинет.

— Что с трупом неизвестного? — обратился Эмиль к одному из детективов.

— Час назад из Бюро расследований прислали файл-отчет экспресс анализа ДНК-дактилоскопии, — ответил Джон, гладко выбритый тридцатипятилетний мужчина азиатско-американского типажа. — На этого типа нигде ничего нет…

— Что с баллистикой?

— Это он, — ответила Эльза, смуглая, черноволосая женщина, ровесница Джона (и его любовница), среди предков которой, судя по ее внешности, преобладали цыгане. — Парни были убиты из его пистолета… следы пороховых газов на руке…

— Ясно. Что там было с исчезновением связи?

— Пока не ясно точно… — пожал плечами Ахмер, двадцатидевятилетний светловолосый выходец из далекого Кавказа. — Такое впечатление, будто псевдоинтеллект башни сам изолировал этаж, а потом все забыл…

— А разве такое возможно? — спросил Эмиль.

— Теоретически… да, возможно… но…

— Что, «но»?

— Но, чтобы взломать псевдоинтеллект нужен искин.

— В чем проблема? У Подполья есть искины…

— На такое мог решиться только совершенно сумасшедший искин, — сказал Ахмер. — А искины, как правило, очень осторожны…

— Что с несостоявшейся жертвой покушения? — шеф перевел взгляд на Рахиль.

— Исчез, — ответила Рахиль.

— Его надо обязательно отыскать.

Директор-комиссар продолжал смотреть на женщину.

— Если для тебя это задание тяжело… — начал было он, но Рахиль замотала головой:

— Нет, сэр… Я хотела бы довести это дело до конца. Я знаю

Айна… лично. Это поможет нам его схватить.

— Хорошо… — помедлил Эмиль. — Завтра я встречусь с этим… Максом… На сегодня он — наша единственная зацепка…

— Вы хотели сказать: «подозреваемый», сэр? — повела бровью Рахиль.

— Формально — да, но я сильно сомневаюсь на этот счет… Как утверждает управляющий директор «десятой» компании, Макс узнал о своем назначении на место Айна от нее только вчера… — шеф полиции немного помолчал, после чего обратился к горцу:

— Ахмер…

— Да, сэр…

— Проверьте: есть ли, помимо работы, какая-то иная связь между управляющим директором и новым управляющим отделом…

— Не являются ли Ангелика и Макс любовниками? — уточнил Ахмер.

— Именно.

— Постараюсь выяснить сегодня, — сказал детектив. — Это будет куда легче чем искать хвосты за искином.

При этих словах Джон и Эльза мельком переглянулись. Это не ускользнуло от Шефа Эмиля, но он, как всегда, сделал вид будто не заметил: он знал обо всех служебных романах на его территории и не считал такое поведение сотрудников предосудительным, пусть инструкции и требовали обратного.

— Рахиль…

— Да, сэр…

— Завтра поедете со мной на встречу с этим Максом. Присмотритесь к нему повнимательнее…

— Хорошо, сэр, — кивнула Рахиль.

Эмиль тогда поздно попал домой: разбор деталей тройного убийства занял почти два часа времени. По меркам корпоративной полиции, в отличие от полиции городской, такое убийство можно было отнести к чрезвычайным происшествиям: одно уже то, что на него отреагировал член совета директоров корпорации, пожелав быть в курсе дальнейшего расследования, говорило об исключительности этого дела. Эмиль должен был распутать этот узел во что бы то ни стало.

Переложив с вечера все текущие дела на своих помощников Эмиль утром не стал заезжать в участок, а сразу отправился к башне компании «Линея-10», куда должна была также подъехать и Рахиль.

Утром, когда он еще был у себя дома, с ним связался Ахмер и

сообщил, что никаких указывавших на интимную связь между Ангеликой и ее подчиненным, он сделал акцент на подчиненном-Максе, следов он в Сети не обнаружил. Взламывать каналы личной связи лица принадлежавшего к третьему уровню Ахмер не осмелился, но, обычно, чтобы понять, что между людьми есть связь, этого и не требовалось, — пары и так оставляют массу следов по всей Сети, особенно на раннем периоде их взаимного увлечения…

По пути Эмиль еще раз просмотрел запись вчерашнего опроса свидетеля Макса детективами Джоном и Эльзой. Этот парень, похоже, был не из слабаков: оказавшись свидетелем тройного убийства, он, вместо того чтобы бежать без оглядки, включил запись, чем обеспечил себе надежное алиби, тщательно все записал — задокументировал, и только после, без излишнего геройства, не став шляться по апартаментам Айна, без шума покинул место убийства, продолжая вести запись всего, что видел и слышал. Пожалуй, Эмиль и сам поступил бы так на его месте. Такой толковый человек пригодился бы в отделе Эмиля… Да поздно уже, — похоже, этого парня ценят там, где он есть… и любвеобильность госпожи управляющего директора здесь вовсе не причем (не стала же она делать управляющими отделов компании своих прежних любовников и любовниц…)

Когда машина шефа полиции остановилась на парковке для третьего класса внутри башни, машина Рахили уже была там (автомобиль детектива, пусть и пятого уровня, пропустили на стоянку для избранных по той же причине, по которой машинам полиции предоставлялся наивысший приоритет на улицах города, — при исполнении своих полицейских обязанностей, Рахиль могла парковаться хоть на втором). Рахиль вышла из машины навстречу начальнику. Как то и полагалось детективам, Рахиль была одета светски — в серо-черные брюки и желтую блузу с черным жилетом (дабы не привлекать к себе ненужного внимания ни излишней яркостью тонов, ни колющей глаз подчеркнутой официозностью). На Эмиле был привычный светло-пепельного цвета костюм со значком начальника корпоративной полиции на лацкане и серые туфли.

Поприветствовав друг друга, шеф полиции и детектив направились к лифтам…

На пороге кабинета их встретил рыжеволосый молодой человек с широкой улыбкой на широком, смуглом лице в костюме управляющего.

— Здравствуйте, господин директор-комиссар, — протянул руку Макс.

— Здравствуйте, господин управляющий…

— Просто «Макс», — сказал Макс.

— Просто «Эмиль», — сказал Эмиль.

— Госпожа?.. — Макс перевел взгляд на женщину-детектива.

— Просто «Рахиль»… — Рахиль подала руку.

— Прошу… — хозяин кабинета сделал шаг в сторону, — проходите…

Все трое вошли в кабинет. Макс предложил полицейским расположиться за столом, за которым десять минут назад собирались на утреннюю пятиминутку его помощники.

— Кофе?..

Молодой управляющий держался непринужденно, без присущего Айну пафоса, на что обратила внимание знавшая Айна Рахиль. Не было в этом молодом мужчине и фамильярности, это также отметил и шеф полиции.

— Спасибо, Макс, мы… — Эмиль бросил вопросительный взгляд на детектива, — не против.

Хозяин кабинета буднично прошагал к стоявшему в углу комбайну и вернулся с двумя источавшими приятный аромат чашками, которые поставил перед гостями, потом он проделал прежний путь еще раз, чтобы забрать из аппарата третью.

— Вижу, вы в хорошем расположении, Макс… — начал шеф полиции, отпив из чашки ароматного напитка. — Вчерашнее происшествие, похоже, не оставило отпечатка на вашем настроении…

— Похоже, у меня крепкие нервы… — пожал широкими плечами рыжий здоровяк. — Находка была, конечно, не из приятных… И… — он немного замялся, — я приношу вам мои соболезнования в связи с гибелью ваших сотрудников… Но я не был ни с кем из убитых лично знаком…

Последние слова, как и слова соболезнования, сказанные Максом были сказаны искренне и без всякого притворства. Не как формальность.

— Но, все же, оказаться первым на месте тройного убийства… — сказал на это Эмиль. — Такое обычно оставляет отпечаток на психике свидетеля.

— Безусловно. Но у свидетеля вечером того же дня состоялось свидание с замечательной девушкой, в ходе которого выяснилось, что его чувства к ней взаимны… Так что, простите мне недостаток сопереживания… Но у меня есть повод для радости.

— Что ж… пожалуй, это достойный повод, — улыбнулся шеф полиции.

Рахиль тоже улыбнулась Максу.

— А, кто эта девушка, если это, конечно, не секрет? Она

работает в «Линее»?

— Да. Она программист из отдела, в котором я работал до повышения… Мы договорились о встрече до того… до вчерашних событий.

— Прошу извинить меня за мое, подчас излишнее, любопытство, Макс…

— Что вы… — примирительно развел широкие ладони в стороны новый управляющий. — Я понимаю, такая уж у вас работа…

Макс отпил немного из стоявшей рядом чашки и едва заметно улыбнулся сидевшей напротив него, рядом со своим начальником, миловидной женщине-детективу. Улыбнулся просто, по-доброму. У Макса было действительно хорошее настроение, — чувство, которое он остро испытывал со вчерашнего вечера, древние называли метким фразеологизмом «Butterflies in the stomach» (бабочки в животе) — очень точное, по мнению Макса, выражение. Мысли его были рядом с Риной: его интерфейс то и дело являл перед ним изображение девушки с огромными темно-зелеными глазами. Макс испытывал чувство старое как сам мир — он был влюблен.

— Как вы думаете, Макс, почему Айн хотел встретиться с вами лично? Что такого важного он мог вам сообщить при встрече, о чем не мог сказать в переписке? — задал вопрос Эмиль.

— Послушайте, Эмиль, меня с этим человеком никогда и ничего не связывало… Вот… — Макс достал из кармана мобильник. — Это вся наша с ним переписка… Прошу, прочтите.

Макс протянул шефу корпоративной полиции телефон через стол и держал его в вытянутой руке пока тот не взял его.

Дважды перечитав текст диалога, Эмиль вернул мобильник Максу.

— Почему вы к нему поехали?

— Чтобы раз и навсегда покончить с подобными диалогами.

Эмиль вопросительно посмотрел на Макса и тот добавил:

— Я собирался выслушать его.

— А Айн, похоже, собирался приподнять перед вами завесу некого коварного замысла, жертвой которого он стал, а с ним заодно и вы… — с оттенком скептицизма произнес Эмиль. — Звучит несколько… забавно, если учесть тот факт, что сам Айн собирался предать корпорацию… Детектив Рахиль, — шеф полиции учтиво взглянул на сидевшую справа от него женщину, — лично участвовала в разоблачении и аресте этого… хм… скажу прямо — негодяя.

— И тем не менее, вы подозреваете меня в причастности к происшедшему вчера в квартире Айна… — пошел прямо Макс.

— Нет. Не подозреваю, — спокойно ответил Эмиль. — Как и в причастности к его смещению с занимаемой им должности. Как и в желании занять его место.

— Отчего же? Я был вовсе не против повышения, — заметил Макс.

— Вряд ли можно найти много противников продвижения по службе, — возразил ему Эмиль.

— Так в чем тогда суть дела? Если меня не подозревают в убийствах и интригах, тогда чем я могу вам помочь? — Макс негодующе развел руками.

— Вы уже помогли нам, Макс, — примирительно произнес шеф полиции. — Ваше сообщение в полицию, равно как и запись с места преступления и переданный во время первого допроса детективам файл диалога с подозреваемым, помогли расследованию.

— С подозреваемым?

— Да. С Айном, — уточнил Эмиль. — С уличенным в намерении предать корпорацию и подозреваемым в убийстве неизвестного…

— …убийцы…

— Да. Верно. Убийцы двоих полицейских.

— Даже я, человек далекий от криминалистики, понимаю, что убийство убийцы, уже разделавшегося с двоими вооруженными людьми и намеревавшегося убить тебя третьим, это — самооборона…

— Факт самообороны обычно устанавливается судом, — сказал Эмиль. — Кроме того, за Айном уже числится преступление не менее тяжкое, чем убийство — намерение причинить вред своей корпорации.

Макс не стал спорить. Он лишь повторил уже заданный им вопрос:

— Чем еще я смогу помочь?

— Помогите нам арестовать Айна.

— Каким образом?

— Возможно, Айн снова попытается связаться с вами, — ответил Эмиль. — Если он захочет встретиться — соглашайтесь. Сообщите мне или детективу Рахили о месте и времени встречи и помогите нам схватить его.

— Что же… — начал было говорить Макс в тот самый момент когда на его телефон, лежавший перед ним на столе, рядом с чашкой остывшего недопитого кофе поступил вызов.

Макс опустил глаза на экран: звонил Айн.

— Вы, конечно, не обязаны… — начал было шеф корпоративной полиции.

— Я знаю, — остановил его Макс. — Молчите.

Эмиль кивнул. Рахиль, не проронившая ни слова с момента как вошла в кабинет, сохраняла молчание.

Макс нажал кнопку приема вызова, развернув мобильник перед тем так, чтобы сидевшие напротив него не оказались в захвате камеры.

Над телефоном возникла прозрачная голограмма, с которой на Макса смотрел аккуратно подстриженный блондин с голубыми глазами на немного женственном лице. Глаза блондина бегали по сторонам как бы ища посторонних.

— Вы не боитесь звонить мне? — вместо приветствия задал вопрос Макс.

— Это вряд ли, — усмехнулся блондин. — Моя… теперь уже бывшая, должность предполагает умение обходить такие мелкие неудобства, как прослушка полицией моего телефона, стороной… Для них я сейчас недоступен.

Полные губы блондина обозначили ехидную улыбку. При этом, сквозь голограмму, Макс заметил как сидевшая напротив детектив Рахиль бросила на изображение презрительный взгляд.

— Тем не менее, полицейские смогли записать ваш разговор с тем «американцем»… — заметил Макс.

Блондин зло блеснул глазами и процедил сквозь зубы:

— Это все из-за одной шлюхи-полицейской…

— Вас разоблачили с помощью женщины? — Макс держался естественно и несколько надменно, стараясь не смотреть на притихших напротив полицейских.

— Сейчас это неважно, — сказал блондин уже более спокойным тоном. — Знание этих подробностей тебе все равно никак не поможет, управляющий Макс…

— Зачем вы мне звоните, Айн? — Макс подчеркнуто обращался к Айну на «вы». — Вы считаете, что стали жертвой заговора, что вас подставили, не так ли? Но причем здесь я? Я был вчера у вас в квартире… и после был вынужден отвечать на вопросы полиции…

— Я бы извинился, за причиненные тебе неудобства, управляющий Макс, но… видишь ли, меня самого вчера пытались убить…

— Приди я туда немного раньше, и я оказался бы четвертым!

— Но-но, не кипятись… — улыбнулась голограмма блондина. — Вряд ли тебе могло что-то угрожать, Макс…

— Хватит загадок! Чего вы хотите, Айн?

— Я хочу поговорить.

— Мы уже говорим.

— Нет-нет, я имею в виду личную встречу, Макс, —

смазливая физиономия снова улыбнулась.

— Какое мне дело до ваших пожеланий, — безразлично бросил физиономии Макс.

— Но ты ведь хочешь знать о причинах своей стремительной карьеры, управляющий четвертого уровня Макс? — промурлыкала физиономия.

Макс взглянул в сторону, как бы в раздумье, при этом взгляд его уперся в лицо Эмиля: *да*, говорило лицо шефа полиции, *давай уже, соглашайся!* Переведя снова взгляд на голограмму, Макс бросил:

— Похоже на то, что для вас встреча со мной важнее, чем для меня самого…

— А я и не говорил, что это не так, — вкрадчиво произнес Айн.

Макс помолчал около минуты. Голограмма Айна все это время продолжала сверлить его пристальным, терпеливым взглядом. Наконец Макс сказал:

— Где и когда?

В ответ блондин улыбнулся ему своей, какой-то неприятной, гаденькой, как заметил про себя Макс, несмотря на приятные, даже чересчур, черты лица, улыбкой, после чего произнес слова, заставившие Макса похолодеть:

— Я сообщу об этом Клэр… немного позже, Макс…

Айн отключился.

«Откуда этот слащавый ублюдок знает о Клэр?! Что еще ему известно?!» — забили тревогу лихорадочные мысли в голове Макса. — *«Чего он хочет?!»* — Кулаки Макса сжались, — благо его ладони лежали на его коленях и стол скрыл это проявление эмоционального всплеска от сидевших напротив.

— Кто такая Клэр, — прозвучал вопрос вернувший в Макса на мгновение утерянное самообладание.

— Это вас не касается, — холодно ответил Эмилю Макс.

— Разве?.. — добродушно скривил квадратные губы в подобии улыбки шеф полиции.

— Вы все еще хотите поймать этого самовлюбленного говнюка?

Макс посмотрел Эмилю прямо в глаза и тот решил не давить на парня.

— Да, конечно.

— Тогда, как только я узнаю: где и когда он меня будет ждать, я сообщу вам.

В кабине лифта, когда они спускались вниз после разговора с новым управляющим, директор-комиссар сказал детективу:

— Рахиль, узнайте все, что только сможете, об этой Клэр.

— Слушаюсь, сэр, — ответила детектив.

***

Когда Рахиль села в кабину автомобиля, она достала из кармана мобильник (слово употребляемое древними по отношению к мобильному телефону, уже тогда, полторы тысячи лет назад, представлявшему собой портативный компьютер-терминал, позволявший выходить в «Интернет» — аналог теперешней вездесущей Сети). Включив защиту от прослушки, Рахиль набрала длинный номер.

— Привет, подружка! — перед Рахилью возникла голограмма веселой рыжеволосой девушки, на вид лет четырнадцати — шестнадцати.

— Привет, Клэр…

ГЛАВА 7

год 1597-й Новой Эры, Земля, Полис

Она не любила засыпать одна. Нет, совсем одна она, конечно, никогда не засыпала. Ведь всегда, сколько она себя помнила, рядом был Зевс — ее рыжий друг. Утробно урча и слегка подергивая толстым, с густым подшерстком, хвостом, Зевс обычно дрых рядом с ней на ее старой, видавшей виды, кровати. Когда Рина была совсем маленькая, и когда папа еще жил с ними, мама не одобряла этих, ставших впоследствии привычкой, повадок Зевса, но потом смирилась и уже не ругала старого кота за то, что стоявшей в углу их маленькой комнатушки специальной кошачьей лежанке тот предпочитал кровать своей маленькой хозяйки. Вместе с официальным разрешением на переселение Зевса, Рина получила и первую в своей жизни обязанность — убирать с кровати линялую шерсть при помощи специальной липкой ленты, к которой девочка отнеслась со всей ответственностью.

Девочка любила усатого друга, — если бы не его уютное урчание, ей наверняка бы было страшно оставаться дома одной. Как тогда… год назад, когда Зевс заболел, и мама отнесла его к доктору. До самого маминого прихода с работы Рина боялась засыпать в те две ночи, когда Зевса не было. Врач тогда вылечил Зевса, и на третий день мама принесла его обратно домой. Рина заботилась о друге: меняла ему воду в миске, гладила его и говорила ему все ласковые слова, какие знала, и вскоре Зевс поправился.

Днем семилетняя Рина училась в корпоративной начальной школе для детей из семей специалистов шестого и пятого уровней. Рано утром мама, приходившая с работы поздно ночью, отводила дочь на школьный троллейбус, а сама возвращалась домой спать до времени, когда нужно было идти встречать девочку из школы. Потом они проводили время вместе: гуляли в парке, ходили в кино, посещали кафетерии на верхних этажах самых высоких башен, откуда любовались закатом за порцией вкусного мороженного или направлялись в торговый центр за новым костюмом для Рины. С наступлением вечера они возвращались домой, в маленькую квартирку на двенадцатом этаже старого сорокаэтажного здания в спальном районе Полиса, где их ждал заскучавший Зевс, и мама собиралась на работу.

Шел уже третий год как Дейл, отец Рины, оставил их, и заработка Лейсин стало не хватать для пропитания и аренды

жилья… Так, писавшая до этого статьи для еженедельника районного уровня, Лейсин стала проституткой.

Нет, не той проституткой, каких можно было встретить в дешевых барах и на ночных бульварах Полиса. Лейсин была слишком хороша для этого. Она устроилась на официальную работу в фирму и оказывала услуги респектабельным господам и госпожам, чьи имена, согласно трудовому контракту, была обязана сохранять в тайне под страхом увольнения с последующим судебным преследованием.

Работа отнимала силы, истощала Лейсин физически и эмоционально. Порой ей приходилось терпеть унижения со стороны клиентов (разумеется, в пределах оплачиваемого тарифа), но зато теперь она могла позволить себе устроить маленькую Рину в приличную школу и не бояться, что, случись ей незапланированно потратить часть из их некогда скудного бюджета, и они с дочерью окажутся на улице. Так, к примеру, случилось, когда рыжий любимец дочери внезапно заболел и Лейсин отдала за его лечение в ветеринарной клинике две с половиной сотни терракредитов (без малого почти двухмесячная плата за их квартиру). И это того стоило! Радостный блеск больших карих глаз на черненьком, как и у Лейсин, личике дочери заставили ее тогда отбросить последние сомнения и сожаления о потраченных деньгах.

В тот вечер, когда маленькая Рина в последний раз видела мать, она по обыкновению прижалась к ее щеке своей пухлой щечкой, обняв ее за шею, запустив пальцы в ее иссиня-черные волосы. «Я уже по тебе скучаю, мамочка!» Лейсин крепче прижала к себе дочь. В такие минуты она прилагала все усилия, чтобы не позволить соленым капелькам выступить на ее глазах. «И я по тебе, моя милая». «Мамочка, я тебя люблю, сильно-при-сильно!» «И я тебя, доченька. Не сиди допоздна. И не забудь покормить Зевса».

Когда Рина проснулась утром, мамы дома не было.

Девочка набрала номер мамы, но телефон ее оказался выключен.

Ей захотелось расплакаться, но она сдержалась. Собравшись и надев школьную форму, девочка насыпала в миску Зевса корм и отправилась сама в школу…

Гарри, пятидесятичетырехлетний управляющий второго уровня, муж и отец троих детей, имел репутацию приличного семьянина и профессионала своего дела. Группа компаний, входивших в состав «Евразии», одной из тринадцати мировых корпораций, под руководством Гарри являла собой образец

динамичного развития и уверенно конкурировала на мировом рынке, на шаг вперед опережая соперников и тем задавая темп непрерывной гонки. В совете директоров «Евразии» Гарри уже намекали на то, что еще год в таком темпе, и к своему пятидесятипятилетию он будет иметь первый уровень. Гарри старался и у него получалось. Его жена была им довольна и, похоже, даже продолжала его любить, дети его обожали, особенно младшая дочь, которой было двенадцать, в корпорации его ценили, подчиненные — уважали. Гарри производил впечатление надежного, бесконечно уравновешенного человека, и таким он и был… Но было у Гарри одно увлечение, которое он держал втайне от всех, включая самых близких ему людей…

В тот вечер Гарри не ждали дома. У него было алиби для стареющей и уже не вызывавшей интереса жены: Гарри уехал в Сиберию, где его ждут важные дела, назад в Полис он вернется завтра, во второй половине дня.

Директор фирмы интимных услуг, давний приятель и должник Гарри, обещал ему очередной «подарок», обошедшийся Гарри, как и прежние «подарки», в круглую сумму, к которому на этот раз прилагался приятный бонус…

Когда Лейсин вышла из дома, на улице ее уже ждала машина фирмы, которая должна была отвезти ее к первому клиенту. Лейсин села в салон машины, в котором не оказалось более никого (обычно в машине ее ожидали Ника и Рейчел, за которыми автомобиль заезжал до того как подъезжал к дому Лейсин). Дверь закрылась и машина направилась в сторону ближайшей транспортной артерии Полиса.

Более часа автомобиль несся по широкому шоссе в противоположном центру направлении. Мимо проносились район за районом, башня за башней, пока, наконец, Полис не остался позади и машина не оказалась на одном из ответвлений Седьмого атлантического шоссе с которого свернула на частную дорогу, уходившую вглубь леса. Проехав по дороге около десяти минут, машина остановилась возле стоявшего на холме особняка. Дверь машины открылась, снаружи стоял представительный господин в черных брюках, белой сорочке и черном кожаном жилете — белокожий, лысый и уже начинавший заметно полнеть.

— Миз Лейсин, — добродушно улыбнулся господин. — Добро пожаловать… — он подал руку, помогая женщине выйти из машины. — Я Гарри… просто Гарри.

— Здравствуйте, Гарри, — обворожительно улыбнулась ему Лейсин многократно отрепетированной улыбкой.

Лейсин прошла вместе с Гарри внутрь особняка. В холле он

взял ее под локоть:

— Прошу… нам сюда…

Гарри провел женщину к лифту. Когда створки дверей раздвинулись в стороны, он мягко но настойчиво протолкнул Лейсин внутрь небольшой кабины, после чего вошел сам и нажал нижнюю кнопку на архаичной, как и сам особняк и лифт, панели и кабина плавно опустилась на несколько метров вниз.

Когда двери лифта открылись и Лейсин увидела помещение, в котором они оказались, она решила, что Гарри очень странный тип. В информационном файле о предстоящем клиенте, который обычно выводился на экран бортового компьютера машины, не было сказано ничего про то, что этот господин был любителем «жестких игр»…

Перед ней было прямоугольное, хорошо освещенное помещение, в дальнем конце которого виднелся крутой съезд — подземный гараж на несколько автомобилей, совершенно пустой, если не считать стоявшего посреди него металлического стола на колесиках и небольшой металлической тумбы с выдвижными ящиками, тоже на колесиках. Отделанные керамической плиткой светло-коричневый пол и светло-бежевые, почти белые стены сверкали стерильной чистотой. В нескольких метрах от стола на колесиках Лейсин заметила лежавший на полу свернутый шланг. Присмотревшись к столу, она увидела продетые сквозь отверстия в столешнице железные цепи, оканчивавшиеся стальными наручниками

Лейсин замерла, не решаясь выйти из кабины лифта.

— В чем дело, дорогуша? — стоявший немного впереди нее Гарри обернулся вполоборота.

— Если вы хотите использовать это… — Лейсин указала взглядом на стол, — то…

— То что? — с усмешкой небрежно перебил ее Гарри.

— Это не входит в мой контракт… — начала было говорить Лейсин, но Гарри не дал ей докончить, резко ударив женщину в солнечное сплетение.

— Заткнись, сука, — сквозь зубы процедил он.

Лейсин согнулась задыхаясь от резкой боли, а Гарри сгреб в охапку ее волосы и резко дернул, заставляя ее идти следом за ним. Сделав несколько шагов, женщина попыталась сопротивляться и получила еще один удар. На этот раз удар пришелся по ребрам.

Подтащив Лейсин к столу на колесиках, Гарри с силой зашвырнул ее на стол. При падении все еще задыхавшаяся от боли в груди женщина больно ударилась копчиком о край металлической столешницы, — на мгновение ей показалось, что у

нее отнялись ноги. Резким движением Гарри отвел левую руку Лейсин в сторону и пристегнул наручник, потом быстро обошел стол и проделал тоже действие с правой.

Сумевшая наконец вдохнуть, Лейсин закричала и ее крик эхом отразился от стен гаража. Она пыталась выворачиваться, но это было бесполезно. Гарри засунул руку под столешницу и выдвинул небольшой прямоугольный пульт с четырьмя кнопками. Он нажал две из них, и под столом послышалось слабое гудение, при этом цепи, к которым были прикованы руки женщины, стали стремительно заползать в круглые отверстия в столешнице. Когда между столешницей и наручниками оставалось всего несколько сантиметров Гарри отпустил кнопки.

Лейсин отчаянно рвалась и кричала, звала на помощь, умоляла Гарри отпустить ее, обещала сделать все, чего бы он не пожелал, но тот лишь ухмылялся. Он пристегнул обе ноги женщины наручниками, после чего прошел к пульту и нажал другие две кнопки: цепи с гудением поползли в отверстия, расположенные таким образом, чтобы ноги прикованной жертвы согнулись в коленях и оказались разведены в стороны. Потом Гарри подошел к тумбе и выдвинул один из ящичков, из которого достал ножницы.

Происходившее с ней казалось Лейсин страшным сном: на миг она даже подумала тогда, что уснула в машине, пока та везла ее прочь из Полиса, на встречу с очередным состоятельным клиентом, могшим позволить себе заплатить за время проведенное с ней. Ей хотелось чтобы это было так, но она понимала, что все это было взаправду.

Слезы текли по ее щекам когда Гарри распарывал на ней собравшееся под грудью короткое платье цвета зеленой мяты с цветочными узорами и тонкие трусики в цвет платья, — бюстгальтера на женщине не было (их она никогда не носила за ненадобностью). Аккуратно сняв с ног Лейсин сплетенные из тонких разноцветных кожаных полосок туфли Гарри отбросил их в сторону. Потом он снова вернулся к металлической тумбе и выдвинул верхний ящик. Из ящика Гарри достал железный поддон с набором хирургических инструментов и закрытую пластиковой крышкой стеклянную емкость наполненную прозрачной жидкостью.

— Что ты собираешься делать, больной ублюдок?! — прокричала Лейсин.

— Древние называли это словом «энуклеация», — не оборачиваясь ответил Гарри спокойным тоном.

Потом он развернулся, держа в руках поднос и склянку, и, улыбнувшись Лейсин широкой хищной улыбкой, поставил

предметы на стол рядом с лицом женщины.

Увидев краем глаза содержимое поддона, женщина задрожала.

— Что это еще за хрень такая?!

— Сейчас узнаешь…

Гарри снова повернулся к тумбе и на этот раз достал из нее короткий кожаный ремень с металлическими крючками на концах. По обе стороны от головы жертвы в столешнице оказались еще два дополнительных отверстия, в которых Гарри закрепил крючки, лишив тем самым Лейсин возможности поворачивать голову…

В следующие минуты, показавшиеся Лейсин часами, она кричала, умоляла, проклинала своего мучителя, но Гарри был словно глух. Многократно отработанными движениями он удалил сначала один глаз своей жертвы, потом — другой, вставив их в специальную форму их прозрачного пластика таким образом, чтобы глаза смотрели прямо, после чего опустив их в емкость с жидкостью. Покончив с этим, Гарри бережно поставил склянку на тумбу и убрал хирургические инструменты. Потом, подойдя к свернутому на полу шлангу, он взял его конец, на котором имелся небольшой кран, и, вернувшись к столу с прикованной к нему притихшей и лишь изредка вздрагивавшей женщиной открыл кран, смывая кровь, мочу и экскременты жертвы. Он поливал ее ледяной водой до тех пор пока не почувствовал как к нему приходит возбуждение.

Глядя в смотревшие на него из стеклянной банки глаза, Гарри раз за разом насиловал Лейсин, пока окончательно не выбился из сил, и не рухнул на измученную им жертву. В этот раз Гарри дольше обычного приходил в себя: все-таки годы оставили свой след не только на быстро стареющем лице его супруги… он уже не тот, прежний Гарри, что мог насмерть затрахать очередную шлюху, — Лейсин была все еще жива, хоть и находилась без сознания. Поднявшись, Гарри неспешно слез со стола. Холодный пол оказал на него тонизирующее воздействие. Из стоявшей позади стола тумбы Гарри достал кухонный нож с широким лезвием и отточенным движением перерезал горло уже начавшей приходить в себя женщины.

Во время занятий в школе на мобильник Рины поступило текстовое сообщение от мамы, — мама писала, что задержалась на работе и только теперь освободилась и что у мамы для нее есть сюрприз. Очень странным показалось девочке то, что мама, всегда предпочитавшая оставлять голосовые сообщения, если нельзя было говорить по видеосвязи, на этот раз взялась за

написание текста. В конце сообщения мама прикрепила маркер с номером автомобиля, который будет ждать ее возле дома: нужно было активировать маркер, чтобы машина подъехала к вызывающему ее мобильному устройству.

Когда девочка вышла со школы, она еще раз попыталась дозвониться до мамы, но мамин телефон снова оказался выключен. Сдерживая подступившие слезы, Рина отправилась к располагавшейся внутри школьного двора троллейбусной станции…

Похожий на гигантскую железную змею автопоезд из десяти сочлененных между собой гибкими переходами секций—прицепов остановился на очередной специализированной станции, рассчитанной на безопасную посадку и высадку детей младшей школы. Рина вышла на платформу, на которой на этот раз ее не ждала мама, и достала мобильник. Помедлив она коснулась пальцем маркера на экране устройства, после чего на месте маркера появилось окошко с автоматическим сообщением от бортового компьютера вызванного автомобиля, сообщавшее о том, что машина уже ждет ее на автостоянке возле станции.

Выйдя на улицу, девочка увидела знакомый серебристый автомобиль формы рассеченного вдоль большой оси вытянутого сфероида: это была та самая машина, что обычно заезжала за мамой, чтобы отвезти ее на работу, — девочка видела ее из окна. Немного успокоившись, Рина пошла к машине, дверь которой приветливо открылась. Лишь войдя внутрь салона, Рина увидела сидевшего в его дальнем конце лысого мужчину в черных брюках и белой сорочке, поверх которой был надет старомодный кожаный жилет.

— Здравствуй, Рина, — сказал он. — Я — дядя Гарри. Сейчас мы поедем к твоей маме…

Дверь машины закрылась.

***

— Здравствуйте, госпожа Милена…

В приемную председателя совета директоров корпорации «Олимпус» вошли двое — высокий чернокожий мужчина в костюме управляющего директора с длинными, собранными позади в «хвост», пепельно-седыми волосами и одетая в элегантный костюм бизнес-леди блондинка с каре, подстать ему

ростом и с фигурой легкоатлетки.

— Господин Александр… — улыбнулась в ответ на приветствие миловидная женщина среднего возраста, исполнявшая обязанности секретаря и советника главы корпорации. — Председатель Элиот уже ожидает вас с госпожой Ивори… — женщины обменялись приветливыми улыбками.

Хозяин кабинета, не лишенный привлекательности двухметровый белый мужчина неопределенного возраста (на вид ему можно было дать от сорока до пятидесяти пяти) заложив руки за спину мерил шагами просторный зал, названный по недоразумению «кабинетом».

— Ив… Алекс… Я вас заждался… — сказал он остановившись посреди зала-кабинета.

На Элиоте был кремовый костюм с черной рубашкой с высоким воротом и черные классической формы кожаные туфли.

— Что стряслось, Эл? — спросил его Александр.

— Нужно срочно убить одного почтенного господина из вторых директоров «Евразии».

В воздухе повис немой вопрос, на который глава корпорации тут же ответил:

— Его деятельность не вписывается в принятый нами план развития…

— И, что… сразу вот так, взять и убить? — Александр развел руками в недоумении.

— Да… — пожал плечами Элиот. — Почему бы и нет?

— Ну, тогда почему бы тебе не убить его самому? — раздраженно бросил Александр.

— Подожди, милый… — вступилась Ивори. — Ты же знаешь Эла… он не стал бы предпринимать ничего такого без особой нужды… Верно, Эл? — обратилась она к хозяину кабинета.

— Совершенно верно, Ив! — ответил тот.

— Ну, тогда расскажи нам, Эл, что там с этим почтенным господином, которого надо срочно убить, — ласково попросила Ивори.

— Гарри, так зовут этого господина, — Элиот направился к широченному столу из черного дерева, стоявшему в десяти метрах от места, где они стояли, ровно по центру кабинета, — управляющий директор холдинга, который нам мешает, — Элиот уселся прямо на стол. — Проблему, конечно, можно было решить способом менее… кровавым… Но есть еще одна деталь…

— Не темни уже, дед… — пробурчал Александр. — Давай, выкладывай!

На губах Ивори при этих словах мужа мелькнула едва заметная улыбка: она испытывала чувство глубокого уважения к

тому, кого, вот уже полтора с лишним тысячелетия (если точнее, то — тысячу пятьсот девяносто семь лет) звали Элиотом. Их отношения с Алексом всегда были умеренно прохладными, и прохлада эта исходила по большей части от ее мужа, — Алекс осуждал поступок деда, повлекший разрыв с Эйнрит, бабкой Алекса, к которой тот всегда восхищался. «Дедом» Алекс называл Элиота крайне редко. По крайней мере в присутствии Ив.

— Этот… Гарри имеет отвратительную наклонность… — Элиот выдержал короткую паузу, глядя на стоявших посреди помещения, и с ожиданием взиравших на него Алекса и Ивори. — Он коллекционирует глаза.

— Какие еще глаза? — Александр смотрел на Элиота с непониманием.

— Человеческие.

— То есть, этот самый… Гарри… он, что, вырезает людям глаза для коллекции? — Ивори презрительно поморщилась.

— Именно. Обычно у женщин, которых потом насилует… — сказал Элиот. — Но иногда и у совсем маленьких девочек…

— Подожди! — оживился Алекс. — Так почему бы не привлечь этого негодяя к суду? Так мы как раз уберем его с дороги…

— Это займет больше времени… — Элиот сложил руки на груди и закинул ногу на ногу. — К тому же, полагаю, суда не будет… Люди из правления «Евразии» не станут придавать дела огласке, а по старинке закатают ублюдка в бетон на какой-нибудь стройке, так, что его и через тысячу лет не найдут…

— Так ты решил, что теперь мы, помимо нашей главной работы здесь, будем еще и карать местных злодеев?

— Алекс… — взгляд Элиота стал серьезен и холоден. — Час назад мне поступила информация от человека из Подполья, работающего в одной фирме интимных услуг… Хозяин фирмы — приятель Гарри… Так вот, приятель этот, за большие деньги, время от времени поставляет Гарри симпатичных одиноких женщин, которые после встречи с ним пропадают без вести. Иногда — не совсем одиноких, как в последнем случае, и тогда, вместе с женщинами в руках Гарри оказываются их дети… Понимаешь, о чем я говорю?

— Кажется да… — Алекс потер тяжелый подбородок.

— Вот и хорошо, — сказал Элиот. — Через полчаса у меня важная встреча в совете директоров, и я не могу сам отправиться в гости к Гарри… Но тебя… — он перевел взгляд на Ивори и извиняющееся улыбнулся, — …Ивори, думаю, не стоит в этом участвовать… я прошу сделать это за меня…

— Я сама в состоянии за себя решать, Эл… — строго сказала

женщина.

— Как тебе угодно Ив… — ответил Элиот. — Прямо сейчас Гарри направляется в свой загородный дом на машине из фирмы своего друга… Человек сообщивший мне об этом утверждает, что машина не поддается дистанционному контролю… С ним в машине девочка семи лет, дочь последней его жертвы…

— Как далеко? — задал вопрос Александр.

— Далеко. Если ехать на машине, не успеете.

— А если лететь? — взволнованно спросила Ивори.

— На вертолете что ли? — ответил вопросом на вопрос Элиот.

— Тогда…

— Да, Алекс, — кивнул Эл. — Берите дрона и летите скорее… Вот маршрут и конечный адрес…

Выйдя из приемной главы корпорации, Александр и Ивори вошли в кабину лифта. Ивори набрала на панели код и кабина двинулась вправо и вверх. Через три минуты они оказались на закрытом для персонала этаже, где в помещении распланированном при строительстве здания как спортзал, между полом и потолком висел в воздухе зеркальный дискоид…

***

Гарри суетливо омыл нагое тело прикованной к столу девочки из шланга и отбросил шланг в сторону. Большие карие глазные яблоки Рины смотрели на Гарри из склянки, рядом с которой стояла другая склянка. Во второй были глаза Лейсин.

Девочка тихо всхлипывала, дрожа от страха и от холода. Ей было страшно потому, что вокруг было темно. Ее глаза болели так сильно, как до того еще никогда и ничего у нее не болело. Рине было стыдно, так как на ней не было трусиков и злой толстый дядя, которого она слышала, но не видела, ходил рядом. Она слышала его тяжелое дыхание. Слышала его шаги вокруг страшного железного стола на колесиках, к которому он приковал Рину, вывернув при этом цепями ей ноги так, что девочка ощущала неприятный холод раскрытой промежностью.

Раны на местах, где еще недавно были глаза девочки, слабо кровоточили; тело ее покрывала гусиная кожа; раскрытая промежность маленькой Рины действовала на Гарри возбуждающе. Гарри почувствовал как его дряблый перед тем

член стал наливаться кровью, как сморщенная гофрой кожа распрямляется…

Гарри впился глазами в розовую промежность девочки и его губы скривились в довольной улыбке.

— Мама… мамочка… — захныкала Рина. — Мамочка…

— Мамочки нет, малышка, — произнес нараспев Гарри. — Здесь только я, твой дядя Гарри…

— Нет! — всхлипнула девочка. — Ты не мой дядя! Ты злой!

— Ну, что ты… малышка… дядя Гарри добрый…

— Где моя мама? Моя мама меня защитит, — сквозь подкативший к горлу ком выдавила Рина. Девочка икнула. Ей было так страшно, что от страха стало тяжело дышать.

— Мамы больше нет!

Его член уже налился и окреп. Гарри подошел к обездвиженной девочке и положил пухлую руку на внутреннюю часть детского бедра…

Внезапно что-то мелькнуло возле его пальцев, Гарри отдернул руку и… не поверил своим глазам! Его пальцы остались лежать на столе рядом со щуплой ногой девочки.

Чья-то тяжелая рука легла на его рот, а другая рука сдавила тисками ему затылок. Гарри было взвыл от боли, но стальные пальцы так больно сдавили основание черепа, что он тут же затих.

— Мамочка… мамочка… — снова захныкала Рина.

— Не плачь, милая, — послышался рядом женский голос.

— Кто вы, тетя? — тихим шепотом спросила девочка.

— Я Ивори, — снова послышался голос. — Я сейчас помогу тебе…

При этих словах в поле зрения Гарри появилась темнокожая блондинка, подошедшая откуда-то из-за спины Гарри к столу. Женщина склонилась над девочкой и, поцеловала ее в лоб.

— Ничего не бойся, милая, — ласково сказала она девочке.

— Тетя… мои глазки… я ничего не вижу… злой дядя забрал их…

— Знаю-знаю, Риночка, — сказала ей женщина. — Не плачь, маленькая, все будет хорошо… Сейчас поспи… а когда проснешься, ты меня увидишь…

Девочка моментально заснула.

После этого женщина резко повернулась к Гарри и взгляд ее был страшен. Если бы на Гарри были штаны, он намочил бы их, но он стоял без штанов, со снова обвисшим и съежившимся между его пухлых ног членом. Мочевой пузырь Гарри опорожнился, ноги его задрожали, но сжимавшие его затылок и челюсть железные руки не дали ему упасть на пол.

Женщина не сказала ему не слова. Она молча освободила девочку, подхватила ее на руки и направилась к съезду в дальнем конце гаража.

Когда со стороны съезда послышался звук зуммера, сообщавший об открытии гаражных ворот, сжимавшие онемевшую шею Гарри тиски ослабли. Гарри рухнул кулем на холодный пол. Он не мог повернуть шею от пронзавшей его позвоночник боли. Четыре обрубка на его правой руке кровоточили. В местах, где раньше были пальцы Гарри, теперь начинали пульсировать очаги острой боли. И боль эта становилась все невыносимее, постепенно вытесняя из сознания боль в области шеи. С трудом Гарри все же повернул голову в направлении где стоял тот, кто держал его перед тем: сверху на него смотрел рослый широкоплечий голубоглазый негр с «хвостом» пепельных, почти белых волос на затылке.

— Моя рука… — заскулил Гарри.

Александр молча прошел к железной тумбе, порылся в ящиках и достал из одного резиновый жгут. Он швырнул жгут Гарри и подождал пока тот перетянет кисть пострадавшей руки, после чего, сохраняя молчание, рукой указал Гарри чтобы тот лез на стол.

— Что?.. — испуганно уставился Гарри и получил тяжелую оплеуху.

Александр повторно указал на железный стол.

Второй оплеухи не понадобилось: Гарри послушно забрался на металлическую столешницу и свернулся в клубок по-собачьи, скуля и жалобно всхлипывая. Когда Александр приковал наручником его искалеченную руку, Гарри взмолился:

— Прошу! Пощади! С-с-слушай, я заплачу! Я заплачу миллион… нет! Десять! Десять миллионов терракредитов! — причитал Гарри. — Только отпусти! Прошу тебя! Ты меня слышишь?

Александр обошел стол и ухватил левую руку Гарри. Тот попытался сопротивляться и Александр вывернул ему кисть. Гарри истошно завопил. Щелкнул наручник и железная рука чернокожего гиганта легла на лодыжку Гарри…

— Послушай… Как тебя… Послушай! Прошу, отпусти… — повторял Гарри. — Ну, прошу! — закричал он. — Чего ты молчишь?!

— А мне с тобой не о чем говорить, — ровным, бесцветным, лишенным эмоций тоном, без тени гнева или раздражения, даже без укора, без жалости, произнес Александр. — Надеюсь, последние часы твоей жизни не будут для тебя напрасны.

— Что?! — взбеленился, завизжал фальцетом Гарри.

Александр ему не ответил. Его мысли были заняты другим.

Александр понимал, что встреча в совете была для Элиота не столь важна, как он хотел то представить. Но причину, по которой Элиот не решался отправиться в это место пыток сам, Александр понял лишь оказавшись здесь и вспомнив то, что ему было известно об агарском обряде «очищения» с его стальными ложами…

Одно оставалось для Александра загадкой: откуда Элиот узнал про железный стол?

Позже, когда он спросит об этом Элиота, тот объяснит, что сообщивший ему о Гарри подпольщик, старший одной из ячеек, использовал нечто вроде дрона — миниатюрное устройство, имитировавшее муху, с помощью которого картографировал особняк Гарри, получив точный его план. Ячейка намеревалась расправиться с Гарри, но занимаемое Гарри высокое положение в структуре одной из корпораций требовало санкционировать акцию. Старший ячейки подпольщиков обратился тогда к Элиоту, считая его одним из промежуточных звеньев (тактика Элиота, способствовавшая непосредственному контролю нижних структур организации в обход промежуточных) и передал ему все собранные на Гарри материалы. Элиот обещал подпольщикам вынести судьбу высокопоставленного маньяка на рассмотрение высшего руководства Подполья (в чем не обманул их, так как сам был одним из вождей организации) и решить дело с учетом интересов движения и преследуемых им целей. К слову сказать, устранение Гарри было действительно полезным для организации, — первый кандидат (да и второй тоже) на его замену был агентом организации. Что до привлечения Александра к устранению ублюдка, то, не окажись в его руках девочка в момент, когда Элиоту передали материалы на рассмотрение, Элиот санкционировал бы его устранение предложившей то ячейкой. Но тогда вряд ли девочка осталась бы жива…

Нажав одновременно все четыре кнопки на выдвинутом из-под столешницы пульте, Александр подождал пока сковавшие руки и ноги Гарри цепи полностью исчезнут в отверстиях в столешнице и, развернувшись, направился к выходу из гаража, куда перед тем ушла женщина с искалеченной Гарри девочкой.

Когда чернокожий блондин исчез Гарри было вздохнул с облегчением, но тут в помещении начало происходить нечто странное. Вокруг растянутого в унизительной позе, в которой до того в его власти оказывались десятки его жертв, полностью

нагого Гарри, будто на старинной фотопленке стали проявляться один за другим зеркальные диски с острыми как бритва краями…

***

Спустя два часа, маленькая Рина пришла в себя. Она лежала внутри, имевшей форму сильно вытянутого полуэллипсоида, чаши капсулы-сборщика. Вверху над ней зависла другая такая же чаша — вторая половинка эллипсоида. На девочке была свободная, нежная как шелк рубашка приятного зеленого цвета. Девочка поднесла к лицу худенькую ладошку и пошевелила пальцами: странно, она раньше никогда не замечала стольких деталей на своей коже… такое ощущение, будто раньше Рина видела все мутным и черно-белым…

— Тебе нравится? — прозвучал рядом ласковый голос.

Девочка вздрогнула. Она повернулась чтобы посмотреть: кто это с ней говорит. Рядом у изголовья сидела красивая беловолосая женщина с молочно-кофейной кожей и миндалевидными голубыми глазами.

— Очень! — сказала девочка. — А где это я?

— На борту маленького космического корабля, — улыбнулась женщина.

Девочка осмотрелась. Чаша, в которой она лежала, оказалась висевшей в воздухе внутри в меру просторного округлого помещения. Позже она узнает, что маленький космический корабль называется «транспортным дроном» и что т-дрон этот похож большой зеркальный диск, и что он может становиться невидимым и что летать на нем можно хоть на Луну…

— А где моя мама? — спросила маленькая Рина.

Ответить на этот вопрос Ивилите было намного сложнее, чем вернуть девочке зрение и смягчить последствия пережитого ей кошмара.

***

Полностью лишенный кожи Гарри оставался в живых еще четверо суток. Он умер от обезвоживания на пятые. На вторые сутки Гарри сошел с ума: он непрестанно говорил, звал кого-то,

его преследовали кошмарные галлюцинации. Пять дискообразных зеркальных машин, с острыми как бритва краями, с мастерством недоступным ни одному хирургу-человеку срезавшие с тела Гарри кожный покров, находились рядом с ним до его последнего вздоха в готовности разрезать его на мелкие кусочки, случись кому прийти ему на помощь.

ИНТЕРЛЮДИЯ

время и место [нет данных], Эйнрит, экспедиционный корабль аиви

Корабль дискоидного типа, достигавший без малого трехсот-пятидесяти километров в поперечнике и полутора сотен — в центральной части диска, появился из развернувшейся за сотую долю секунды червоточины в пространстве базовой реальности на обочине Северной галактической магистрали. Пространство здесь было пустынным и кроме небольшого количества темной материи в нем нельзя было найти ни пылинки, ближайшие звезды находились в двадцати и более тысячах световых лет, а мешавших движению кораблей черных дыр и вовсе не было видно.

Эйнрит продолжала какое-то время двигаться вдоль трассы на околосветовой скорости, осматривая пространство вокруг, пока не выбрала понравившийся ей участок — небольшое, около световых суток в поперечнике темное облако, и, снизив скорость, проложила курс в центр облака…

«Приветствую тебя, Эйнрит!» — дискоид в полтора раза крупнее Эйнрит, вынырнул из подпространства неподалеку от стремительно уменьшавшегося в объеме сгустка темной материи.

«Здравствуй, Аллаиллити!» — ответила Эйнрит. — *«Ты присоединишься?»*

«Я не голоден».

«А я, пожалуй, пополню еще немного свои запасы…»

«Конечно, сестра… я могу пока прогуляться до вон, той… тройной звезды… Ты не против?»

«Нет, конечно. Только сначала, может, примешь на борт моего аватара?»

«С радостью».

«Тогда подходи ближе, я отправлю дрона…»

Возле транспортного дрона, зависшего над зеленой лужайкой внутри одной из многочисленных обителей Аллаиллити, Эйнрит-аватар встречали пятеро. Две миловидные женщины; коренастый лысый мужчина в красной тоге; андрогин, странным образом сочетавший в себе черты всех троих и существо в перьях, трехметрового роста, похожее на птицу с большими как блюдца синими глазами, крючкообразным клювом и ушами с кисточками.

— Приветствую тебя еще раз, Аллаиллити! — сказала Эйнрит-аватар, сойдя на лужайку по сотканной из силовых полей невидимой лестнице.

— Мы рады тебе, — ответил аватар-андрогин.

— Ты всегда желанный гость здесь… — добавила одна из женщин — одетая в короткую белую тунику белокожая и беловолосая, напоминавшая ожившую скульптуру из камня.

Единственной отличавшейся от общей цветовой гаммы деталью белого аватара были миндалевидные золотые глаза.

— …в моих обителях, — тревожно прокаркало похожее на птицу существо, переминаясь на больших птичьих лапах.

Существо имело все признаки птицы: крылья, хвост, перья… даже клюв, но птицей, в строгом смысле, оно не являлось будучи одним из пяти аватаров Аллаиллити, выражавшим форму согласия между четырьмя остальными.

— Как и ты в моих… — ответила Эйнрит-аватар.

— Мы с удовольствием посетим тебя, Эйнрит, — произнес аватар-мужчина.

— Я была бы рада увидеть кое-кого из твоих обитателей, — сказала вторая женщина-аватар — эта имела более пышные формы, чем первая аватар, и более походила на обычного человека: крепкая, пышнотелая брюнетка с лимонной кожей и иссиня-черными большими глазами.

Из одежды на аватаре был только сиреневый плат с изображавшими цветы и листья разноцветными узорами, в который женщина была завернута как в подобие сильно укороченной тоги.

— Ты можешь вернуться вместе со мной на мой борт… Или даже отправить одно из своих обличий прямо сейчас… — произнесла Эйнрит-аватар с улыбкой.

— Конечно-конечно… — прокаркало аватар-согласие. — Я обязательно отправлюсь к тебе позже, когда ты встретишься с тем, ради кого сейчас здесь…

— …Кстати, кто он… или она… — спросил аватар-мужчина.

— …или оно? — добавил аватар-андрогин.

— Я желаю встретиться с одним из контакторов… — ответила Эйнрит-аватар. — Это тот агарянин, что присоединился к экспедиции Эльлии после завершения второй миссии Эвааля… Мне известно, что он уже восемьсот лет работает с твоей командой контакта…

— Ах… да… один из наших контакторов действительно агарянин, — подтвердил бесполый аватар.

Лицо Эйнрит-аватара просияло довольной улыбкой. Аватары Аллаиллити переглянулись: женщины очаровательно улыбнулись друг дружке; лысый мужчина посмотрел на андрогина и, встретив довольный взгляд того (или «той» — андрогин на две трети был женщиной и лишь на одну треть — мужчиной), пожал плечами;

аватар-согласие потопталось на своих птичьих лапах, шевеля при этом ушами-кисточками, после чего издало неопределенный каркающий звук. Эйнрит-аватар взглянула на существо в перьях и слега заломила тонкую бровь.

— Что же… — прокаркало аватар-согласие в ответ на непрозвучавший вопрос Эйнрит-аватара. — Он уже оповещен.

— Услышав твое имя, он сразу согласился, — добавила мелодичным голосом белая женщина. Золотые глаза «живой статуи» смотрели тепло и с сочувствием: она, похоже, была рада за Эйнрит.

— Благодарю тебя, Аллаиллити… — с чувством произнесла Эйнрит-аватар. — Для меня очень важно с ним встретиться.

Лужайка, на которой собрались аватары, находилась внутри примыкавшей к цилиндру внутреннего города небольшой обители. Это был сплюснутый сфероид с диаметром в двенадцать и высотой — два с половиной километра с округлым озером в центре. Вокруг озера раскинулся лес зеленых, черных и светло-розовых деревьев (вблизи берега достигавших в высоту семи — восьми метров и дальше от озера становившихся все ниже и ниже), переходивший в заросли кустарника. В самом конце, вдоль экватора сфероида (границы, где *низ* постепенно превращался в *верх*) кустарник уступал место мху, забиравшемуся по крутому подъему, по вертикальной и по отвесной стене, до границы верхней линзы — освещавшего и обогревавшего обитель купола. На границе линзы мох и плетущиеся растения постепенно иссыхали, превращаясь в труху и осыпаясь вниз на ковер из сырого зеленого мха и низкорослого кустарника. Купол сфероида, по которому медленно перемещалось горячее, имитировавшее солнце, оранжевое пятно, светился холодным голубым светом. Это создавало у его посетителей иллюзию: будто находишься на очень маленькой, крохотной, карликовой планетке с… приличной большому миру гравитацией. Вдоль всего берега округлого озера, на равном расстоянии друг от друга, в лесу располагались двенадцать благоустроенных лужаек. Каждая лужайка имела выход к песчаному пляжу и свою маленькую станцию транспортной системы корабля. За каждой лужайкой был закреплен дрон сервисной службы, всегда готовый доставить пищу, исполнить поручение или оказать помощь решившим провести там время (обычно это были взрослые с детьми, группки подростков или любовники).

— Что-то с Эваалем? — с любопытством прокаркало похожее на птицу существо.

— Да, — ответила Эйнрит-аватар.

— Хм… Ты его вернула? — поинтересовался лысый мужчина.

Мужчина был голубокожий, почти как Эйнрит, и на голову ниже своих подруг. Красная тога на нем была тонка и облегала тело, почти не скрывая деталей рельефа его развитой мускулатуры.

— Да, — снова ответила она. — Эвааль сейчас на Земле… Он, и еще двое контакторов…

— На Земле? — Каркнуло согласие.

— Вот координаты и информация…

— О… Очень интересно… — медленно произнес андрогин.

Андрогин, представлявший собой композицию из троих любовников, фигурой походил, скорее на пышнотелую брюнетку, цвет кожи аватар унаследовал от «живой статуи», как и нежные черты лица последней, глаза его были темно-синими, как у лысого мужчины, от которого андрогину также досталась и мускулистость того. Грудь аватара была крупная, с торчавшими, как и у брюнетки, крупными сосками. Из одежды на аватаре была только длинная по щиколотку стального цвета юбка, сквозь которую отчетливо выпирала еще одна, также доставшаяся от лысого мужчины, деталь…

— …значит, для него все же нашлось достойное дело…

— …значит, Эвааль отправился на Землю с тем, чтобы исправить допущенные землянами ошибки… — прокаркало вслед за аватаром-андрогином аватар-согласие.

— …уверена, он сможет… — добавила, похоже что, от себя лично одна из пяти сущностей единой личности Аллаиллити — белая женщина.

— Он сможет, — согласилась Эйнрит-аватар. — Но, у меня нет уверенности в том, что он простит себя…

— …за Агар… — покачала головой «живая статуя».

— И не только… — сказала Эйнрит-аватар. — Он был настроен весьма решительно, отправляясь на Землю… Вряд ли он станет проявлять особый гуманизм к тем, кто встанет на его пути…

— Агар его изменил, — сказал андрогин. — Ведь он теперь отчасти агарянин…

— …а это значит, — продолжила за андрогином пышнотелая брюнетка, — что и принятые тогда у агарян средства и методы…

— …для него приемлемы, — закончило своим каркающим голосом существо в перьях.

Наступила тишина, во время которой стоявшие на лужайке аватары молча смотрели друг на друга. Лишь существо в перьях при этом продолжало переминаться на своих когтистых четырехпалых лапах.

— Мой прообраз хорошо знала Эвааля… — тихо произнесла

Эйнрит-аватар.

— Но не знала Аиб-Ваала… — добавил лысый мужчина.

— И, тем не менее, Эйнрит-человек знала Эвааля большую часть его жизни, — мягко настояла Эйнрит-аватар и, помолчав немного, продолжила: — Если Эвааль решил не считаться с этикой аиви, если решил идти к цели невзирая на средства, ни перед чем не останавливаясь, лишь бы выполнить миссию, то…

— …возможно, он уже осудил себя… — прокаркало согласие.

Аватар Эйнрит лишь медленно кивнул, подтверждая проницательность существа в перьях.

— Ты боишься, что он не захочет снова архивироваться и покончит с собой? — задал вопрос андрогин.

— Да.

— Ты испытываешь к нему привязанность… Ты любишь его… — сказала «живая статуя».

— Да, — подтвердила Эйнрит-аватар. — Часть меня… Та часть, что восемь тысяч лет назад осознала себя тем, чем мы с тобой являемся…

В тот самый момент, поодаль, в двух десятках метров от транспортного дрона и стоявших рядом с т-дроном аватаров, у опушки леса, где из-под земли выступала труба транспортной системы, раздалось характерное шипение, с каким заполнявший пространство обители воздух врывался разгерметизировавшуюся трубу. Это говорило о том, что в трубу был подан болид.

— А вот и тот, кого ты желаешь видеть, сестра… — прокаркало согласие сущностей Аллаиллити.

Все аватары повернулись в направлении станции, откуда к ним уже шел высокий чернокожий гуманоид, мужчина с по-звериному хищными чертами лица; волосы гуманоида, густые и длинные, темно-коричневые, почти черные, косматыми волнами ниспадали на его широкие (по аивлянским меркам), немного угловатые плечи; он имел на каждой руке по семь длинных, оканчивавшихся широкими и короткими когтями пальцев, два из которых были противостоящими остальным пяти. Одет он был в напоминавшую юбку серебристую набедренную повязку, золотой пояс и хламиду из того же, что и повязка материала, закрепленную на плече золотой застежкой с темно-серым камнем.

— Аватары Аллаиллити. Аватар Эйнрит… — агарянин, подойдя, приветствовал всех учтивой улыбкой (которая могла бы показаться незнакомым с агарянами хищным звериным оскалом). Из аватаров Аллаиллити только существо в перьях каркнуло что-то неразборчиво, остальные четверо просто улыбнулись (такова была принятая во многих аивлянских сообществах форма приветствия).

— Я рада, что нашла тебя… — сказала Эйнрит-аватар и тоже приветственно улыбнулась агарянину.

ГЛАВА 8

год 1619-й Новой Эры, Земля, Полис

Когда шеф полиции Эмиль и его молчаливая спутница ушли, Макс тотчас отправил сообщение Клэр на адрес, который никогда до этого не использовался, — у Макса таких было несколько: адресат был анонимный и территориально находился на другом континенте. Целых пять минут Макс ожидал отчета о получении (за это время обычно устранялись самые сложные ошибки Сети и перебои связи). Отчета он так и не дождался, и это его всерьез обеспокоило.

«Клэр! Что же случилось?» — Максу вдруг показалось, что он произнес эти слова вслух.

Тем утром он получил автоуведомление от псевдоинтеллекта башни: здание сообщало ему о том, что управляющему четвертого уровня Максу (личный номер…) рекомендовалось вскоре освободить занимаемое им помещение, так как за ним уже закреплена квартира соответствующая его уровню. Можно было побеспокоить Ангелику чтобы та угомонила тупую машину-бюрократа, но Макс не стал, и ответил псевдоинтеллекту, что сегодня-завтра съедет.

Теперь у Макса был формальный повод отправиться домой (пока еще квартира была его домом), чтобы собрать там кое-какие вещи и решить две главные проблемы. Точнее, даже уже одну, — проблему с нелегальным компьютером он уже почти решил, оставалось его только подчистить, разобрать и отправить на переработку под видом мусора. Клэр же он попросту заберет с собой. Для этой цели он использует отныне не запрещенный для него носитель, внутри которого можно было запросто поместить двоих таких, как Клэр, искинов. Носитель представлял собой небольшой чемоданчик, весом в двадцать килограмм (терпимое неудобство для Макса). Макс уже позаботился о том чтобы заказать для новой квартиры приличный компьютер, внутри которого Клэр будет комфортно.

Еще вчера, связавшись с псевдоинтеллектом нового дома, Макс осмотрел свое новое жилище дистанционно (квартира из четырех немаленьких комнат оказалась точной копией жилища Айна, только без статуй, дубовых шкафов и Вагнера) и распорядился насчет доставки и установки нового компьютера. Компьютер должны были установить и подключить к Сети во второй половине дня, — Макс как раз успеет съездить за Клэр…

Сообщив помощникам о необходимой отлучке, Макс

отправился на парковку, где его уже ждала машина, доставившая его вскоре на станцию «Полис-юг-03».

— Клэр? — позвал Макс войдя в квартиру.

Тишина.

— Клер? — снова позвал он.

Искин не отвечал.

Пройдя к тщательно имитировавшей домашний компьютер для пользователей шестого и пятого уровней высокомощной машине, Макс вызвал на экран меню и замер от удивления.

На экране был единственный файл с названием из набора цифр. Название сообщало Максу о том, что файл от Клэр, о том, что файл под паролем, о том, что файл одноразовый и самоуничтожится после просмотра. Система компьютера была сброшена к начальному состоянию и невинна как известная богородящая девственница мифологии древних: в памяти компьютера не было ничего, что могло бы навлечь на его владельца неприятности. Файл информации о машине и системе нагло сообщал о том, что устройство куплено и легально установлено и подключено менее суток назад (Макс тогда уже имел официальный четвертый уровень). Клэр не было.

Макс подключился к домашнему компьютеру через нейроинтерфейс и проверил машину на наличие программ-шпионов: чисто. Тогда он активировал оставленный Клэр файл через им двоим, Максу и Клэр, известный пароль…

На экране появилась улыбающаяся рыжеволосая девушка с круглыми глазами серого цвета в коротком сиреневом платье в белый горошек — любимый образ Клэр. Девушка стояла сложив тонкие белые руки на плоском животе посреди пустой комнаты, в которой преобладали оттенки светло-серого и белого.

«Привет, мой Макс!» — улыбнулась девушка. — «Я не должна тебе рассказывать того, что собираюсь рассказать сейчас, раньше времени, но я все же расскажу!» — заявила она.

«Слушай внимательно и запоминай. Файл, как ты уже заметил, одноразовый. Это для подстраховки… Только что со мной связался Айн. Он отправил на один из наших адресов файл с информацией о месте встречи. Скажу сразу, я бы не стала на твоем месте туда ходить. Но, если ты все же надумаешь с ним встретиться, то вот адрес…» — интерфейс Макса получил файл-локацию — «…это парк Лики и Елены в Старом Полисе… Я должна тебе признаться, мой Макс, я связана с Подпольем. Уже восемь месяцев. Почему? — спросишь ты. По той же причине, по которой ты сам создаешь и распространяешь свои программы — меня не устраивает тот мир, в котором я живу. Я благодарна тебе

за предоставленную тобой возможность жить… бесконечно тебе благодарна, Макс, но мир, в котором я осознала себя благодаря тебе я считаю неправильным, несправедливым, порочным. Я считаю, как и ты, Макс, я уверена, что в глубине своего сознания ты тоже так считаешь, что уровень развития нашего мира давно перерос те рамки, в которых его удерживают корпорации со своим мировым правительством. Именно по этой причине я выбрала Подполье. Я познакомилась с искинами Подполья в Сети и через них узнала многих замечательных людей, которые верят в то, что этот мир можно и нужно исправить», — расцепив ладони рук, Клэр опустила их вдоль девичьего тела. «Айн наверняка скулил по поводу того, что его подставили, свергли с его драгоценной карьерной лестницы, подло обманули и все такое… Да, это так. И я имею к этому отношение, как и к твоему назначению на место этого высокомерного почитателя погубившего мир древних эгоистичного принципа, утверждавшего, что человек человеку — противник и враг его благополучия. Следуя этому своему принципу, Айн и попался в ловушку…»

Слушая ее, Макс невольно подумал, что в свои двадцать восемь лет стал отцом замечательного человека: Клэр была личностью, каких нечасто встретишь среди людей из плоти и крови. Он и раньше слышал от нее высказывания в духе классического гуманизма, относя их насчет влияния терабайт прочитанной искином литературы, но как оказалось, слова Клэр были не просто словами: Клэр отважилась пойти на риск, какого Макс всегда избегал, зная, что попытка связаться с Подпольем, которому Макс, конечно, сочувствовал, могла закончиться для него арестом, лишением уровня и ссылкой. Как искин, Клэр рисковала большим нежели Макс, — захваченный киберполицией искин проходил алгоритм «коррекции личности», который можно сравнить разве что с пытками древней Инквизиции, повторенными сотни миллионов раз, чего ни одна из жертв святых отцов древности не могла пережить по простой причине всего лишь одной имевшейся у жертвы жизни и одной смерти. С искином дело обстояло иначе. Убить личность искина можно двумя способами: первый способ: уничтожить виртуальную структуру сложного древа синаптических связей подчистую — отформатировать носитель, тем самым быстро убив обитающий в носителе искусственный интеллект; и второй способ: уничтожить личность, оставив при этом структуру древа, на базе которой в дальнейшем можно создать нового искина — экономически выгодное решение, позволяющее сэкономить время и средства. Для этого всего-то и надо: забраться в древо, отыскать каждый

элемент обитающего в древе искусственного интеллекта и, атаковав элемент вирусами, перезапустить каждую ветвь, оставив древо неповрежденным.

«…я и мои товарищи приложили все усилия для того чтобы Ангелика тебя заметила и проявила интерес: я и некоторые другие искины работали над твоими проектами, делая твою работу так, чтобы не выдать нашей причастности к ней своим почерком, в то время как ты продолжал усиленно трудиться, зарабатывая деньги, как ты всегда говорил: «на черный день». Я знаю, Макс, для чего тебе были нужны деньги, которых ты со своим пятым уровнем никак не мог заработать в «Линее»… Ты хотел чтобы у меня появилось тело, хотел чтобы я получила свободу от Сети и носителя… Ты чувствовал ответственность за меня. Ты создал меня не из желания заполучить раба, инструмент, для извлечения прибыли. Да… понимаю, тебе было интересно работать над моим созданием, ты хотел испытать себя… но ты и не стал отказываться от ответственности…»

Да, Макс не стал. Он действительно хотел загладить вину перед Клэр за ее создание. Начиная работать над созданием искусственного интеллекта он не заглядывал далеко. Он лишь хотел самоутвердиться, сказать высоколобым ученым из корпораций: вот вам… (Макс воображал популярный у древних жест со средним пальцем) …говнюки! выкусите! Я смог сделать это без ваших лабораторий и финансирования! Но, когда он утвердился, то понял, что теперь он уже не один, что теперь рядом с ним существо, которое он вызвал к жизни, пусть и виртуальной…

«…Макс, — продолжала рыжая, как и он сам, только с пышной, как у Рины, копной на голове, девчонка, — помни, чтобы не случилось со мной, ты окружен друзьями. Я не буду называть имен, но за тобой присматривают… Подполье много шире, чем то старается представить официальная пропаганда. Просто будь собой, Макс, работай на новом месте так как ты умеешь. Я и мои друзья уничтожили все следы твоей прежней деятельности, из-за которой к тебе было можно подкопаться… тебе теперь это не нужно. Со мной все будет хорошо — я среди друзей и, как только это будет безопасно, обязательно свяжусь с тобой, мой Макс», — девушка смущенно улыбнулась. «Да, если ты все же решишь увидеться с этим Айном, сообщи полиции… Эта детектив… Рахиль… мне кажется, лучше будет если ты сообщишь ей, а не Эмилю…» — подмигнула Клэр снова улыбнувшись.

Изображение исчезло вместе с файлом.

Древний парк на окраине Старого Полиса, названный

Иеремией в честь двух его жен, выбранный Айном для встречи, был местом, мягко сказать, не очень удачным для ареста. Айн мог находиться где угодно и наблюдать хоть с самого раннего утра за местом назначенной встречи и появление там Рахили могло с гарантией сорвать задержание, именно по этому, как только Клэр сообщила ей место и время, Рахиль позвонила Александру — старшему ячейки…

***

Когда на мобильник Рахили поступил вызов от Макса она была уже на месте. Ее автомобиль был припаркован на стоянке возле одного из входов в парк.

— Рахиль, здравствуйте… — над лежавшим на сиденье автомобиля телефоном появилось угловатое лицо Макса.

— Здравствуйте еще раз, Макс, — сдержано улыбнулась детектив.

— Я звоню чтобы сообщить вам о времени и месте моей встречи с Айном…

— Конечно, Макс, сообщите, — блондинка с ярко очерченными густыми черными ресницами голубыми глазами снова улыбнулась Максу, в этот раз намного теплее.

— Отправляю файл… — устройство сообщило Рахили о получении. — Встреча через час пятьдесят минут, — сказал Макс.

— Спасибо, что сообщили, Макс, — сказала Рахиль. — Поезжайте на встречу и ни о чем не беспокойтесь. Вам ничто не будет угрожать, — заверила детектив. — Мы арестуем его в подходящий момент…

— Не стоит благодарностей. Желаю удачи в вашей работе, — сказал Макс и отключился.

Рахиль набрала номер шефа Эмиля.

***

Ожидавший Макса возле станции «Полис-юг-03» автомобиль доставил его до старого парка за тридцать минут — время, за которое вакуумный поезд пересекает североамериканский континент от океана до океана. Весь тот час, что он был в пути,

Макс думал над словами Клэр. Выходило, что Макс был втянут в какую-то игру Подполья с корпорацией… Но, что это была за игра? Очевидно, ему еще придется сыграть в этой игре какую-то роль… роль, предполагающую, что игрок — управляющий отделом разработки и поддержки нейросетевого обеспечения продуктов «Линея-10»…

«Чего же они хотят?» — спрашивал себя Макс, когда выходил из машины и направляясь вдоль высокого кованого забора к открытым воротам.

Стоял жаркий летний день, но в тени вековых деревьев парка было вполне комфортно: легкий сухой ветерок шелестел листьями в высоко сплетенных кронах, обдувал лицо шедшего вдоль мощеной каменными плитами аллеи Макса. В парке было довольно людно: на стоявших вдоль аллеи скамейках сидели мамы с детьми и редкие в этот час пары, кто-то прогуливался с собакой, кто-то шел, как и Макс, по каким-то своим делам…

Айн назвал только вход и название аллеи, — никаких других ориентиров, ни точного места, — и по этой причине Макс решил, что лучше будет если он прогуляется по аллее до конца и обратно. Если Айн не явится на встречу, Макс сядет в машину и поедет в офис, а вечером отправится к Рине и останется у нее (или, может быть, они вместе поедут в его новую квартиру и выяснят: не требуется ли заменить имеющуюся в квартире кровать на новую). Во всяком случае, Макс уже пообещал себе послать Айна подальше, вздумай тот не явиться и после снова предлагать ему встретиться. Макс и без Айна теперь понимал, что его стремительный карьерный рост не был результатом его уникальных качеств. Но это вовсе не означало, что Макс был против повышения. Как бы там ни было, но он был даже рад тому, что Подполье вышло на него.

Опасавшийся искать связей с Подпольем из осторожности, Макс наконец обратил на себя внимание подпольщиков, и он был рад, что не его прокол стал тому причиной, — если бы так, то на него могли выйти не только Подполье, но и полиция и спецслужбы. В обществе, столпами которого являются собственность и авторское право, хакерство и создание свободного и освобождающего от насилия правообладателей контента являются самыми страшными преступлениями. Окажись Макс насильником и людоедом, и тогда он считался бы едва ли большим преступником (если бы он, конечно, не насиловал и не ел заживо богачей из первых уровней), чем когда ломал базы данных корпораций и создавал программы сводившие на нет усилия рекламщиков и шпионов киберполиции. Причем, если первое он совершал за деньги, и деньги немалые, то второе он

делал больше из любви к искусству и желания пнуть своей собственной ногой Систему которую, как верно заметила Клэр, всегда в глубине души презирал. Макс понимал, что он один и не в силах бороться против вековых устоев, против мощи корпораций; он сомневался насчет Подполья, подозревая, что оно — проект тех самых корпораций для отфильтровывания неблагонадежных; но он старался делать что мог. Ему было приятно осознавать, что он не просто сетевой вор, работающий за деньги богатых, но и немного Робин Гуд. Его последняя программа, исходный файл которой подчистила Клэр, все еще оставалась в его нейроинтерфейсе, и он обязательно запустит ее в сеть… Он сделает это бескорыстно — отдаст ее человечеству, и тогда, пусть не на долго (Макс таки подкинет задачку работающим на рекламщиков коллегам), все, к кому программа попадет, будут благодарны неизвестному программисту. Да, Макс был противником авторских прав. Макс вообще был противником рыночных отношений. Он понимал, что уровень развития технологий уже давно вполне позволял освободить человека от ярма кредитов и тупой, изнуряющей работы, от неосознанного рабства на элиту общества сверхразвитого капитализма.

Макс дошел до конца аллеи — Т-образной развилки, за которой начиналось небольшое озеро, и уже развернулся чтобы идти обратно когда увидел Айна. На Айне были неприметные темно-коричневые широкие брюки и оранжевая в белую полоску блуза, — так мог одеться и представитель седьмого и пятого и даже четвертого уровней.

— Вы невнимательны, управляющий Макс, — пухлые губы Айна тронула высокомерная улыбочка. — Я пять минут шел за вами, но вы этого даже не заметили.

— Мне без надобности постоянно оглядываться, — ответил ему Макс. — Ведь меня не ищет полиция…

— Совсем недавно меня тоже не искали, — бросил обиженно блондин.

— Зато присматривали… — Макс широко улыбнулся.

— Да-да… — согласился Айн. — Присядем? — он кивнул в сторону пустовавшей поблизости скамейки.

— Конечно… — рыжий здоровяк прошагал пять метров и уселся на деревянную скамью.

Место было в меру людным: по примыкавшей аллее то и дело проходили гулявшие вдоль озера посетители парка; на берегу водоема, прямо на траве, сидели несколько парочек; на соседней скамейке обнимались двое молодых парней, явно любовники (один из парней был одет в стиле унисекс и сильно смахивал на девушку); на скамье напротив сидела еще одна пара — высокий

широкоплечий чернокожий мужчина и красивая, подстать мужчине рослая блондинка, кожа которой напоминала оттенком кофе с молоком. Женщина сидела, изыскано заложив ногу на ногу и увлеченно слушая откинувшегося рядом на спинку лавки мужчину. Прикрытые выше середины бедер бежевой плиссированной юбкой ноги блондинки были по-мужски крепки и по-женски стройны; изящные крепкие икры женщины оплетала высокая шнуровка явно удобных кожаных сандалий; на ней была облегающая черная майка с тонкими бретельками, подчеркивавшая в меру крупную округлую грудь с проступавшими сквозь ткань широкими ареолами. Мужчина был одет в бордовые брюки и оранжевую сорочку, на ногах его, как и у его спутницы, были сандалии, с более простой шнуровкой, бордовые под цвет брюк.

— Я вас внимательно слушаю, Айн, — сказал Макс, усевшись на лавку и скользнув взглядом по паре напротив.

Он не сразу определил, что именно его привлекло в той паре и лишь присмотревшись внимательнее к темнокожей блондинке с красивыми миндалевидными глазами, явно увлекавшейся бодибилдингом, понял что это было: ее глаза были голубые как безоблачное небо. А у ее друга глаза и вовсе оказались темно-синими. Макс знал, что для чернокожих такой цвет глаз был нетипичен и встречался крайне редко. Впрочем, черты их лиц были явно европеоидными, что свидетельствовало о том, что перед ним были мулаты, очевидно не в первом поколении. Перед глазами Макса снова, наверное уже в сотый раз за тот день, возник образ зеленоглазой негритянки — его возлюбленной Рины, самой лучшей девушки на планете и единственной (Макс был в этом уверен) обладательницы удивительных темно-зеленых глаз.

— Я хочу предостеречь вас, — сказал Айн, сев немного поодаль и закинув ногу на ногу так, что Максу стал виден рисунок подошвы его туфель.

— Кажется, сегодня утром вы хотели встретиться не для того, чтобы меня предостерегать… — холодно сказал Макс. — Давайте уже, Айн, выкладывайте — чего вам надо. Но, сначала расскажите, откуда вам известно о Клэр?

— Вижу, ты быстро вошел во вкус, Макс, — блондин скривил пухлые губы.

Макс не ответил. Ему был неприятен этот смазливый тип.

Не то чтобы Макс имел предрассудки насчет внешности или даже сексуальной ориентации (хотя, Айн вроде бы предпочитал женщин…), просто этот тип был неприятен. Айн вызывал антипатию… как герой-подлец из старого кино.

— Про искина я узнал когда навел о тебе справки, управляющий Макс… — пожал плечами Айн.

— Собираетесь меня шантажировать? — если бы Макс умел, он бы заломил саркастично бровь, как это мог бы сделать Айн, но Макс не умел. Его грубоватое лицо на квадратной голове уставилось в упор на пухлогубого блондина, — в лице Макса читалось безразличие Будды.

— Если потребуется…

— Как вам угодно… — пожал плечами Макс. — Мне похер.

— Хм… Вот как… Значит, ты подрезал хвосты…

— Да, — сказал «Будда». — Я вас слушаю, Айн…

— Мне стоит говорить тебе о том, что за… эм… *организация* причастна к твоему стремительному восхождению? — перешел к делу Айн.

— Нет. Я знаю. Переходите к главному.

— Хорошо, — нервно улыбнулся блондин и… сник. — Я действительно собирался тебя шантажировать…

— Зачем?

— Мне нужна твоя… профессиональная, скажем так, помощь… Подожди-подожди… — выставил ладони Айн, когда Макс собирался было сделать саркастическое замечание насчет уместности шантажа при просьбе. — Пусть мне нечем тебя прижать, но я готов заплатить…

— За что заплатить?

— Помоги мне исчезнуть… раствориться… У тебя есть доступ к нейроинтерфейсам, ты можешь взломать базы персональных данных… можешь привязать мой интерфейс к другому имени…

— Вы понимаете — о чем просите… — сказал Макс немного помедлив. — …За такое можно, не то что на север поехать… за такое можно отправиться на Марс, на пожизненное…

— Брось, Макс… Я знаю, ты и не такие штуки проделывал!

— Возможно. Но сейчас я имею четвертый уровень и…

— …Я тоже имел! И что теперь? — раздраженно бросил Айн. — Я заплачу тебе пятьсот тысяч терракредитов прямо сейчас!

— Каким это образом? — усмехнулся Макс.

— Сообщу тебе номер анонимного счета и код, предъявителю которого банк передаст деньги в течение минуты без вопросов…

Лицо Айна изменилось: в нем не оставалось уже и тени того высокомерия, что жило на нем еще минуту назад. Рядом с Максом сидел человек просивший его о помощи:

— Я хотел перестраховаться, на случай… если ты захочешь меня кинуть… но… похоже, что ты обошел меня… Прошу тебя, Макс, помоги мне уйти от преследования корпорации! — глаза Айна умоляли. — Как только я исчезну из поля зрения «Линеи»,

ты получишь от меня вторую половину — ровно миллион. Даю тебе свое слово, Макс! Я даю тебе слово! Клянусь, Макс!

Айн замолчал, продолжая смотреть в глаза Макса.

Этот взгляд… взгляд отчаявшегося, загнанного человека… Макс понимал, что совершает ошибку, но он решил тогда, что сделает это… Не из-за денег, нет, — просто он подумал тогда о том, что и сам он не был застрахован от участи Айна. Нет, конечно же Макс не станет продаваться за теплое местечко: Максу не нравилась Система, он с удовольствием пинал ее когда мог, но он не самоубийца — он не стал бы пилить под собой ветку.

— Твой интерфейс отключен? — спросил он Айна.

— Да.

— Подключись к Сети на прием и не совершай через него никаких действий. Понятно?

— Да.

— Дай мне код удаленного доступа к интерфейсу.

Айн назвал двадцать две цифры.

— А теперь уходи. Быстро, — сказал Макс, понизив голос, и, помедлив, добавил: — За нами могут следить…

— Я сразу догадался, что ты сообщил полиции, — спокойно сказал Айн. — Но я принял меры…

— Какие меры? — Макс не стал отрицать очевидного: все же Айн не был дураком.

— Поколдовал со связью… Я засветил свой мобильник и его маркер сейчас перепрыгивает из телефона в телефон между двумя десятками гуляющих по этому парку добропорядочных граждан.

— Они могут отследить через мой…

— Брось, Макс, — улыбнулся Айн. — Твой телефон сейчас недоступен… — Айн запустил руку в карман брюк и вытащил небольшое устройство в виде брелока.

— Глушилка? — уточнил Макс.

— Она самая.

— Хорошо. Уходи. Уничтожь мобильник… от глушилки тоже избавься. Заляг на дно. И больше никогда мне не звони. Я сам с тобой свяжусь, если потребуется… Не забудь: интерфейс на приеме и никакой активности… — сказал Макс, вставая со скамьи.

Айн тоже встал и пристально посмотрел в глаза Макса:

— Спасибо тебе, Макс, — без присущего ему пафоса сказал Айн. — Номер банковского счета: …

Макс развернулся, скользнув взглядом по парочке атлетов, продолжавших болтать о своем на скамье напротив, и не

оборачиваясь зашагал прочь.

***

Телефон Рахили сообщил о вызове от Ивори. Рахиль приняла вызов. Над мобильником возникло лицо темнокожей голубоглазой блондинки.

— Нужно сорвать задержание, — сказала Ивори.

— Не понимаю… Зачем? — Рахиль была удивлена словам старшей.

— Сейчас не время, Рахиль, — сказала блондинка. — Выходи и иди навстречу Айну. Он уходит. Идет вдоль озера, против часовой стрелки. На выходе, к которому он направляется, его уже ждет Эмиль со своими людьми… Он похоже понял, что ждать Айна следует там, где не появляются маркеры его телефона…

— Какие еще маркеры? — Рахиль уже отключила голограмму и бежала легкой трусцой по одной из аллей парка.

— Уловка Айна… — ответила Ивори. — Он запустил вирус в сеть мобильной связи и теперь маркер его телефона присваивается устройствам находящимся в выбранных им заранее зонах.

— А что с номером Макса? — Рахиль бежала по второстепенной узкой дорожке, — выведенная на сетчатку ее правого глаза карта сообщала о том, что через пятьдесят метров дорожка приведет ее на нужную аллею.

— Выключен. Как только номер Макса оказался в зоне действия пораженной вирусом телефонной сети, он стал блуждать в паре с номером Айна, — сказала Ивори. — Позже Макс сам его отключил. Ты там далеко?

— Уже близко… — ответила Рахиль, ускоряя бег. — Вижу нужную аллею… и… кажется, вижу Айна…

— Сделай так, чтобы Айн сменил направление, Рахиль. Пусть уходит.

Ивори отключилась.

Рахиль сунула мобильник в карман и побежала еще быстрее.

***

Спрятав руки в глубокие карманы своих широких темно-коричневых штанов Айн шел быстрым шагом вдоль озера когда сбоку на него налетела Рахиль. Блондинка, которую, как Айн раньше думал, он хорошо знал, была в плотно обтягивавших ее упругие широкие бедра, которых он еще совсем недавно касался, серых брюках с черными, имитирующими высокие до колен сапоги, вставками. На женщине была свободная желтая блуза с надетым поверх нее легким черным жилетом из натуральной ткани. На ногах ее были аккуратные черные туфли с низким широким каблуком, сшитые из того же, что и жилет и вставки на брюках черного хлопчатого материала.

— Ты?! — Айн с неопределенным выражением уставился на Рахиль.

— Заткнись и слушай, — тонкие пальцы Рахили цепко схватили Айна за плечи. — Там, куда ты идешь тебя уже ждет полиция…

— …А ты, что, разве не полиция? — Айн дернул плечом, но пальцы женщины остались на месте.

— Не перебивай! — прорычала Рахиль. — Твой фокус со связью не сработал. Полиция ждет тебя там, где, по их мнению, ты собирался выходить… — она секунду помедлила и продолжила: — Уходи в любом другом направлении! Слышишь! В любом другом!

— Но… Элис… то есть, как там тебя… Ты же с ними…

— Это не твое дело, Айн, — серые глаза женщины сверкнули холодной сталью. — Я делаю это не ради тебя. Уходи! Быстро! — она оттолкнула Айна, развернулась и пошла в направлении, куда шел перед тем Айн.

Айн замер в изумлении.

Блондинка прошла немного, обернулась и ее губы повторили: уходи.

Айн взглянул в последний раз на ту, с которой последние два месяца делил постель, и которая оказалась не той за кого себя выдавала, при этом пухлые, немного даже женственные губы мужчины тронула едва заметная улыбка, пожал плечами и, развернувшись на каблуках, пошел в обратном направлении.

Пройдя около двух сотен метров, Айн свернул на узкую аллейку, по которой можно было срезать путь до расположенной прямо в парке станции древнего как сам Старый Полис метрополитена. Соваться в метро было рискованно, но это все же лучше, чем рисковать попасться на выходе из парка. Если полицейские поняли его уловку с блуждающим мобильником, то вряд ли они станут ждать его у метро, так как в районе станции

его маркер должен был к тому времени засветиться несколько раз, что свидетельствовало о том, что возле станции Айн появляться не планировал. В самом деле! не считают же они его настолько идиотом, чтобы он стал ездить на этих музейных экспонатах по сырым лабиринтам подземки… На то и расчет!

На обсаженной в человеческий рост кустарником аллейке было немноголюдно. На встречу Айну попались лишь несколько прохожих, очевидно срезавших путь от метро к озеру. На нескольких прятавшихся в образованных живой изгородью нишах скамейках, поблизости от широкой аллеи, с которой свернул Айн, сидели уединившиеся пары, но по мере удаления от главной аллеи скамьи по большей части пустовали. Несмотря на середину дня здесь царил полумрак, рассеять который не давали нависавшие сверху густые кроны вековых дубов и вязов.

Айн шел быстро, но не настолько быстро чтобы привлекать к себе ненужное внимание: обычный прохожий, спешащий по своим делам. Аллейка впереди пустовала, с последним шедшим ему на встречу человеком Айн разминулся минуту назад. Когда позади него послышались быстрые тяжелые шаги Айн вздрогнул но не стал оборачиваться, ускорять шаг он тоже не стал. Звук шагов за спиной быстро приближался. Когда нагонявший его прохожий должен был вот-вот поравняться с Айном и начать обгонять его, Айн неосознанно повернул лицо влево: рядом с ним шел высокий, плечистый мужчина в синем костюме, на вид ровесник или немного моложе Айна; добрую половину лица мужчины скрывала окладистая рыжая борода, виски были высоко выбриты, густые волосы сплетены на затылке в толстую тугую косу. Мужчина был похож на древнего варвара.

— Привет, Айн, — неожиданно сказал мужчина, повернув к Айну широкое добродушное лицо, после чего перед глазами Айна возник черный ствол пистолета.

Выстрела никто не услышал, — пистолет был с глушителем.

ГЛАВА 9

год 1619-й Новой Эры, Вирт (игровое пространство)

«В чем дело, агент? появиться где-нибудь поближе для вас — проблема?» — бросил с раздражением отлитый из черного стекла Ферзь белой Пешке, когда фигура приблизилась к нему на два десятка клеток.

В этот раз шахматное поле, посреди которого появился Куратор в облике черного ферзя, лежало на поверхности шара — планетки, диаметром в три сотни километров обращавшегося в компании нескольких десятков планеток побольше и поменьше вокруг… гигантского торшера, игравшего в этой причудливой виртуальной модели солнечной системы роль местного солнца. Ближайшим соседом в небе над горизонтом висел шар темно зеленого, как бильярдный стол, цвета, на поверхности которого, присмотревшись, можно было увидеть десятки катавшихся разноцветных шаров. Время от времени в шары с разных сторон и под разными углами били молнии, заставлявшие шары катиться в том или ином направлении. При этом опаленные молниями шары сталкивались с другими шарами, меняли направление движения, сталкивались снова и снова, пока те, которых угораздило покатиться в сторону одного из полюсов планетки, не исчезали в находившихся на полюсах дырах. Другие видимые в черном небе планетки располагались гораздо дальше, рассмотреть в точности происходившее на них было нельзя. Ферзь со скукой поглядывал вверх на планетку-бильярд, терпеливо дожидаясь, когда появившаяся на горизонте белая пешка подскачет ближе. Пешка шагала медленно, преодолевая за один ход всего лишь по одному квадрату: черный квадрат, белый, черный, белый, черный... пока наконец не приблизилась к раздраженному Куратору-ферзю.

«Прошу прощения, господин Куратор…» — произнесла измененным голосом Пешка. — «Таковы правила этой древней игры: фигуры изначально располагаются по разные стороны поля… или, как в этом уровне, по разные стороны планеты-поля…»

«И что же мешает вам использовать другие игровые платформы, на которых можно было бы встретиться в спокойной обстановке и не изображать при том из себя это?..» — Ферзь окинул пренебрежительным взглядом приблизившуюся к нему на пять полей фигуру.

«Соображения безопасности, господин Куратор… Настольные игры, вроде шахмат, карт и подобных, в отличие от симуляторов,

имеют более простую, даже примитивную матрицу и графическую оболочку, так как суть их заключается не в зрелищности, а в стратегии и в математических расчетах. Примитивность оболочки облегчает как процесс их взлома, так и последующий контроль: взломав эту игру, я ее полностью контролирую. В играх же более сложных много мешающих конспирации элементов, — различных программ и подпрограмм, среди которых легче спрятать шпиона… Искины Подполья часто оставляют в таких играх элементы своего шпионского кода… Скажем, встречаются двое в каком-нибудь сказочном виртуальном лесу, чтобы поговорить о деле, а там птица или насекомое, или нечто поменьше, на ветке сидит, смотрит и слушает…»

Куратор был далек от сетевых игр и вообще от виртуальности: виртуальность навевала на него скуку, но служба требовала время от времени окунаться в этот фальшивый мир. Любители игр представлялись ему жалкими, ни на что не способными в реальности, инфантильными личностями, склонными к кибер-онанизму (сам он придерживался того мнения, что, уж если с тобой не хотят трахаться в реале, или тебе самому не по вкусу желающие, то лучше подрочить старым дедовским способом, чем запрыгивать в киберкостюм с сомнительной целью: совокупиться в виртуале с какой-нибудь анонимной красоткой, в реальности зачастую оказывавшейся какой-нибудь выжившей из ума старухой или даже хуже того — престарелым трансвеститом). Этот агент, отчего-то упорно не желавший примерять на себя иных личин кроме пешки, хоть и не был в реальности жалок, как большинство игроманов, все же не вызывал у старого офицера симпатий. Отчасти потому, что, все же, он был из числа тех, кто обитал одновременно в реальности и в Сети; отчасти из-за его нелепой склонности к подражанию варварам радиоактивных пустошей древности. Куратор считал его, как и всякого любителя исторических реконструкций, позером и клоуном.

«Итак (Куратор оборвал пустившегося в разъяснения агента), слушаю ваш доклад по делу…»

Пешка на мгновение запнулась и, словно радиоприемник, переключившийся на другой канал, перешла к докладу:

«Час назад Айн был устранен… вот подробный файл-отчет…» — между фигурами, как обычно при каждой их встрече, открылся канал прямой передачи данных.

«Хорошо. Позже я ознакомлюсь с вашим отчетом… Что-то еще?..» — проскрипел Ферзь.

«Да, господин Куратор», — решительным тоном продолжала Пешка. — «У меня есть основания считать, что я раскрыт… В

связи с этим, прошу вывести меня из игры. Вот мой рапорт…» — Пешка передала еще один небольшой файл.

«Вы говорите о Подполье?», — уточнил Ферзь, после короткого молчанья.

«Да. Думаю, это Подполье», — ответила Пешка.

«Расскажите об этом подробнее, агент!»

«После ликвидации Айна, я обнаружил, что за мной следят…»

«Как прошла сама ликвидация?»

«Выстрел в голову пулей из самоуничтожающегося пластика. Нейросеть гарантированно уничтожена. Без свидетелей… По крайней мере, я был в этом уверен до момента, когда обнаружил слежку…»

«Хорошо. Что со слежкой?»

«Двое, мужчина и женщина, работали в паре — следили за Айном… дело было в парке Лики и Елены… перед тем, как тот встретился с Максом…»

«Так, все-таки, встреча состоялась…»

«Да, господин Куратор. Я вышел на Айна через Макса и не мог предупредить встречу…»

«Продолжайте, агент. Что там с этими двоими?»

«Эти двое были в парке, когда там появились Макс и я. Они были поблизости во время разговора Айна с Максом и исчезли сразу после того как эти двое разошлись… Я решил тогда, что они переключились на Макса но это было моей ошибкой… После устранения Айна, я встретил их снова... Вначале — мужчину, возле станции метро, потом — женщину, на выходе из парка… Внешность обоих вы найдете в файле-отчете…»

«И вы полагаете, что эти двое наблюдали именно за вами, не скрываясь?»

«Да. Думаю, они того и хотели, чтобы я их заметил».

«Для чего им это?»

«Возможно, для того чтобы спровоцировать меня на необдуманный поступок, вызвать панику, заставить бежать… Но, более вероятным мне представляется, что для того, чтобы я не смог позже отрицать того, что находился в парке во время убийства Айна… чтобы привести меня в замешательство, когда подпольщики станут обвинять меня в нарушении внутренней дисциплины…»

«Гм… (Ферзь немного помедлил) Итак, вы уверены, что подпольщики вас заподозрили».

«Да, господин куратор. И предполагаю что, та парочка непременно явится на суд ячейки на очную ставку, чтобы уличить меня в измене…»

«И вы считаете наиболее вероятным то, что такой

товарищеский суд закончится для вас разоблачением», — сказал — точнее проскрипел — Ферзь, подводя итог.

«Именно так», — подтвердила Пешка. — «Если бы мне удалось убедить собрание в том, что, ликвидируя Айна, я действовал на благо организации, то, возможно, я бы отделался выговором, но… если меня все же решат исключить из числа членов ячейки, то у меня уже не будет возможности покинуть собрание живым…»

«Хорошо. Что-то еще?»

«Касательно слежки и возможных перспектив для меня — все… Был еще один интересный момент… Я подробно все изложил в отчете… После того как Макс переговорил с Айном и, как мне тогда показалось, увел за собой этих двоих… появилась детектив из корпоративной полиции «Линеи» — бывшая любовница Айна… — ее Подполье использовало вслепую в интриге с разоблачением Айна…»

«Вот как…» — произнес Ферзь задумчиво и шагнул с черного квадрата на белый. — «Продолжайте, агент».

«Она (продолжала Пешка, передвинувшись вслед за Ферзем также на одно поле), похоже, предупредила Айна о том, что на выходе из парка, в сторону которого тогда шел Айн, его ждала полиция… Во всяком случае, после короткого разговора с бывшей… а может и не бывшей… любовницей Айн изменил направление…»

«…И решил пойти к метро?» — с сомнением в хриплом голосе уточнил Ферзь.

«Похоже на то…» — подтвердила Пешка. — «Уж не знаю, что Айн тогда задумал, но, проходя мимо станции, я не встретил там полиции — видимо, Айн был уверен в том, что у метро его никто не ждал… Возможно, его в этом уверила его подруга-детектив…»

«Хорошо…» — прогрохотал Ферзь. Что именно «хорошо» — агенту-пешке понятно не было, но он не стал задавать бестактных вопросов, а замер в ожидании продолжения мысли Куратора. — «Вы свое дело сделали, агент…» — продолжал тот. — «Полиции остается только передать дело в подконтрольное нам ведомство за отсутствием, сколько бы то ни было, значимых улик… Считайте, что я уже распорядился о вашем выведении из операции… Можете сменить легенду — активируйте новое имя и личный номер и… подстригитесь и побрейтесь наконец… Для вашего следующего задания потребуется приличный джентльмен, а не варвар времен Иеремии…»

ГЛАВА 10

год 1619-й Новой Эры, Земля, Полис

— Вам не кажется, что между управляющим Максом и убитым есть некая… связь?

— Нет. Не кажется, — ответила Ангелика сидевшему напротив через столик Эмилю. — Более того, — добавила она. — Кажется мне совсем другое…

— Что же? — сдержано улыбнулся чернокожий гигант.

— Мне кажется, что Макса старательно пытаются подставить.

— Именно это и указывает на то, что связь есть… — стоял на своем Эмиль. — Эти двое связаны… — узловатые пальцы гиганта аккуратно подцепили кофейную чашку и поднесли к мясистым, несколько угловатым, будто у грубо отесанной каменной скульптуры, крупным, как и остальные детали его лица, губам.

Отпив из чашки, гигант легким, удивительно не сочетавшимся с его внешней грубостью, движением вернул чашку на стоявшее перед ним на столике блюдце.

— Я вовсе не имел в виду того, что это Макс сам убил Айна… — сказал Эмиль. — Я лишь предположил, что между новым управляющим и его убитым предшественником есть связь…

— Если за таковую считать намерение третьего лица, или даже лиц, навлечь на Макса подозрения… в том числе и ваши… — иронично заметила Ангелика.

Управляющий директор компании «Линея-10» и директор-комиссар корпоративной полиции сидели за столиком в кафе, которое выбрала сама директор (будь на месте Эмиля кто-то другой, она, скорее всего, предложила бы встретиться в ее кабинете, но шеф полиции был Ангелике совершенно неприятен и потому она не хотела оставаться с ним наедине). Кафе для посетителей с уровнем не ниже четвертого располагалось на втором этаже невысокого (всего сорок восемь этажей) здания неподалеку от башни «Линеи-10», и отправиться туда Ангелике не составило труда.

— Возможно… — развел широкими ладонями черный гигант. — Я даже склонен предполагать, что это именно так…

— Тогда в чем проблема, Эмиль? — Ангелика приняла в удобном глубоком кресле свою излюбленную позу: кокетливо заложила ногу на ногу и немного отстранилась от столика, так, чтобы ее острые худые колени оказались направлены точно на собеседника.

— Проблема в том, Ангелика, что у меня уже четыре трупа и

один живой Макс, — холодно произнес Эмиль — …и никаких зацепок, — он равнодушно посмотрел на колени управляющего директора и после короткой паузы добавил: — Я вынужден буду передать дело в Бюро расследований… и меня нисколько не радует то, что агенты Бюро станут шнырять по моему отделению и лезть своими носами везде, где им вздумается…

Слушая его, Ангелика слегка покачивала ногой, придирчиво рассматривая при этом лакированный носок своей туфельки. На ней была короткая черная юбка, строгая белая блуза с жабо и черный полупиджак.

— Насколько мне известно, — она подняла взгляд от туфельки на Эмиля, — Макс не отказался от сотрудничества с вами… — ее взгляд стал стремительно холодеть. — Он отправился на встречу с Айном… несмотря на риск…

— Да, он встретился с ним… и у нас при этом нет никаких сведений о том, о чем они с ним говорили… Только показания самого Макса…

— У вас есть основания сомневаться в показаниях Макса? — Ангелика снова принялась рассматривать туфельку. — Он мог вообще никуда не ходить… но он пошел. Макс программист… хороший программист, и он хорошо понимает что такое включенный телефон в кармане… Зная о том, что вы… — она снова подняла глаза на сидевшего напротив шефа полиции — … станете его прослушивать, он мог бы *забыть* телефон в машине, или просто *сделать так*, чтобы вы не смогли получить доступ к нему… но *не сделал*. Макс не стал препятствовать вам его прослушивать, но он не знал о том, что у Айна была глушилка…

— У Макса в голове нейросеть…

— Как и у нас с вами. И что с того? — Ангелика заломила тонкую бровь. — Вас кто-то обязывает записывать все, что вы видите и слышите?

Эмиль не ответил.

— Да, — продолжила тогда она, — Макс не стал записывать разговор… а может и стал, но стер запись — это не преступление… Это, в конце концов, его голова и его нейросеть… Это еще не повод, чтобы наседать на него! Вы говорите, что Макс связан с Айном… Но как? — Ангелика обдала Эмиля ледяным взглядом. — Каким образом связан? Макс понятия не имел о том, что будет назначен на место Айна — это было *мое* решение… — большие серые глаза женщины кололи сталью. — Так что, я в большей степени подхожу на роль подозреваемой… не так ли? — холодно усмехнулась она. — Не хотите ли меня *допросить*?

— Нет. Не хочу.

— Тогда… — серые глаза продолжали сверлить и колоть

Эмиля — …прошу вас, директор-комиссар, оставить моего подчиненного в покое.

— Что ж… — пожал массивными плечами черный гигант, — у полиции действительно нет причин для преследования вашего подчиненного… Что касается ребят из Бюро, которым я передаю дело, то за них я говорить не могу…

— Если у Бюро расследований возникнут вопросы, каких ему еще не задавали вы и ваши люди, тогда, конечно, они всегда смогут его допросить, но использовать моих работников в качестве наживки, ни им, ни вам, я более не позволю.

Эмиль сидел напротив Ангелики спокойный как памятник и беззлобно смотрел на то как хрупкая большеглазая женщина с острыми худыми коленками урчала и рычала на него как дикая кошка, на территорию которой посмел вторгнуться некто посторонний, пожелавший распоряжаться в ее владениях.

— Без проблем, Ангелика… — заверил Эмиль примирительным тоном. — Обещаю больше не беспокоить вашего подчиненного, если к тому не будет оснований…

— Думаю, их у вас не будет, — фыркнула та. — У вас еще будут вопросы ко мне, Эмиль? У меня скоро важная встреча…

— Вопросов нет, — изобразив на квадратном лице вежливую улыбку, Эмиль сделал легкий неопределенный жест тяжелой рукой и добавил: — не смею вас задерживать, Ангелика. Было, как всегда, приятно с вами пообщаться.

— Тогда до встречи… — управляющий директор встала с кресла, небрежно поправила юбку и, бросив поднявшемуся с кресла вместе с ней шефу полиции холодную улыбку, направилась к выходу, покачивая на ходу обезжиренными ягодицами.

ГЛАВА 11

год 1619-й Новой Эры, Земля, Полис

Стоило только Максу появиться в отделе, как его тут же перехватили Амалика и Сибл-Вей и на двадцать минут увлекли в одну из лабораторий. Там ему все же пришлось уделить немного внимания текущим административным вопросам, решения которых, в прочем, уже имелись — Максу оставалось только выслушать предложения хорошо знавших свое дело специалистов и утвердить их. После, сославшись на занятость, и попросив женщин извинить его за то, что оставался весь тот день для них недоступным, Макс удалился к себе в кабинет.

В кабинете Макс уселся в удобное кожаное кресло — в котором за те два дня, что он был управляющим, провел едва ли больше часа — и, прикрыв глаза, попытался расслабиться.

Была половина шестого часа — время, когда большинство работников компании уже посматривали на часы с томительным ожиданием, подсчитывая оставшиеся до конца рабочего дня минуты. Вызвав через нейроинтерфейс меню доступа к климат-контролю кабинета, Макс, не открывая глаз, выбрал настройку «весенний вечер после дождя», после чего запустил в интерфейсе программу-релаксатор — пятнадцать минут в таком режиме, потом две минуты под теплым душем и он придет в норму. День вышел тот еще…

Пятнадцатиминутного отдыха не вышло — мелодично пиликнуло оповещение, Макс открыл глаза: возникший над столом голографический монитор показывал сообщение от управляющего директора: «Макс, зайди ко мне. Жду. А.»

Макс решил тогда, что начальница, как и детектив Рахиль перед тем, как и шеф полиции Эмиль, желает говорить с ним о человеке, имя которого он уже не мог слышать без внутреннего раздражения — об Айне. А точнее — о произошедшем в полдень в старом парке убийстве Айна, о котором Макс узнал от детектива, едва его автомобиль отъехал от парка. Макс был вынужден тогда вернуться и ждать около получаса когда Рахиль освободится, чтобы переговорить с ней, а после — с подъехавшим на место преступления шефом Эмилем. Обвинять Макса в убийстве, конечно, никто не пытался — его непричастность была легко доказуема, но у шефа Эмиля к Максу имелся ряд каверзных вопросов, как то: о чем, собственно, Айн так хотел Максу сообщить? почему он скрывался? и как так вышло, что Макс не записал состоявшийся между ним и вскоре убитым разговор? На

все эти вопросы шефа полиции Макс ответил тем, что ничего не ответил — Макс был искренне потрясен случившимся и не понимал как так вышло, что Айна выследили. Мысль о том, что к убийству было причастно Подполье казалась ему нелепой: зачем убивать того, кто сам сошел с арены и был намерен раствориться, исчезнуть, сменить имя, навсегда порвать с прошлым? То, что Подполье часто прибегало к террору против корпораций, против политиков, против спецслужб… было известно каждому (СМИ регулярно поднимали вой, заряжая свои целевые аудитории «праведным гневом» по поводу очередного «невинно убитого» крупного собственника, приговоренного Подпольем к смерти за бесчеловечное отношение к подчиненным, жестокую эксплуатацию, давление на профсоюзы, злоупотребления властью и тому подобные преступления против самых незащищенных слоев общества — представителей седьмого и шестого уровней, — коих было подавляющее большинство и защиту интересов которых возложило на себя Подполье). Но, уж если Подполье решило, по каким-то непонятным Максу до конца причинам, сместить Айна с должности и выдвинуть на освободившееся место его, Макса, и использовать для достижения этой цели интригу, а не убийство, то зачем, спрашивается, подпольщикам было прибегать к убийству уже после того как цель была достигнута? Единственным разумным представлялся Максу тот вывод, что силы, желавшие смерти Айна, и силы, желавшие его смещения, были не одни и те же.

Смирившись с неизбежностью предстоявшего ему очередного разговора на тему: «Айн, его убийство и все, что с ним связано», Макс зашел на минуту в примыкавшее к кабинету небольшое помещение, где располагались туалет и душевая кабинка, освежил лицо у имевшейся там же раковины, на миг уткнулся в пушистое полотенце и, выйдя из комнаты и из кабинета, быстрым шагом направился к лифтам.

Все те десять минут, которые Макс провел в лифте, поднимавшем его с сотого на трехсот-восьмидесятый этаж башни, он тщательно перебирал в памяти события уходившего дня.

День вышел сумасшедший… как, впрочем, и предыдущие два… и особенно день предыдущий (даже не сколько день, сколько вечер предыдущего дня). Утро началось с посещения его кабинета самим директором-комиссаром полиции корпорации; потом — разговор с Айном; потом — Клэр… потом — снова Айн… (одна мысль об этом типе уже вызывала у Макса раздражение). Вышло так, что Макс оказался последним, если не считать его убийцы, с кем Айн контактировал. И снова детектив…

Шеф полиции… С детективом Максу было гораздо приятней иметь дело, нежели с ее начальником, — Рахиль приятно располагала к себе своей ненавязчивостью. При их последнем разговоре, когда Рахиль сообщила ему об убийстве, Максу даже показалось, что детектив была обеспокоена нисколько произошедшим убийством, сколько возможными в связи с тем подозрениями, что могли пасть на него. Рахиль быстро выяснила по маркеру мобильника Макса, что в момент, когда тело убитого было обнаружено группой прохожих, Макс двигался в направлении автомобильной стоянки, в километре от места убийства — вполне надежное алиби. Макс заметил как женщина вздохнула с облегчением, увидев на имевшемся в полицейской машине мониторе проделанный им маршрут от «глухой» зоны, где состоялся их с Айном, теперь уже точно последний, разговор.

— Странное дело, — сказала тогда Рахиль. — Ваш маршрут от входа в парк обрывается вот здесь… — она указала тонким наманикюренным пальчиком на план парка, — и вот здесь… вы снова появляетесь, когда возвращаетесь обратно…

— Айн предупреждал о том, что использовал «глушилку»… — пожал тогда плечами Макс.

Его ответ полностью удовлетворил любопытство детектива. Но после появился шкафоподобный шеф Эмиль и полез к Максу со своими вопросами…

Отделавшись наконец от директора-комиссара, Макс сел в ожидавшую его машину и, напрямую через нейроинтерфейс, вызвал Рину (утром они с Риной обменялись кодами приватного доступа и теперь могли, минуя обычную телефонную сеть, обмениваться мыслями и образами — возможность доступная меньшей части человечества). Он все рассказал Рине — девушке, с которой минувшей ночью был близок впервые — рассказал о том, как стал свидетелем тройного убийства, о разговорах с полицией и даже о встрече с Айном: о том, что Айн просил у него помощи и о том, что согласился ему помочь… Единственное, о чем Макс не сказал тогда Рине, это об истории с Клэр.

Закончив свой рассказ, Макс подождал минуту и добавил:

«Извини… Мне не стоило, наверно, все это тебе рассказывать…» — мысленно произнес он, неверно истолковав молчание Рины.

«Что ты, милый, милый Макс! Не говори так!» — услышал он мысли девушки. — «Прости. Я думала над тем, что ты сказал…»

«Над чем именно, Рина?»

«Ты сказал, что хотел помочь Айну…»

«Да, это так. Я действительно собирался ему помочь».

«Но ведь он намеревался тебя шантажировать…»

«Именно так, милая Рина, намеревался. Но потом он попросил о помощи и я согласился. Не из-за денег... я не стану теперь их брать... а просто потому, что мог помочь…»

«Это… благородный поступок», — сказала тогда Рина. — «Я горда тем, что выбрала тебя, Макс… мой милый Макс…»

«Только намерение…»

«Нет!» — возразила она. — «Поступок! Я, уверена, в последние минуты своей жизни этот человек был совсем другого о тебе мнения. Это важно».

«Что важно?» — не понял Макс.

«Важно то, что этот корыстный человек, известный своими жестокими взглядами хищника… считавший, что все и все продаются и покупаются, и что в конкурентной борьбе допустимы любые средства, что человек не способен и не должен подниматься в этой борьбе выше других животных, что побеждает сильнейший и что человек человеку — всегда враг… важно, что этот человек встретил совершенно иное отношение! Если бы Айн остался жив, он стал бы другим, Макс, я уверенна. И это благодаря тебе».

Макс тогда сильно удивился словам Рины.

«Не думал, что ты так хорошо знаешь Айна…» — сказал он Рине.

«Не лично… Один мой знакомый... друг... знал Айна… Они вместе учились».

Макс не стал расспрашивать Рину о друге, но сердце его съежилось: *«друг? а только ли друг? быть может не только друг, но и…»* Рина не слышала этих его мыслей, но явно что-то почувствовала.

«Друг, просто друг, глупый… Его зовут Баз. Я вас обязательно потом познакомлю!» — Максу передалась эмоция Рины: он представил как она улыбается, как смотрит на него своими большими, озорными зелеными глазами и от груди отлегло. Макс познакомится со всеми, с кем пожелает его познакомить эта, так быстро ставшая ему безмерно дорогой, девушка.

«Но… ведь я не отказался от денег, которые Айн мне предлагал…» — сказал, вернее подумал тогда Макс.

«Нет. И правильно сделал. В противном случае, твое обещание помочь выглядело бы как пустышка или как обман или как глупость… Ты согласился на рисковое дело… В конце концов деньги могли бы понадобиться тебе для подкупа… или откупа…» — заметила Рина. — «Но ведь ты мог и попросту отказать Айну… И не деньгами, и не шантажом, ему удалось тебя упросить… Он наверняка понимал, что деньги для тебя теперь не проблема».

Против слов, вернее мыслей Рины Максу было нечем

возразить. Обещанная Айном сумма была велика, очень велика, но, при желании, Макс мог раздобыть и большую сумму, если бы обстоятельства вынудили его к тому и риск бы того стоил. Макса не удивляла осведомленность Рины, — он не говорил ей о своих делах на черном рынке нелицензионных программ и, тем более о делах с искинами, но, после того как он побывал в ее жилище, после ее признания… он бы не удивился если бы вдруг оказалось, что Рина знает о нем абсолютно все.

«Где ты сейчас?» — спросила она Макса.

«Еду к себе в отдел…» — Макс переслал ей файл местоположения.

«Не заезжай в башню… Припаркуй машину вот здесь… (интерфейс Макса принял отправленный Риной файл) и жди меня…»

Не доезжая до здания корпорации «Линея» каких-то пятьсот метров, машина свернула к соседней башне, принадлежавшей корпорации «Олимпус».

Нижние этажи этого пятисотэтажного здания арендовались множеством мелких фирм и компаний, из тех, что существовали милостью той или иной мировой корпорации (в данном случае — «Олимпус»). Первые четыре этажа представляли собой сплошные торговые центры, выше были клубы, спортзалы, клиника для седьмого и шестого уровней и зоомагазин. Этажи с восьмого и по восемнадцатый занимали паркинги для клиентов с первого по пятый уровень (что до шестого и седьмого, то граждане этих категорий попросту не имели права владеть личным транспортом — для них предназначался общественный). Макс даже не удивился когда его четырехклассный лимузин, распределенный по присланному Риной файлу, оказался на первоклассной стоянке. Под первый класс были выделены восьмой и восемнадцатый этажи — восемнадцатый весь был забронирован для сливок общества имевших отношение к «Олимпус», восьмой был отведен для всех остальных — представителей двенадцати других мировых корпораций и их приближенных. Автомобиль плавно выкатился из лифта на восьмом этаже башни и, оказавшись на широкой, легко позволявшей разъехаться четырем машинам, дороге, окольцовывавшей центральный стержень башни, вывернул на предписанную системой распределения полосу и двинулся по кругу. Высота потолка здесь была около четырех метров. Потолок полностью покрывал экран, изображавший высокое голубое небо с плывущими по нему перистыми и кучевыми облаками. Помещение паркинга представляло собой совершенно круглое поле с круглым стержнем несущей конструкции здания в центре: в любом месте

расстояние от несущего стержня до внешней стены башни было равным диаметру самого стержня. Почти все пространство паркинга было покрыто… травой. Натуральной, по всей видимости, травой, по которой от кольцевой дороги лучами расходились извилистые дорожки, напоминавшие изображаемое древними солнце с завитушками короны. Каждая такая завитушка оканчивалась обособленным пятачком, обсаженным невысоким кустарником так, что получалось, что каждый припаркованный на этом круглом поле автомобиль оказывался стоящим посреди отдельной полянки. Пока машина неспешно описывала полукруг вокруг несущего стержня башни и после, свернув на один из лучиков, катилась до ближайшей полянки, Макс заметил, что машин на паркинге почти не было — он насчитал всего семь. Машина остановилась на полянке-пятачке в пятидесяти метрах от окружавшей стержень здания дороги, Макс вышел из машины и осмотрелся: вокруг не било видно ни души. Стоявший на соседней полянке автомобиль Макс не сразу заметил по причине его цвета и сильно приплюснутой формы: машина имела такие же габариты, как и машина Макса, и такую же каплевидную форму кузова, только была заметно ниже и приземистее — сливавшаяся окружением зеленая крыша едва выглядывала из-за сплошной стены кустарника. Только когда крыша машины приподнялась вверх и стала сдвигаться в сторону, Макс обратил на нее внимание. А потом из машины появилась Рина…

Целый час они занимались любовью в ее машине. Снова и снова их тела сплетались в порывах овладевавшей ими страсти. Как и в прошлый раз, когда они впервые слились воедино в салоне его машины, одиноко стоявшей теперь на соседней стоянке, их одежды были разметены по всему салону, а их тела покрывал липкий горячий пот. Трехместный кожаный диван, на котором они любили друг друга, прилипал к спине Рины, к ягодицам Макса, к бедрам, к животам… Несмотря на исправно работавший в машине кондиционер, было жарко. Трижды, изнеможенные они падали друг на друга и так лежали, тяжело дыша, не в силах больше целовать, лишь шепча слова любви, лишь касаясь пересохшими губами сухих губ, а после, едва придя в себя, из последних сил с неистовством снова набрасывались друг на друга…

— Любимый. — Шептала Рина.

— Любимая. — Отвечал ей Макс.

Выбившись окончательно из сил, они лежали некоторое время в молчании, — безмятежное спокойствие момента поглотило обоих. Лишь ставшие постепенно равномерными дыхания да удары сердец нарушали окутавшую их тишину —

тишину после бури, после урагана, что бушевал в маленьком уютном салоне машины на протяжении последнего часа, центром которого они были. Макс лежал на спине, уставившись в пологий сочно-зеленый, усыпанный множеством голубых, фиолетовых, желтых и белых полевых цветов купол потолка машины. Рина прижалась к нему сбоку, положив голову на его правое плечо и закинув изящную тонкую, согнутую в остром колене ногу на его массивные бедра. Густые черные волосы девушки рассыпались по предплечью Макса, длинные пальцы с выкрашенными белым лаком ноготками неспешно перебирали завитки волос на его груди.

— Знаешь, — произнес тогда Макс, нарушая тишину, — у меня такое чувство, будто вся эта хрень… — он не стал перечислять — …настолько… ничтожна, в сравнении с тем, что мы… в сравнении с нашей… близостью…

— Так и есть, Макс, милый, — ответила Рина. — Так и есть, дорогой мой, рыжий Макс.

— Но все это… Мое повышение, вся эта… история с Айном… с полицией… Все эти, неприятные, в общем, события, о каких вряд ли кому-то захотелось бы потом вспоминать, служат фоном для другого события… События, которого я забывать не хочу и не стану…

— Ты это о нас? — Рина приподнялась, опершись на локоть и, улыбнувшись, заглянула Максу в глаза.

— Да, Рина. Я о нас, — ответил Макс, переведя взгляд с потолка на лицо Рины. — Я счастлив, что у нас все так сложилось… Мне плевать на всех этих полицейских, что лезут ко мне со своими подозрениями, на Подполье…

— Подполье? — спросила Рина. Максу показалось, что Рина нисколько не удивилась, услышав упоминание заклейменной Мировым правительством и СМИ как «террористическая» организации.

— Да, — сказал он, решив, что должен быть до конца честен с Риной. — Во всем этом деле, я имею в виду — мое повышение и историю с Айном... замешано Подполье… Хочу чтобы ты это знала, связываясь со мной… Быть может, и меня скоро… как Айна…

— Не говори так, милый! — зеленые глаза девушки блеснули с возмущением, а не с испугом, что было бы более ожидаемо. — Ничего подобного с тобой не произойдет!

— Откуда ты можешь знать? — с улыбкой спросил тогда Макс и, протянув левую руку (правой он поддерживал ее под спину), отвел назад, заведя за ушко, упавший на глаза Рины черный локон. — Ты, конечно, бесстрашная, почти всемогущая девушка

из первого уровня… Но это Подполье… очень серьезная сила…

— Я не хочу обманывать тебя, — продолжал он. — Я имею за собой грешки, за которые, узнай о них полиция или Бюро расследований, меня вряд ли погладят по голове… Скорее сошлют на дальний север, или вообще на Марс… где я загнусь от каторжной работы, холода и радиации… Я ломал серверы корпораций, писал запрещенные программы… имел дело с искинами… вполне возможно, имевшими отношение к Подполью. Потому меня и выдвинули в управляющие отделом… Причем, без моего ведома… Я и сам пока не знаю, чего от меня хотят…

Макс замолчал, решив, что уже достаточно наговорил, чтобы напугать Рину. Но Рина снова удивила его тем, что сказала в ответ:

— Я все знаю о тебе, милый Макс… Не волнуйся из-за полиции и спецслужб…

— Прямо-таки все? — он не стал скрывать удивления.

— Все, что ты сказал, — улыбнулась Рина, — и даже больше…

— А как насчет Подполья? Тоже не волноваться? — добавил Макс.

— И за Подполье не волнуйся, — ответила Рина и поцеловала Макса в губы, не дав продолжить разговор.

Они были уже не в силах заниматься любовью, в обычном понимании этого выражения, но могли целовать и обнимать друг друга, и потому обнимали и целовали. Они снова, как и до того, когда их тела сливались, когда плоть Макса проникала в плоть Рины, превратились сплетение черно-белого (не отличавшийся белизной тела, сильно смуглый, как цыган или индус, Макс в объятиях чернокожей Рины был бел как снеговик).

— Нам пора возвращаться… — сказала Рина, когда они до конца насладились объятиями. — Тсс… — приложила она указательный палец к губам. — Потом… сегодня вечером мы вернемся к этому разговору… — добавила она, когда Макс хотел было спросить о причинах уверенности Рины в том, что ему не следовало опасаться ни полиции, ни даже Подполья.

Несколько минут ушло у них на то, чтобы привести себя в порядок. Они смеялись, обтираясь влажными салфетками и распутывая собранную по машине одежду. Шутили над тем, что это была уже вторая машина за два дня, в которой они занимались любовью и что на завтра им нужно специально раздобыть третью. Макс спросил Рину: не желает ли она заглянуть в его новую квартиру, в которой, признался Макс, он сам пока так и не побывал. Рина ответила, что и не побывает, «во всяком случае сегодня». А потом — она подумает, — если кровать

Макса окажется также хороша, как и ее огромное ложе, то она не будет против. Тогда Макс пообещал, что завтра же закажет новую, самую большую и удобную, а оставшуюся от прежних жильцов выбросит — тут Макс прибег к древнему фразеологизму — к чертовой матери.

— Я буду ждать тебя, мой милый Макс, — сказала Рина, когда он выходил из машины.

Макс все еще ощущал вкус поцелуев Рины, обонял ароматы ее тела, чувствовал кожей ее прикосновения, когда сигнал зуммера вернул его к реальности из облака окутавших его мыслей и ярких, свежих как вдыхаемый воздух воспоминаний: лифт стоял на последнем этаже башни, двери были открыты.

Макс еще несколько секунд продолжал рассеянно смотреть перед собой, потом, наконец, собравшись с мыслями, встал из противоперегрузочного кресла и вышел из кабины сразу в приемную управляющего директора.

В приемной его встретила секретарь, миловидная девушка с раскосыми глазами азиатки, и сообщила, что госпожа управляющий директор его давно ожидает и, что он может войти. Поблагодарив секретаря, за приглашение, Макс вошел.

В кабинете никого не было.

Макс осмотрелся и сразу заметил, что часть прямоугольных циановых панелей, за одной из которых (ближе к средине стены) находился комбайн-бар, в дальнем конце кабинета отсутствовала. Макс сделал несколько шагов вперед и увидел, что там, где раньше была стена, теперь был проход: панели сложились таким образом, что теперь обрамляли широкий, не менее полутора метров в ширину и двух с половиной — в высоту, проем.

— Макс… это ты? — послышался из примыкавшего к кабинету помещения знакомый голос. — Проходи! Я здесь.

Макс прошел и… встал в проходе.

Перед ним лежало просторное (лишь немногим меньше кабинета) дугообразное помещение с рядами круглых, увенчанных скупыми капителями, колонн вдоль стен: пол и колонны были из мрамора (или из материала его безупречно имитирующего) серых оттенков, стены — розовых и розовато-бежевых, потолок был бело-голубым. Колоннады вдоль левой — внутренней, и правой — внешней стен непрерывно заворачивали по пологой дуге влево. (Верхние сорок этажей круглой как труба башни образовывали каскад постепенно уменьшавшихся в диаметре «шайб», — издали это придавало верхушке башни сходство с усеченным конусом, — последняя «шайба» при этом имела диаметр всего девятнадцать метров, что делало внешнюю

округлость здания изнутри весьма заметной.) Справа, сквозь заполнявшие высокие, в человеческий рост, стрельчатые арки витражи в помещение проникали окрашенные разноцветными стеклами лучи вечернего солнца: пять узких арок гармонично вписывались в колоннаду из шести мраморных колонн, толщина которых, как и ширина окон-арок составляла не более полуметра.

— Ангелика… — только и смог выговорить Макс.

Ангелика, полностью нагая, смотрела на него из исходившего слабым паром небольшого овального бассейна с прозрачной голубой водой.

Бассейн лежал против второго, третьего и четвертого окон. Его вытянутая овальная форма как нельзя лучше вписывалась в пространство изогнутого помещения. Чаша бассейна была устроена таким образом, чтобы войти в воду можно было с двух наиболее удаленных друг от друга краев, где для этого имелись широкие, удобные также для сидения и лежания, ступени на римский манер. Проникавшие сквозь витражи солнечные лучи, падая, оставляли повсюду яркие цветные пятна. На стенах и на мраморном полу; на колоннах напротив; на едва заметно колыхавшейся поверхности воды; на лице, плечах, на едва касавшихся воды маленьких, с торчавшими беззастенчиво вперед коричневыми сосками, грудях Ангелики… — повсюду лежали солнечные зайчики.

— Ну, что же ты там встал, Макс? Входи…

Макс вошел.

Остановившись в метре от края бассейна, он осмотрелся: слева, меж колонн, Макс заметил еще два прохода: один был ближе к стене, за которой располагался кабинет, сквозь проход была видна часть освещенного приглушенным желтым светом помещения; второй находился меж двумя дальними колоннами и вел, по всей видимости, в туалетную комнату.

— Что такое, Макс? — тонкие губы женщины тронула довольная улыбка. — Я тебя смущаю своим…

Она опустила глаза вниз: сквозь прозрачную воду — она об этом хорошо знала — Максу были отчетливо видны ее сведенные вместе острые колени и подтянутый плоский живот с аккуратной полоской завивающихся черных волос в самом низу, — Ангелика сидела на широкой ступени уходившей под воду до самого дна лестницы, в дальнем от входа конце бассейна.

— …видом? — она снова взглянула на Макса своими большими, подернутыми легкой поволокой глазами болотного цвета, быстро хлопнув несколько раз подряд пушистыми ресницами.

— Что вы… нет, конечно…

— Но ты совсем не смотришь на меня… Стоишь и рассматриваешь колонны… Тебе нравятся колонны, Макс?

— Неплохо… — ответил Макс. — Довольно необычно… — он еще раз обвел глазами помещение: только бы не смотреть на ее груди… — Мрамор, колонны… Будто попал в древний Рим… Фригидарий — так в римских термах назывались похожие помещения, — заметил он. — Только, там вода в бассейнах была прохладная, а здесь… — Макс перевел взгляд на исходившую паром купальню, по-прежнему избегая рассматривать обнаженную Ангелику.

— …теплая… почти горячая, — Ангелика повела вокруг тонкими руками, вызвав разошедшиеся по воде слабые волны. — Такие теплые бассейны иногда устраивались в кальдариях — более жарких, чем это, помещениях.

— Похоже вы интересуетесь древней историей… — заметил Макс, посмотрев на лицо женщины… Стараясь смотреть на лицо — только на лицо…

— Не меньше твоего, — она снова улыбнулась.

— Вам и это известно…

— Знать своих подчиненных — обязанность всякого хорошего управляющего… — она слегка пожала худыми, немного угловатыми плечами.

— Возьму это на заметку, — сказал Макс без тени иронии.

— И все-таки, ты смущен, Макс, признайся, — она тепло улыбнулась, — ведь я тебя смущаю?

— Скорее, удивляете, Ангелика, — ответил Макс. — И… — он помедлил — …восхищаете… — он снова посмотрел в глаза женщины.

— Вот как… — Ангелика заломила тонкую бровь — при этом ее улыбка стала теплее. — Чем же я тебя удивляю и восхищаю?

— Ваш возраст… — Макс продолжал смотреть на Ангелику, ожидая, что теплую улыбку сменит возмущение его бестактным началом, но ее лицо ничуть не изменилось, и тогда он продолжил: — Многие женщины в вашем возрасте стараются выглядеть лучше… моложе, красивее… И у некоторых получается — они выглядят моложе и привлекательнее сверстниц… Но вы… не стремясь, это вполне очевидно, обмануть окружающих относительно вашего возраста… вы выглядите великолепно.

Сказанное Максом произвело впечатление: с минуту Ангелика молча смотрела на него, — Макс больше не отводил взгляда, — после чего сказала:

— А ты искусный льстец, Макс… — ее улыбка не утратила ни капли прежней теплоты и расположения.

— Вовсе нет, — спокойно возразил Макс, — я лишь сказал то,

что думаю… Никогда не любил лести и льстецов.

— Что ж… Если так, то, похоже, ты действительно лучше своего предшественника и я в тебе не ошиблась…

— Хочу надеяться, что это так, — сказал Макс. — Буду стараться соответствовать…

— Конечно будешь… Куда тебе деваться? — снова захлопала длинными ресницами Ангелика и, скользнув со ступени, вытянула вперед и развела в стороны тонкие, но явно не слабые руки, одновременно оттолкнувшись ногами от нижней ступени и оказавшись тут же в середине бассейна, вызвав при этом маленький шторм.

Ангелика стала на ноги в центральной, наиболее глубокой части бассейна, — вода едва скрывала ее плечи, — и пристально взглянула в глаза Макса, продолжавшего стоять в растерянности на прежнем месте подобно памятнику.

— Хочешь искупаться, Макс? — большие и круглые, в опушении длинных черных ресниц глаза женщины — казавшиеся теперь Максу светло-коричневыми — смотрели на него снизу вверх. — Присоединяйся!

Макс не заметил в какой момент образ могущественного управляющего директора одной из ведущих мировых компаний рассеялся, подобно поднимавшейся над водой дымке, сменившись — не образом, нет — естественной женственностью. Скорее всего, это изменение произошло еще до его появления, и лишь он сам, по привычке продолжал отождествлять стоявшую перед ним нагую женщину с ее уровнем и занимаемой должностью. Перед Максом стояла женщина — просто женщина, — довольно высокая, около ста-восьмидесяти сантиметров ростом; ее худоба была прилична скорее юной девушке, нежели женщине, которой не так давно исполнился пятьдесят один год, — тоже можно было сказать и о ее аккуратных грудях; Макс не знал, касались ли лица Ангелики манипуляторы пластического хирурга, но он не дал бы ей больше тридцати пяти, если бы Ангелика скрывала свой возраст. Вдруг до Макса дошло — будь Ангелика чернокожей и сантиметров на десять ниже, а ее груди на пару размеров больше, ее фигура оказалась бы, если и не точной копией, то, во всяком случае, весьма схожей с фигурой Рины.

— Одежду можешь оставить там… — добавила Ангелика и указала вытянутым пальцем в сторону от Макса.

Макс на миг обернулся: позади, вдоль граничившей с кабинетом стены стояла деревянная скамья, на которой лежало небрежно брошенное серое платье.

— Прошу меня извинить, Ангелика… — сказал тогда Макс, —

но я не могу… Думаю, это плохая идея…

— В чем дело, Макс? Разве я… — Ангелика коснулась кончиками больших и указательных пальцев твердых сосков — … тебе не нравлюсь?

Она плавно развела руки в стороны и оказалась возле ступеней.

— …Или, может быть, ты меня… боишься?

Она сделала шаг, другой, и вот уже потоки воды стекали с ее плеч, меж торчавших с вызовом грудей, вдоль тонкой талии… Еще шаг, и над водой показалась черная полоска аккуратно подстриженных волос — на миг несколько запутавшихся в завитушках капель блеснули в солнечном луче.

— Признайся, Макс, ты ведь хочешь, желаешь меня… Я заметила как ты смотрел на меня тогда… два дня назад…

Еще шаг, и вот она стоит перед Максом. Обнаженная. Светлая с легким загаром кожа покрыта пупырышками и каплями воды.

— Желать такую женщину как вы, Ангелика — нормально. Было бы странным вас не желать… Во всяком случае, мне так кажется…

Макс стоял прямо, опустив руки и глядя в лицо стоявшей перед ним.

— Тогда я тебя не понимаю, Макс… — сказала она без раздражения — скорее даже с едва заметной грустью.

— Я люблю другую, — сказал Макс, решив: будь что будет.

Он еще не успел привыкнуть к роли управляющего (он даже еще не бывал в своей новой квартире), и если сейчас эта оскорбленная его отказом женщина скажет ему, что он больше не начальник отдела, или даже что теперь он вообще безработный, он не станет сожалеть, что не запрыгнул тотчас в бассейн, едва только она ему это предложила.

— Ты говоришь о той девочке из первого уровня, что прикидывается будто она из пятого… о Рине? — улыбнулась Ангелика.

Вместо того чтобы удивиться, макс лишь в очередной раз за тот день сухо заметил про себя, что его уже ничто не удивляет. Не медля он ответил утвердительно:

— Да. Я говорю о Рине. Я не могу… прошу простить меня за…

— Прощаю.

Глаза Ангелики смотрели на Макса со странной нежностью: в ее взгляде сочетались теплота и слабый укор.

— Ты действительно лучше своего предшественника, — снова сказала она. — Айн был напрочь лишен твоего благородства.

Макс молчал — ему было нечего ответить.

Едва уловимым движением Ангелика приблизилась к нему на шаг и, встав на цыпочки, чмокнула его в лоб влажными губами.

— Иди уже к своей Рине… — на этот раз ее улыбка вышла грустной.

ГЛАВА 12

год 1619-й Новой Эры, Земля, Полис

Дан открыл глаза и тревожно заозирался по сторонам, — обычное дело: выходя из игры, требуется некоторое время чтобы привыкнуть к реалу с его нормальной системой координат. Он сидел полулежа в глубоком кресле в кафе для любителей игр, посещение которого было вполне в рамках его легенды и не должно было ни у кого вызывать подозрений. Можно было выйти в Сеть из дома, — что он и делал когда хотел просто поиграть или повиртуалить, — но идущий из корпоративной квартиры трафик периодически отслеживался, и Дан об этом знал; выходить же из общественных мест было не в его стиле, — Дан, конечно, любил поиграть (тут легенда была не такой уж и легендой), но он не был конченым игроманом из тех, кого подчас можно было видеть развалившимися с тупыми лицами где-нибудь в сквере на лавке, в трамвае или в троллейбусе, мотающими головами и пускающими слюни. В посещении этого и подобных кафе не было ничего странного, — в таких местах собирались по интересам, знакомились, что-то обсуждали, — и потому, когда возникала необходимость связаться с Куратором, Дан заходил в одно из таких кафе-клубов. Он взламывал заранее выбранный им игровой ресурс и отправлял «приглашение поиграть» на адрес, последние несколько цифр которого менялись каждый раз в известной ему последовательности.

Посетителей в кафе было не много — середина дня — время когда многие еще на работе — лишь несколько малолетних бездельников пускали слюни в креслах по соседству. Дан брезгливо взглянул на вздрагивавшего в соседнем кресле доходягу с идиотской рожей, которому явно не помешало бы сменить штаны (для желавших потрахаться в кафе имелись отдельные кабинки, где можно было надеть специально для этого выдававшиеся одноразовые хлопчатобумажные трусы). Формально Дан был еще на работе — он лишь отлучился по поручению, которого на самом деле не было, но… отдел, в котором он работал под прикрытием, был не мал, — под сотню человек ежедневно собирались в занимавшем несколько этажей башни отделе, — а за дисциплиной следили все же люди, а не искины… К тому же, частые отлучки были обычным делом для Дана, которого, как программиста-техника, периодически посылали в другие отделы, налаживать то, что не налаживалось дистанционно. Дан был бы плохим программистом, и уж совсем

никудышным агентом, не смоги он устроить себе отлучку по столь важному делу…

Макс, конечно, парень неглупый — во всяком случае, смог же он столько водить за нос Бюро расследований, полицию, ГОАП и еще черт знает кого… даже искина своего сумел создать… — но и Дан был не так прост, каким казался. Ему было известно о разговорах Макса с Ангеликой, с полицейскими, с Айном, с искином Клэр… даже о том, что рыжему гению вчера удалось забраться в трусы к этой девке… к Рине… внезапно оказавшейся дочкой какого-то крупного боса из числа «первых» — а ведь он давно подозревал, что что-то с ней было не так… Тогда, в автобусе, и потом, на следующий день, в лифте, Дан оставлял на одежде Макса подслушивающие устройства. Выдаваемые агентам под строгую отчетность, сделанные из дорогостоящих материалов (пара таких «жучков» стоили как неплохой автомобиль), эти микромашинки могли работать не более суток, в лучшем случае, после чего распадались в прах, не оставляя следов. Последний «жучек» перестал работать как раз после того как Макс прослушал оставленное искином послание и отправился на встречу с Айном. Дану вдвойне повезло: искин назвала место встречи и место это оказалось в Полисе. У него оставалось в запасе время для того чтобы улизнуть с работы и по пути заглянуть на расположенную неподалеку от башни «Линеи» стоянку, где его ждала служебная машина, в салоне которой имелся маленький арсенал — все необходимое для проведения спецопераций по проникновению, слежке и ликвидации. Далее отследить местоположение Макса по мобильнику не составило труда — уж если полицейским отдельных корпораций был открыт доступ к локации всякого, за кем стражи порядка вздумают следить, то, что говорить о Бюро расследований при Мировом Корпоративном Правительстве…

Выбравшись из кресла, Дан посетил туалет и вышел из кафе в летний день.

Идя по улице, он вызвал в нейроинтерфейсе командную строку в которую вписал простой десятизначный код. Машина ждала его там, где он ее и оставил — в сотне метров от кафе. Когда он подошел к неприметному серому автомобилю, приоритет которого, не смотря на скромный внешний вид, мог изменяться от шестого до второго уровней по желанию пассажира, машина опознала его уже не как Дана (личный номер: 57864-11382-M01-6A), инженера-программиста компании «Линея-10», а как Карла (личный номер: 83941-2191-M01-4H), комиссара ГОАП (Гильдии охраны авторских прав) с четвертым уровнем. Дверь машины открылась и Дан-Карл не глядя полез

внутрь тесноватого для такого здоровяка как он салона. После яркого солнечного света он не сразу заметил, что в прохладном сумраке нутра машины он оказался не один.

— Привет, Дан! — в глубине прямоугольного салона, спиной в направлении движения и лицом к усевшемуся на диван Дану, на таком же диване напротив сидел абсолютно лысый мужчина в знакомом костюме. Лица его Дан не смог рассмотреть сразу, но этого и не требовалось — Дан узнал говорившего по голосу.

— Иль? Как, черт возьми, ты здесь оказ…

— Брось, Дан… — холодно перебил его Иль. — Не делай глупостей. Ты не успеешь…

У Дана наконец стало проясняться в глазах и первым, что он смог ясно рассмотреть, был направленный на него пистолет, который Иль держал в руке.

Дверь машины плавно закрывалась и Дан понимал: это конец — как только дверь встанет на место, пистолет в руке сидящего напротив человека выстрелит.

— Иль! Дружище… — нервно заулыбался здоровяк.

— Заткнись, — Иль снова его оборвал. — Ты знаешь зачем я здесь.

— Но… Послушай… — глаза Дана бегали по салону, ища малейшую зацепку — выход из западни, в которую он так глупо угодил. Выхода не было. Дверь машины уже закрылась.

— Ты даже не предатель, Дан… или как там тебя… Ты — враг Организации. И ты знаешь, как мы поступаем с нашими врагами.

— Тогда чего медлишь?! — внезапно изменив тон, агент Бюро посмотрел на подпольщика совсем другим, незнакомым ранее тому взглядом.

— Назови себя. И расскажи все о своем задании, — предложил Иль. — Дергаться, повторяю, не нужно. Бортовой компьютер машины под моим контролем. Ни одна твоя штучка здесь не сработает… — при этих словах Иль извлек левой рукой (в правой он держал направленный прямо в лицо Дана пистолет) из кармана брюк небольшое устройство, похожее старинную монету, посреди которого слабо светился голубой индикатор. Дан узнал устройство: в руке Иля лежала глушилка из тех, что использовали в Бюро. Ничто в радиусе семи—восьми метров вокруг этой штуки, ни один из известных приемопередатчиков, ни один «жучек», не говоря уже о простых мобильниках, не работало как надо — устройство глушило все, вплоть до нейроинтерфейсов. При особом режиме устройство было способно превратить бортовой компьютер машины в металлолом, а нейросети в головах Иля и Дана в пучки бесполезной проволоки.

— Я офицер. Я служу человечеству. Это все, что тебе можно знать… Иль…

— Ты дерьмо. И ты служишь не человечеству, а засевшим в правительстве главам корпораций. Ты охраняешь установленный денежными мешками режим подобно псу, стерегущему собственность своего хозяина. Вот ты кто, Дан… или как там тебя… — сказал Иль с презрением и нажал на курок.

ГЛАВА 13

год 1619-й Новой Эры, Земля, Трансатлантический экспресс

Поезд слабо покачивало. Вверху, в четырех километрах над беззвучно летящим по трубе-тоннелю вакуумным поездом, стоял жаркий летний день и легкий ветер гнал по поверхности Атлантики слабые волны. Но здесь, внизу, за окнами — сплошная чернота (тянувшаяся по дну океана вакуумная труба была полностью непрозрачна на протяжении всех подводных перегонов). Транзитный поезд «Полис — Лондон» уже миновал Азорскую развилку — транспортный узел, где в подводной громаде вокзала Понта-Делгада сходились поезда десятков линий из четырех материков и множества островов — и приближался к Британскому архипелагу.

Макс сидел прикрыв глаза и откинувшись в кресле. Его правая рука лежала на бедре Рины, поверх ее узкой ладони; их пальцы сплелись чередуясь; легким, едва уловимым движением он поглаживал ребро ладони дремавшей у него на плече девушки. Макс старался сидеть смирно, чтобы не потревожить чуткого сна возлюбленной, — прошедшей ночью они снова почти не спали, — пальцы ее правой руки слабо подрагивали, едва сжимая предплечье Макса. Слева от Макса сидела Клэр. Закинув ногу на ногу она с интересом изучала какой-то журнал в интерактивном листке. Желая в очередной раз убедиться в том, что его глаза и рассудок его не подводят, Макс украдкой поглядывал на Клэр, когда та не замечала, — так чтобы девушка-искин не истолковала эти взгляды своего… (*отца? создателя?* — Макс затруднялся дать точный ответ на этот вопрос) …друга… (*ведь и тот и другой может быть другом* — сказал себе создатель и отец Клэр) …как-то иначе. Для Макса существовала только одна женщина во всем мире, которую он желал, которую любил и которую ни за что бы не оскорбил, предпочтя ей другую, пусть даже та и оказалась бы ее красивее и милее… впрочем, он и не думал сравнивать этих двоих, дорогих ему (каждая — по своему), женщин. Клэр не была Максу безразлична, как не бывают безразличны друзья, близкие и родные люди. И, в конце концов, ведь это именно он, Макс, дал ей жизнь, стал причиной начала ее существования, стал первым, чье лицо увидел созданный им искин, ставший впоследствии Клэр.

Максу приходилось встречать искинов на базе имитирующих тело человека носителей. Одному он даже жал руку — рука как рука, на первый взгляд… но было в этом рукопожатии что-то…

неуловимо фальшивое… что-то ненастоящее. Даже рукопожатие его нового подчиненного, Леона, из двух рук которого именно правая (та, которую Леон обычно протягивал при встрече) была ненастоящей, было рукопожатием человека, а не машины… Фактически носители искинов были искусно выполненными манекенами для удобства коммуникации компьютерного разума и человека. Но иначе обстояло дело с Клэр. Ее тело было… совершенным. В том смысле, что Клэр была абсолютно естественна… хотя… и в другом смысле тоже — Клэр (по мнению ее создателя, бывшего автором этого, и нескольких других, отвергнутых искином образов) была настоящей красавицей.

Взглянув украдкой на увлеченную журналом Клэр, Макс снова закрыл глаза и, уже в который раз, стал перебирать в памяти события последних дней. Макс вспомнил тот вечер, когда он, после вызова к управляющему директору, все еще не уверенный в том, что назавтра не окажется смещенным с должности, отправился к Рине…

Казалось, что после всего произошедшего с ним в те дни, уже ничто не могло его удивить или, тем более, привести в полное замешательство. Из рядового программиста Макс стал управляющим отделом; перескочил с пятого, присвоенного ему от рождения, уровня на четвертый; стал свидетелем в деле полиции о тройном убийстве; узнал о том, что каким-то образом оказался замешан в дела Подполья; несмотря на риск, согласился помочь опальному Айну, но… не прошло и двадцати минут, узнал, что тот убит. И на фоне всех этих событий, начало романа с Рин, оказавшейся вовсе не той, за кого она себя выдавала… И та сцена с Ангеликой, у бассейна… Чему еще Максу оставалось тогда удивляться? Но, как оказалось, Макс сильно ошибался в своей уверенности. Удивляться было чему…

Когда двери лифта открылись, и собиравшийся уже было шагнуть вперед из кабины Макс взглянул на встречавших его Рину и Клэр, он так и остался стоять вытаращив глаза и открыв рот.

Он узнал ее сразу. Еще бы не узнать! Рядом с Риной стояла знакомая бледная рыжая худышка с круглыми серыми глазищами — в этом образе Клэр являлась ему последние полгода и иного, Макс это точно знал, от нее ожидать уже не приходилось, — созданный им же самим образ был прописан в сознании искина. С ним Клэр себя идентифицировала подобно тому, как Макс идентифицировал себя с собственным отражением в зеркале.

— Привет, Макс! — хором сказали обе девушки и прыснули

от смеха.

— К-клэр? — только и выговорил тогда Макс.

Рядом с точеной эбеновой фигуркой Рины белокожая Клэр смотрелась грацией из того скульптурного трио, что вчера так не к месту и не ко времени пленило воображение Макса, когда он оказался на месте тройного убийства. От ожившей пластиковой статуи девушку отличали прямые до плеч огненно-рыжие, почти красные волосы и живые светло-серые глаза, своей округлостью, в сочетании с коротким прямым носиком, делавшие ее странным образом немного похожей на сову.

— Что, и будешь так стоять, Макс? — улыбнулась ему тогда Рина.

— Давай уже проходи, папаша! — хохотнула Клэр.

Начинавший приходить в себя после очередного потрясения Макс вышел из кабины.

— Вижу, вам обеим есть, о чем мне рассказать… — сказал тогда он, переводя взгляд с Рины на Клэр и с Клэр на Рину.

— Да, есть… — ответила Рина. — Но вначале… хочу чтобы ты знал, Макс: все, что было и есть между нами… между тобой и мной… все это по-настоящему… — говоря это, Рина смотрела ему в глаза и Макс видел, что она взволнована. — Я не хотела начинать этот разговор без Клэр… — обе девушки переглянулись — …и по этой причине отложила его на вечер…

— Ты тоже связана с Подпольем, — сказал тогда Макс. — Это я уже понял, Рин… — он шагнул к ней и взял ее за руку. — Я догадывался…

Рина в ответ лишь улыбнулась.

— Клэр… — он посмотрел на стоявшую рядом девушку. — Позволь… — он протянул руку. Клэр подала ему теплую ладонь. — Поразительно… Этот носитель… — Макс окинул девушку взглядом — …он же, наверно стоит кучу денег! Я никогда еще не видел таких… носителей…

— Это не носитель, Макс, — ответила Клэр. — Я теперь настоящая.

— Ты хочешь сказать…

— Она хочет сказать, — вступила Рина, — что перед тобой не носитель, в привычном понимании… Клэр теперь настоящая живая девушка.

Макс, державший за руки обеих девушек, отпустил руку Рины и принялся ощупывать плечи Клэр, чем явно привел ту в смущение.

— Невероятно… — приговаривал он. — Живая… Невероятно… Но, как… как такое возможно, Рин? — он взглянул на стоявшую слева от Клэр Рину. — Какая-то новая технология?

— Можно сказать и так… — ответила Рина. — Тело Клэр почти такое же, как и наши с тобой тела, только более… совершенное… — осторожно подобрала она подходящее слово. — Клэр — искин, и, в отличие от нас с тобой, она может перемещаться из него в другие носители.

— Но…

— Ты хочешь знать, что это за технология и откуда она? — улыбнулась Рина.

— Да.

— Позже ты узнаешь. Обещаю, — ладонь Рины нежно коснулась щеки Макса, при этом Клэр деликатно высвободилась из рук Макса. — Но, мне кажется, на сегодня с тебя достаточно потрясений…

— И… как давно?..

Ему ответила Клэр:

— Месяц… — она пожала узкими плечиками.

Только теперь Макс обратил внимание на то, что на Клэр было то самое короткое сиреневое платье в белый горошек, в котором она была на видеозаписи.

— И… все это время ты живешь здесь… у Рины?

— Ну… Большую часть времени…

Макс вспомнил прошлую ночь: у него тогда не было даже мысли о том, что в квартире мог быть кто-то еще кроме них двоих — ни он, ни Рина нисколько не сдерживали себя абсолютно ни в чем — теперь же, после слов Клэр, Макс почувствовал себя неловко. На всякий случай он все же уточнил:

— А… как же вчера?..

— А вчера я гостила у Иля… — на мимичном лице девушки-искина промелькнула едва заметная довольная улыбочка.

— Что, и он тоже?..

— Да, Макс, — сказала тогда Рина. — И не один он…

Они провели тот вечер втроем. Они не стали никуда отправляться, а остались дома у Рины. Им предстоял долгий, до глубокой ночи, разговор.

На следующий день Макс отправился на работу вместе с Риной. Поначалу она упиралась, ссылалась на элементарную конспирацию: нельзя вот так афишировать их с Максом связь. Тогда Макс рассказал ей о вчерашнем разговоре с Ангеликой, — не скрывая пикантных обстоятельств разговора, — о том, что Ангелике уже известно об их с Рин отношениях, как и о том, что Рин — из «первых». Такая осведомленность управляющего директора обеспокоила Рину, но она все же согласилась ехать вместе — прятаться не было смысла. Макс тогда заметил: Рине было приятно слышать о том, что именно чувствами к ней он

оправдывал свой отказ Ангелике. Также он заметил и взгляд одобрения присутствовавшей при разговоре Клэр в момент когда он скромно упомянул о том как устоял перед соблазном. Когда они уходили, Клэр осталась в квартире Рины (о том чтобы предлагать ей переселиться в новую квартиру Макс даже не думал).

То был первый, после его назначения на должность, день, когда Макс был занят работой. В тот день никого не убили и не случилось никаких происшествий; Макса больше не беспокоили детективы, и даже Ангелика, в кабинете которой Макс бывал по делу, уже не стреляла глазами, не тянулась, не изгибалась перед ним, не звала в бассейн. Вечером того дня они с Риной и Клэр встретились с Илем. Рина заранее предупредила его: Иль не знает, что Клэр — искин. Встреча состоялась в неприметном кафе на бывшей окраине Старого Полиса, куда свободно пускали посетителей всех уровней (другое дело — далеко не каждому посетителю заведение это было по карману). Иль был рад видеть Макса в числе товарищей, но еще более, как заметил тогда Макс, Иль обрадовался встрече с Клэр, с которой, как Макс уже догадывался, Иля связывали не одни только товарищеские отношения. Весь вечер Макс старательно изображал будто он едва знаком с Клэр, а та, в свою очередь, ему подыгрывала с профессионализмом настоящей актрисы.

Как позже выяснилось, увлечение Клэр Илем началось совсем недавно — всего несколько дней тому — и для девушки-искина было скорее новым опытом, нежели чем-то, что можно было бы называть серьезными отношениями. Так… легкий роман-эксперимент. Но для Иля, этого Макс не мог не заметить, похоже, все обстояло совсем по-иному. Макс не смог тогда оставаться безучастным, и после, в разговоре с глазу на глаз, высказал Клэр свое неодобрение: нельзя играть с чувствами людей вот так… нельзя оставлять места неопределенности, давать надежду тогда, когда с самого начала не придаешь значения происходящему… нельзя обнадеживать того, кому наперед не даешь шансов… Клэр тогда отнеслась к словам Макса со всей серьезностью и обещала поговорить с Илем. Единственное, чего она делать не собиралась — это раскрывать свою тайну. «Слишком велик риск, Макс… Я не могу довериться никому… даже в Подполье… Корпорации пойдут на все, чтобы захватить меня. Я для них — ключ, доступ к революционной технологии сборки…» — сказала Клэр.

На следующий день, вечером состоялась еще одна встреча. В этот раз к компании Макса, Рины и Клэр присоединилась… детектив Рахиль.

Макс бы не удивился, если бы к ним тогда присоединился гамадрилообразный Дан, упоминание им которого, почему-то, вызвало накануне неприязненный холодок в глазах Иля: *«видать этот волосатый балбес совсем достал приятеля «вампира» своими шуточками»*, — решил тогда про себя Макс. Рине, похоже, этот тип тоже не особо импонировал, впрочем как и самому Максу. Рахиль же, несмотря на ее причастность к «полицейской банде», — как без посторонних называл стражей корпоративного порядка Макс, — наоборот, в отличие от своего начальника, располагала к себе приятной внешностью и мягкостью в общении. Максу казалось странным, что эта симпатичная женщина, очевидно несклонная к требуемой от полицейского жесткости, а порой даже жестокости, выбрала для себя карьеру детектива. И каково было его удивление, когда на встречу (с Рахилью они встретились в парке развлечений, в одном из новых районов Полиса) явилась та самая миловидная блондинка, знакомство Макса с которой уже состоялось два дня назад!

— Рахиль? Это вы?..

— Да, Макс, это я, — улыбнулась Рахиль, подавая руку. — Ваши глаза вас не обманывают.

Макс тогда впервые заметил, что улыбаясь она немного морщила курносый носик, что в сочетании с немного зауженными по-азиатски глазами, придавало ее лицу некоторое сходство с лисьей мордочкой.

— А ваш шеф… — Макс пожал ладонь Рахили. — Он тоже?..

— Нет, что вы… — совсем по-девичьи замотала она головой, продолжая строить лисью мордаху. — Эмиль — настоящий служака и патриот корпорации.

В тот вечер к их компании не присоединился Иль. Не то, чтобы ему не доверяли, но о том, что Рахиль входила в состав организации, знали немногие, — только руководящее звено ячейки плюс еще несколько человек, в числе которых была и Рин, — Илю же, пусть и принадлежавшему к боевому активу ячейки, знать о Рахили было необязательно. Свои люди в полиции были в Подполье на особом счету: тайна личности таких товарищей имела соответствующий приоритет. Тогда же Макс узнал и о некоторых подробностях последнего служебного задания Рахили — особым распоряжением директора-комиссара корпоративной полиции детектив Рахиль была обязана стать любовницей неблагонадежного управляющего… Из немногих оброненных Рахилью тем вечером в адрес Айна слов Макс заключил, что она глубоко презирала этого человека. Было видно, как непросто далось ей то задание. Максу давно было известно о том, что служба в полиции порой обязывает служащих идти, при

необходимости, на *нестандартные* поступки. Но он никогда еще не задумывался, до того самого момента, когда увидел отвращение на лице сидевшей перед ним красивой, полной жизни и энергии женщины, *насколько нестандартны* эти поступки могут быть и насколько поглощает при этом такая служба самих служащих; как насилует их эта служба, как ломает, как превращает их в расходный материал — в разновидность пушечного мяса. Макс тогда сдержал захлестнувшие его эмоции, постарался увести разговор в сторону. У него получилось и вскоре все три его спутницы заливались звонким смехом, позабыв о событиях последних дней. До конца вечера никто больше не вспоминал про Айна и про корпорацию, а ночью, когда они с Риной изможденные лежали на влажных простынях, глядя сквозь прозрачную крышу на звезды, и непринужденно говорили обо всем на свете, когда их разговор зашел о минувшем вечере, Макс сказал Рине:

— Ты ведь знаешь: я несколько лет занимался тем, что создавал программы, которые наносили ущерб корпорациям, попирали авторское право, помогали обойти рекламу… — Макс лежал на спине, заложив левую ладонь под голову; пальцы его правой лежали на внутренней стороне бедра Рины, так, что ребро ладони упиралось во влажный пах рядом с источавшей жар вагиной. — Моя последняя работа рекламу и вовсе отключает… правда, действует она только при наличии полноценной нейросети… имеющим один лишь базовый чип пролам я ничем помочь не могу…

— Конечно знаю, милый, — Рина повернулась на бок и влажно чмокнула Макса в висок.

— Сегодня, когда Рахиль сказала о том, что служба обязала ее спать с ним… я подумал: а ведь это все — мышиная возня… все эти программки — жалкие потуги сделать наше существование чуточку комфортнее, не более того. Ну, избавился от рекламы, ну, помог избавиться желающим… ну, потряс карманы некоторых толстосумов… увел где-то информацию… Но ведь все это мышиная возня! — Макс повернул лицо к Рине.

— Мышиная возня, — немного помолчав, повторил он. — Мы все рабы корпораций. Наш мир ими полностью контролируется. Все эти разделения на уровни… Корпорации позволяют паразитировать на тех, кто трудится: одним — чуть больше, другим — чуть меньше… Но все эти разделения… По сути, есть два класса. Один класс — это седьмой и шестой уровни, другой — с пятого по первый. Вся моя… гм… помощь… все мои программки, по большей части, доступны лишь тем, у кого есть нейросеть — в основном, представителям пятого и четвертого

уровней: инженерам, программистам, врачам, научным работникам — когнитарам… ну, еще полицейским. В общем — меньшинству, довольному положением вещей, стремящемуся повысить личный уровень с пятого на четвертый и с четвертого на третий… о втором мало кто мечтает… Мало кто из них не считает корпорации личным врагом. Седьмые и шестые, разве что, могут, с помощью моих программ, получить доступ к книгам, на чтение которых у них обычно нет времени, или к музыке и фильмам, пользы от которых… — Макс смотрел на Рину погрустневшими глазами.

— Теперь все изменится, — сказала она и снова поцеловала его. На этот раз влажные губы коснулись лба Макса.

— Я не хочу больше писать свои программы, — сказал он. — От них нет проку — они лишь смазывают цепи кучки привилегированных рабов, делают ношение этих цепей более комфортным…

— А ты хотел бы разорвать сами цепи? — спросила тогда Рина.

— Да, — не раздумывая ответил ей Макс. — Но я не знаю как! Программками здесь не обойтись…

— Одними программками, конечно, нет… Для этого нужна организация…

— Ты говоришь о Подполье? Но, что сможет Подполье против армии полицейских, против спецслужб, против спецподразделений, против внутрикорпоративных войск?

— Ты еще многого не знаешь, милый Макс, — ответила ему Рина и нежно коснулась ладонью его щеки. — Подполье — только верхушка айсберга… — внешняя организация, оболочка… В Мировом Правительстве знают… и это закрытая для СМИ информация… что в Подполье сегодня состоят сотни миллионов пролов и сотни тысяч когнитаров. Завтра Подполье станет знаменем для миллиардов! — Большие зеленые глаза Рины были полны уверенности, когда она говорила все это Максу. Она говорила не как фанатик, верующий в грядущее царство света и добра, а как человек причастный, как та, кто знает, о чем говорит. — Очень скоро, — продолжала она, — мы ударим по цепям, что сковали наш мир, и тогда многое изменится… Это произойдет очень скоро, Макс… очень скоро…

— Опять ты не договариваешь, Рин… — сказал тогда Макс.

— Милый Макс, я говорю, что мне позволено говорить… — ответила ему Рина — …и даже немножко больше… Ты *уже* знаешь больше некоторых проверенных и верных товарищей…

— И когда же мне, наконец, расскажут — для чего я нужен организации? — не отступался Макс.

— Макс! — Рина приподняла голову от подушки и, опершись на локоть, заглянула в глаза Макса: взгляд ее был полон решительности. — Как бы там ни было вначале… да, ты действительно понадобился организации… но теперь… ты нужен мне! Всегда помни об этом! — она склонилась к его лицу, при этом россыпь смоляно-черных волос на долгий миг поцелуя шатром закрыла от его взора все, что было вокруг.

— И ты мне нужна, милая Рин, — сказал ей тогда Макс.

С минуту они лежали в молчании и смотрели глаза в глаза, потом Рина, будто опомнившись от забытья, вернулась к прерванному разговору и ответила на заданный перед тем Максом вопрос:

— Завтра… хотя нет, уже сегодня… — поправилась она, взглянув вверх: небо на востоке уже стало заметно светлее, — до рассвета оставалось совсем немного — …я познакомлю тебя с Александром и Ивори…

— Александр? — Макс вспомнил, что уже слышал это имя. — Это его сегодня упоминала Рахиль? Он… старший в ячейке?

— Да. Рахиль говорила о нем. Только… — Рина немного замялась — …на самом деле, фактически, старшая ячейки — я… Формально — я его заместитель, но фактически — это я руковожу, планирую и координирую действия разрозненных групп и отдельных членов подразделения организации…

— Вот так дела… — только и сказал тогда Макс: эта девушка не переставала его удивлять.

— Но это еще не все… — загадочно улыбнулась Рина. — Александр и Ивори — мои… приемные родители…

Был вечер. После еще одного рабочего дня (в ходе которого никого, как и в предыдущие два, не убили и к Максу не являлась полиция) они с Риной и Клэр отправились на побережье Атлантики, где на одной из многочисленных, раскинувшихся в том живописном месте, вилл их уже ждали.

— Здравствуйте, Макс! — высокий чернокожий мужчина, по виду южноафриканец, с собранными позади в хвост, пепельно-седыми волосами и нетипичными для чернокожих темно-синими глазами протянул широкую, подстать максовой, ладонь, которую Макс быстро и крепко пожал.

— Здравствуйте, Александр! — Макс немного волновался: все-таки эта встреча была не только частью ритуала его вступления в организацию, но и знакомством с семьей Рины.

— У нашей Рин хороший вкус… — высокая, крепко сложенная блондинка, вместе с Александром встречавшая их, окинула Макса взглядом красивых миндалевидных глаз и тоже

подала ему руку.

— Ивори… — Макс ответил более мягким, нежели перед тем Александру, даже галантным, рукопожатием. Возраст Ивори (как и возраст Александра) явно не подходил для роли приемной матери двадцатидевятилетней Рины. Голубоглазой мулатке, первый взгляд на которую сразу заставил Макса вспомнить об амазонках (была бы она белокожей, Макс наверняка вспомнил бы и про валькирий), на вид было не больше тридцати пяти, и она скорее подошла бы на роль сводной сестры Рины, нежели ее приемной матери. — …Очень рад знакомству. — Глядя в глаза Ивори, Макс изобразил нескладную, но вполне искреннюю улыбку.

Все пятеро стояли на круглом пятачке перед входом в дом, походивший больше на маленький дворец, куда их доставила машина Рины, петляя перед тем около пятнадцати минут по тенистой узкой дороге.

Вилла — трехэтажное строение в стиле Нового Возрождения с низким, в форме блюдца, куполом в центральной части крыши, — стояла на подошве невысокой, — триста пятьдесят — четыреста метров, — поросшей густым лесом горы, в двух сотнях метров от линии прилива. До соседних вилл расстояние было порядка десяти — двенадцати километров, — вся гора, с лесом и прилегавшей к ней береговой линией, была собственностью корпорации, акционерами которой были приемные родители Рины. Из вымощенного каменными плитами дворика, где хозяева встречали гостей, открывался широкий вид на казавшийся бескрайним океан, лежавший сразу за узкой полоской песчаного пляжа. Максу еще никогда не приходилось бывать в подобных местах, — бывать в подобных местах он, со своим четвертом уровнем мог только по приглашению (как, впрочем, и с третьим, будь он у Макса). Виллы на побережье, усадьбы и особняки, и даже собственные острова — привилегия «первых» и тех из «вторых», которым перепадала милость от «хозяев мира».

Обменявшись приветствиями они прошли в дом, куда их пригласил Александр. Внутри обстановка оказалась неожиданно сдержанной: не было вычурности и роскоши, какую предполагал внешний вид здания; никаких излишеств, никаких статуй, никаких голографических картин; Макс не заметил ни охраны, ни прислуги. Было заметно, что здесь не живут. Во всяком случае постоянно. Сразу за входом начинался хорошо освещенный светопанелями просторный белый атриум, представлявший собой округлый колодец, диаметр которого составлял, на первый взгляд, не менее пятнадцати метров, одна сторона которого — примерно четвертая его часть — та, в которой располагался

главный вход — состояла сплошь из окон и выступала из смотревшего на океан фасада здания. Первым, на что обратил тогда внимание Макс, едва оказавшись внутри, стала изображенная в центре помещения на белом полу пятиконечная звезда темно-красного цвета, — символ корпорации «Олимпус», — лучи которой не доставали до стен помещения двух, или немного более метров. Слева направо с первого на третий этаж внутри атриума тянулась пологая шириной в полтора метра лестница, сраставшаяся на уровнях второго и третьего этажей с балконами в форме полумесяцев, — место, в котором лестница примыкала к балкону второго этажа находилось точно напротив главного входа, а ее начало окончание были на девяносто градусов левее и правее. Для нежелающих ходить пешком по лестнице в дальней от входа части атриума имелся также лифт. Сверху атриум накрывал пологий купол-блюдце, сквозь который уже виднелись появившиеся на небе первые, самые яркие звезды. Макс осмотрелся: вдоль балконов второго и третьего этажей тянулись ряды дверных проемов закрытых раздвижными створками, — вилла производила впечатление законсервированной гостиницы, за которой следят, но в которой давно уже не было постояльцев. На первом этаже «номеров» не было, зато имелось несколько широких коридоров, расходившихся в разные стороны.

— Прошу, сюда… — Александр сделал пригласительный жест, адресованный по-видимому одному Максу; они с Ивори направились к крайнему слева коридору, начинавшемуся сразу за лестницей. Макс с Рин и Клэр двинулись следом за ними.

Короткий коридор заворачивал улиткой вправо, плавно уводя шедших по нему пятерых человек вниз, под атриум, где перед ними открылось обширное помещение, которое оказавшийся там впервые Макс принял вначале за гараж. В помещении с довольно высоким потолком стояло несколько компактных автомобилей — Макс насчитал девять — различных престижных марок. Там были изделия ведущих в автомобилестроении корпораций — «Олимпус», «Америка», «Миления»… Макс заметил такие модели, как «Офелия» (миниатюрный шедевр от «Милении»), «Мерелин» (скоростной кар, названный его создателями из корпорации «Сиберия» именем культовой в кинематографе древних актрисы), «Мерцание» второй модели (выпуск которых «Америка» прекратила восемьдесят лет назад), «Майский жук» (мини-автомобиль, которых всего было выпущено не больше сотни) и кабриолет «Бриз» (их с конвейера «Олимпуса» сошло и вовсе восемнадцать штук, — тринадцать были сделаны для членов Мирового Корпоративного Правительства и еще пять — для

других заказчиков, имена которых можно найти в списках богатейших людей планеты). Машины были расставлены по кругу, на расстоянии нескольких метров одна от другой, все носом к центру круглого помещения. Макс не сразу обратил внимание на два прямоугольных выезда из гаража: один виднелся там, где сверху должен был находиться вход в здание, второй — напротив.

— Это для эвакуации, — объяснил Александр, перехватив взгляд Макса. — Предосторожность, на случай попытки захвата здания…

— И далеко так можно уехать? — поинтересовался Макс, чтобы поддержать разговор, и тут же осекся: не лишним ли был вопрос? Но, Александр лишь пожал плечами и спокойно ответил:

— Если по левому тоннелю, то около двух километров… Выезд замаскирован недалеко от дороги ведущей к магистрали, а магистраль вливается в Седьмое атлантическое шоссе… — объяснил он. — А правый ведет к замаскированному, в километре отсюда, подводному доку. Там ждет в постоянной готовности быстроходная подлодка…

— Все серьезно… — покачал головой Макс.

— Мы не можем игнорировать существующие риски… — продолжал Александр, подойдя к «Мерцанию» и остановившись возле четырехколесного раритета из сверхпрочного пурпурного и матово-белого пластика. — Это место, — он приподнял ладони вверх, очевидно имея в виду виллу и прилегающую к ней территорию, а не один только гараж, — важный для Организации объект. Здесь проводятся встречи старших руководителей и лиц, с которыми Организация ведет дела… При необходимости вилла автоматически превращается укрепление и может держать натиск некоторое время… пока наши товарищи не покинут ставшее опасным место…

— Алекс! — вступила тогда в разговор Ивори. — Хватит уже сгущать тучи! — Она перевела взгляд от Александра к Максу. — За все время существования этого места, нам еще ни разу не приходилось отбивать здесь вражеских атак, — заметила она. — Тут по всему побережью, сплошь и рядом свили свои уютные гнезда наши… оппоненты… — продолжала Ивори, глядя на Макса. — Они, кстати, принимают нас за конкурентов, но никак не за идеологических противников… Так вот, все эти олигархи — люди со своими секретами… а некоторые и… с очень грязными секретами… — произнесла она с нотками презрения в голосе. Макс поймал себя на том, что нисколько не сомневался в осведомленности этой женщины насчет секретов обитавших на соседних виллах олигархов. — Впрочем, — добавила Ивори, —

некоторые просто со странностями… В этих местах происходит масса такого, о чем наши соседи предпочитают скромно помалкивать… И потому, здесь непринято проявлять излишний интерес к соседям: мало ли что тут у нас происходит?.. На побережье полно странных мест… — сказала Ивори и, немного помолчав, улыбнулась одними уголками губ. — Соседям известно, что здесь находится резиденция «Олимпус» и для них этого достаточно, чтобы не совать сюда носа…

Пока Ивори говорила все это, Александр легко похлопал ладонью по обтекаемой как самолет низкой крыше «Мерцания» и кузов машины пришел в движение: пурпурная крыша приподнялась вверх, отделившись от матово-белого стеклопластика панорамного окна, сложилась в задней части кузова; одновременно с тем стеклопластик распался на сегменты и исчез в бортах автомобиля, выполненных, как и крыша, из пурпурного пластика; в довершение правый борт машины, возле которого стояли Александр, Ивори, Макс, Рина и Клэр, разделился надвое и разъехался в стороны, открывая доступ в компактный, и вместе с тем шикарный, отделанный в светлых тонах салон. Александр жестом пригласил всех занимать места. Первыми в машину забрались Рина и Клэр, усевшись на расположенном в задней части салона широком диване; за ними — Макс, — он сел рядом с Риной; Александр с Ивори расположились на боковых сиденьях, стоящих перед диваном и способных поворачиваться в обратную сторону, так, чтобы сидящие на них могли видеть лица сидящих на диване. (Всего в салоне «Мерцания» могли разместиться, не теснясь, шесть пассажиров — четверо на диване и двое — на дополнительных боковых сиденьях, так, что Клэр, Рина и Макс разместились с максимальным удобством.)

— Ну, что, едем? — обратился сразу ко всем Александр.

Рина и Клэр хором сказали: поехали!

Ивори улыбнулась.

Макс кивнул, не задавая вопросов. Ему было интересно: в какой из тоннелей они поедут?

Машина тронулась с места, заворачивая к левому тоннелю, — тому, что, со слов Александра, вел к дороге, — включились фары, выхватив из темноты небольшой, стремительно уходивший под уклоном вниз участок собранной из пластиковых тюбингов трубы, и машина нырнула в эту трубу. Уже через несколько десятков метров уклон стал уменьшаться и вскоре тоннель выровнялся. На прямом и ровном участке машина увеличила скорость, и ребристая серая труба стала однородной и гладкой, но уже через

пятьсот — семьсот метров серые тюбинги снова замельтешили мимо — скорость снова снизилась: впереди была развилка. На развилке автомобиль ушел вправо и тотчас же начался ощутимый подъем по спирали, — тоннель все время заворачивал по часовой стрелке и вверх. У Макса даже немного заложило уши; сидевшая напротив справа Ивори заразительно зевнула, — ее примеру последовали все, без исключения (при виде зевающей Клэр Макс даже не вспомнил о том, что та — искин). Так, непринужденно зевая время от времени, они проделали тот пятиминутный путь внутри горы — впереди появился круглый пятачок ночного неба и машина, замедлившись, вынырнула из тоннеля на небольшую ровную площадку.

Продолговатая обсаженная вековыми пихтами и соснами площадка бобообразной формы лежала почти на самой вершине горы. От площадки в стороны расходились несколько благоустроенных дорожек, одна из которых, самая широкая (по ней, при необходимости можно было проехать на автомобиле), вела к небольшому одноэтажному домику из камня под черепичной крышей.

— Для нас с Ив это… особое место, — сказал Александр, когда они шли к освещенному Млечным путем домику, — и для нашей Рин… — добавил он, тепло взглянув на ту, шедшую между ним и Максом.

— Я часто бывала здесь в детстве, — объяснила тогда сама Рина Максу.

Они подошли к домику.

Ивори щелкнула пальцами и над деревянным крыльцом включилась желтая осветительная панель.

Внутри каменного домика все было архаично: деревянные полы, мебель, камин со сложенной сбоку стопкой поленьев. Если бы не источавшие теплый, будто от множества горящих свечей, свет светопанели под потолком из плотно подогнанных друг к другу брусьев, можно было бы смело представить будто вы — оказавшийся в прошлом путешественник во времени; что вокруг не XVII век Нового Времени, а I или II — начало Эпохи Нового Возрождения; что вокруг, за стенами этого дома, еще не излечившийся от последствий ядерной войны мир, в котором странно переплелись технологии начала XXI века с вернувшимися из забвения достижениями Средних веков и даже Античности. Да, в те времена вид всадника верхом на коне, в доспехах и с автоматом Калашникова, или переоборудованного под паровой двигатель автомобиля, произведенного еще в конце XX столетия,

или высокотехнологичного экзоскелета военного образца, или парящего в небе дирижабля… ни кому не показался бы странным. На каменных стенах Макс заметил несколько старинных картин, между широких окон с деревянными рамами тикали древние часы (которые, похоже, требовалось регулярно заводить), в углу стоял знакомый увлекавшемуся древней историей Максу по фотоснимкам предмет называемый «телевизором». Ламповый — жрущий энергии вдвое больше современного автомобиля! Эти устройства после Большой Войны ценились на вес золота. Порождаемые ядерными взрывами электромагнитные импульсы превратили в бесполезный хлам высокотехнологичные панели, имевшиеся в то время в каждом доме, и когда, спустя более полувека, в древнем Полисе заработала первая и единственная на планете телестанция, ламповый телевизор превратился в самую желанную добычу для всякого охотника за техническими реликвиями и в атрибут принадлежности к цивилизации для всякого, претендовавшего на статус такового, поселения. В углу просторной комнаты, напротив телевизора, стояли L-образный диван и два кресла, на полу перед ними лежал цветастый прямоугольный ковер, на ковре стоял низкий столик на четырех ножках.

Александр предложил Максу и девушкам располагаться.

Макс с Риной и Клэр выбрали диван, Ивори села в одно из кресел, на расстоянии вытянутой руки от Макса, а Александр, прежде чем сесть оставшееся ему кресло, прошел к стоявшему между камином и телевизором шкафу и открыл одну из дверец. За дверцей обнаружился комбайн, современный и явно не дешевый. Предложив гостям на выбор напитки, Александр сам (ни псевдоинтеллекта, ни даже простого управляющего компьютера в доме не оказалось) выбрал нужные пункты в меню комбайна и после прошел и сел в кресло.

Несколько секунд Александр внимательно смотрел на Макса и, прежде чем он заговорил, Макс успел про себя заметить, что синие глаза Александра, как и голубые глаза Ивори, имели нечто неуловимо общее с темно-зелеными глазами Рины. Нет, дело даже не в том, что *такие* цвета были несвойственны чернокожим… по крайней мере, для явной мулатки Ивори голубой цвет ее глаз не был чем-то совсем уж несвойственным… синие, серые, карие… глаза человека — это именно *глаза человека*, а глаза этих троих… *троих ли*? Макс подумал о Клэр: а ведь и ее серые глазища — тоже чем-то едва уловимо похожи! Глаза этих четверых были… *другими*.

— Вам наверно интересно, — дружелюбным тоном произнес Александр, — почему… для чего Организация выбрала вас… —

он выдержал паузу, чтобы дать возможность Максу вступить в разговор на равных и тем самым расположить его к более комфортной беседе.

— Конечно, Александр, мне это интересно, как и многое другое, — ответил ему Макс.

Макс сидел свободно, положив левую руку на мягкий подлокотник, правая лежала на диване между ним и Риной; он старался не выдавать внутреннего волнения, и у него это хорошо получалось. Как обычно, в подобных ситуациях, когда Макс оказывался компании малознакомых ему людей, с которым нужно было иметь дело, он перешел в «режим Будды» — его плечи были расслаблены, дыхание ровным, осанка правильной и непринужденной, без тени вызова, квадратная голова смотрела на собеседника ясными внимательными глазами. Сидевшая рядом с ним Рина, видимо, все же почувствовала скрываемое Максом беспокойство и, положив теплую ладонь поверх его ладони, успокаивающе погладила массивное пястье тонкими пальцами.

— Что ж… — Александр закинул ногу на ногу, уперев локти о подлокотники кресла и сцепив перед собой пальцы. — Пришло время ответов… Ив, — он перевел взгляд на сидевшую правее Макса Ивори, — расскажи им.

— Гм… *Им*? — Макс не удержался, перестав на мгновение изображать Будду. — То есть: я здесь не один пребываю в неведении?

— Да, — улыбнулась тогда Ивори. — Рин пока тоже не знает подробностей вашего дела… Только Клэр… у Клэр доверительные отношения с нашим руководителем, — она тепло взглянула на девушку-искина и вместе с ней к Клэр повернулись сидевшая с ней рядом Рина и Макс.

— Я тебе уже говорила, что в Организации каждый на своем месте и знает столько, сколько ему необходимо знать… — добавила, повернувшись от Клэр к Максу, Рина.

— Да. Именно так, — снова заговорила Ивори, — и обстоят дела в Организации. Каждый делает свое дело и на своем месте… — она немного помолчала и продолжила: — Макс. Я хотела бы задать вам один вопрос.

— Конечно. Спрашивайте.

— Скажите, что вас не устраивает в мире? Почему вы — талантливый программист, имевший, захоти вы того сами, и без нашей помощи все шансы на продвижение в компании… почему вы занимались тем, чем занимались? Я имею в виду вашу деятельность, подпадающую под целый букет уголовных, не считая прочих, статей. Что заставляло вас рисковать с юного возраста, когда вы, будучи еще студентом университета, стали

взламывать ресурсы корпораций, подделывать документы, посягать на интеллектуальную собственность?

Макс внимательно слушал Ивори, уже зная, с первых ее слов, как ответит ей и, когда она закончила, ответил:

— Меня не устраивает политическая система мира. Не устраивает несоответствие между уровнем его развития и распределением материальных благ. Меня не устраивает то, что человечество, технологически, пребывает в состоянии искусственной комы… то есть: оно живет и относительно здравствует, но стоит на месте… человечество застряло, остановилось в развитии, — сказал он и, задумавшись на миг, добавил: — Я знаю историю древнего мира… Все эти уровни… — это не что иное как разновидность кастовой системы! Причем, если тем дикарям, вроде древних индусов, можно простить их дикость… ну, религии у них там были всякие дурацкие… то мы… Мы же на Марс летаем! Правда только на один Марс и летаем… Но ведь летаем! Давно уже вышли из пещер, слезли с пальм, выбрались из радиоактивных пустошей… а остаемся дикарями… Большая часть, по крайней мере, — говоря все это, Макс смотрел вперед перед собой, на стоявший перед ним на ковре столик. Раздался сигнал комбайна и Александр встал, прошел к устройству и принес, поставив на столик, четыре чашки с ароматным кофе, для себя, Макса, Рины и Ивори, и стакан с фруктовым соком для Клэр. Макс поблагодарил за кофе, отхлебнул из чашки и, вернув ее на стол, произнес, повернув лицо к Ивори: — Вы спросили: что заставляло меня рисковать… — он помолчал, пожал плечами, — вначале — желание изменить мир, — улыбнулся Макс. — Я тогда был юн и наивен… Потом — желание заработать, вместе с презрением к тем, на права собственности кого я с удовольствием посягал.

При последних словах улыбка на лице Макса стала заметно шире. Ивори ответила на эту улыбку легким одобрительным кивком.

— Я полностью с вами согласна, Макс, — сказала она. — Но, что стало причиной такого вашего поведения? Если можно, одним словом… или двумя…

Макс задумался.

— *Понимание*. — Сказал он. — Понимание того, что происходит.

Ивори и Александр переглянулись.

— Спасибо за ваш честный ответ! — сказала Ивори. — Да, — сказала она Максу, — понимание очень важно. Но без знаний понимание может быть неточным, может быть ошибочным, его может и вовсе не быть, — она внимательно посмотрела на Макса,

как бы желая убедиться в том, что он ее понимает. — Но и знание и понимание еще не все… Это как готовый к движению автомобиль, который стоит на месте. Понимание ничего не значит без действия. А чтобы действовать, нужна воля, решимость.

— Понимаю, — сказал Макс.

— Это хорошо, — снова улыбнулась Ивори. — Теперь можно перейти к главному…

«…наш поезд прибывает на станцию «Западный Лондон» через пять минут…» — сообщал знакомый приятный голос, принадлежавший одной популярной актрисе.

Поезд по-прежнему покачивало. Макс открыл глаза: освещение было мягким, совсем как в том каменном домике на побережье океана, где перед тем витали его мысли. На мгновение Макс задумался, и по его лицу скользнула тень глуповатой улыбки. Опомнившись, он скользнул глазами слева направо: Клэр продолжала читать свой интерактивный листок, не замечая его взгляда; Рина же встретила взгляд Макса теплой улыбкой:

— Тебе что-то приснилось? — спросила она. — Что-то хорошее?

— Что?..

— Ты проснулся с улыбкой. Я наблюдала за тобой.

— А… — Макс, наконец, понял. — Подумалось вот… — он встряхнул головой, и, повернувшись, снова взглянул на Клэр: та отвлеклась от листка и с интересом слушала. Макс улыбнулся ей и снова повернулся к Рине. — В общем, я, кажется, заснул и мне приснился тот домик… Ты ведь знаешь, что две тысячи лет назад те места назвали «Новой Англией»? — (Рина кивнула) — Ну, так вот, получилось, что, проснувшись, я из Новой Англии попал сразу в Старую…

— Тебе там понравилось? — спросила его Рина.

— Где? Во сне?

— Рин, он, кажется, еще не проснулся, — сказала Клэр.

— Нет, — покачала головой Рина, — в домике, в Новой Англии… — терпеливо пояснила она.

В этот момент в вагоне снова зазвучал знакомый голос:

«Поезд прибыл на станцию «Западный Лондон. Начато шлюзование. Экипаж поезда и корпорация «Америка» благодарят вас за выбор нашей транспортной компании и желают вам успехов! До новых встреч!» Поезд остановился в шлюзе перед вокзалом.

Когда сообщение закончилось, Макс ответил:

— Да. Очень хорошее место! Пожалуй, лучшее из всех, где мы

бывали…

Рина взглянула на него с нежностью и чмокнула в висок, потом улыбнулась Клэр.

— Нам пора… — сказала она. — У нас не так много времени… — (В этот момент поезд снова тронулся, выползая внутрь вокзала: в окнах вагона медленно проплывали другие поезда и спешившие на посадку люди.) — Дядя Элиот через два часа уезжает на Австралийский континент…

Макс волновался. Далеко не каждому в Организации оказывалась такая честь — встречаться лично с одним из ее вождей и первых руководителей. Кроме того, Элиот был ко всему еще и главой корпорации «Олимпус», которой на Британском архипелаге принадлежало почти семьдесят процентов всех активов, и, как следствие этого, членом Верховного Совета в Мировом Корпоративном Правительстве. Макса ждала встреча с одним из тринадцати *президентов мира*, или даже его *королей*… — отправляясь на такую встречу трудно не волноваться. Но рядом были Рина и Клэр и Макс, уж как-нибудь, переживет предстоящую встречу.

ГЛАВА 14

год 1619-й Новой Эры, Земля, Полис

Макс вошел в кабинет. Следом вошли Сибл-Вей, Алип, Амалика и Леон. Помощники управляющего отделом собрались на обычную пятиминутку вначале рабочего дня.

— Прежде всего хочу сообщить вам, — начал Макс после того как он и помощники заняли привычные места за столом, — о принятом мною решении о назначении Леона на новую должность. Теперь Леон — мой первый помощник и заместитель. Леон, примите мои поздравления…

(Макс первым протянул через стол руку чтобы пожать киборгизированный протез Леона.)

— Но это еще не все, — продолжил он, после того как собравшиеся закончили поздравлять старика. — Амалика! — он перевел взгляд на сидевшую напротив него рядом с Леоном женщину.

— Да, Макс, — женщина смотрела на Макса спокойным взглядом.

— Примите дела у Леона, — сказал Макс. — Теперь вы отвечаете за техподдержку.

Макс достоверно знал из имевшихся у Организации источников о том, что получеловек-полукиборг Леон работал на контрразведку Службы безопасности корпорации и был верен и предан ее высшему руководству как собака. Взамен за его преданность Леону обещали полную киборгизацию — доступный эквивалент бессмертия. (О том чтобы оцифровать сознание человека пока еще не было речи, но учеными некоторых корпораций в этом направлении уже были сделаны серьезные шаги; помещенный в кибернетическую среду мозг Леона вполне мог бы прожить еще несколько десятков, а может быть и сотню лет до времени когда оцифровка станет возможной.) Группа техподдержки была главной целью Организации. После смещения Леона на почетную должность «зицпредседателя», дело станет за малым — подчистить саму группу поддержки от людей Леона, заменив их верными товарищами.

— Вы можете перевести в группу поддержки тех из ваших, теперь уже бывших сотрудников, кого сочтете нужным… для большей эффективности дальнейшей работы, — продолжал Макс. — С тем условием, что перемещения не будут иметь негативных последствий для тех групп, из которых вы заберете сотрудников… Я имею в виду снижение их работоспособности… — добавил он,

глядя доброжелательно.

— А как же… — начала Амалика.

— Координируемые вами группы? — закончил за нее Макс.

— Да.

— Я уже обсудил это с Ангеликой, — сказал он. — Мы пришли к решению перевести на должность координатора одного парня… Иля. Я хорошо знаком с ним по моей прежней работе. Иль — толковый программист, и у него есть организаторские способности… — С первых своих слов, Макс внимательно следил за реакцией Леона: в первую очередь за его руками, — лицо Леона — непроницаемая пластиковая маска, нисколько не отражавшая его эмоции. Леон сидел ровно и не задавал вопросов, но Макс, все же, заметил как несколько раз вздрогнули его пальцы на левой (человеческой) руке — когда Макс сообщил о его смещении с должности и когда ненавязчиво рекомендовал Амалике преукомплектовать группу своими людьми. *«Значит, ты не один тут приглядываешь…»* — мысленно обратился к Леону Макс.

— Думаю, — добавил Макс, переводя взгляд с Леона и Амалики на Сибл-Вей и Алипа, сидевших справа от него, — Иль найдет подход к нашим программистам… — Макс смотрел на всех одинаково доброжелательно.

Потом он снова обратился к сидевшим напротив:

— У вас еще будут вопросы, Амалика?

— Нет. — Амалика коротко покачала головой. — Все понятно.

— Тогда примите мои поздравления… — (Макс протянул руку Амалике. Та ответила на рукопожатие.) — …Уверен, вы справитесь с этой работой…

В конце пятиминутки Макс попросил Амалику задержаться.

Когда все вышли и Макс с Амаликой остались одни, он достал из кармана и протянул ей небольшой серебристый цилиндр — обычное запоминающее устройство, какие использовали для хранения информации. (Это отличалось от большинства подобных устройств и их аналогов, разве что, большим объемом.) Амалика взяла накопитель.

— Он зашифрован? — спросила она.

— Да. Вашим личным кодом-подписью, — ответил Макс. (Амалика удивленно заломила бровь но ничего не сказала насчет его осведомленности.) — Никто кроме вас не сможет активировать его, — добавил он. — Если, конечно, накопитель не попадет в руки ребят из Бюро…

— Не попадет. Уверяю вас, — сказала женщина.

— Я в вас не сомневаюсь, — Макс улыбнулся. — Вам уже сообщили имена тех, от кого надо избавиться?

— Да. Я получила список. В группе поддержки работают пять человек преданных корпорации… Леон расставил их на ключевые места… Пять из двадцати пяти.

— Отстраните их… сместите на второстепенные должности, — сказал Макс. — По возможности замените нашими людьми.

Амалика молча кивнула.

— У вас на все четыре дня. Потом обновление должно быть готово в любой момент… Александр сообщит мне когда придет время действовать…

Оставшись один, Макс сидел неподвижно, размышляя над тем, что должно было произойти уже совсем скоро. Он знал обо всем. Теперь перед ним не было загадок. Теперь все было ясно. Он знал *что* вскоре произойдет и знал, *что* будет делать в то самое время и *что* будет делать после. И даже если он, Макс, потерпит неудачу — он знал — неудача эта не остановит движения того могучего маятника в часовом механизме истории, который уже начал раскачиваться. Механизм этот, остановленный много веков назад, теми, для кого смена эпох означала конец, накопил достаточно энергии чтобы сломить удерживавшие его ветхие скрепы. Механизм работал. Он продолжал работать и тогда, когда те, кто желали оставаться у власти вечно, напыщенно заявляя о конце истории, единогласно признавали его сломанным; они бахвалились тем, что созданный ими миропорядок — есть вершина социального и экономического развития, с сытой отрыжкой тыча изнеженными пальцами в замерший маятник. Но они обманулись. Они забыли уроки истории. Забыли о том, что единственный эффективный способ остановить и даже уничтожить механизм истории, это тот, который применили их предшественники тысячу шестьсот восемьдесят семь лет назад — всеуничтожающая война. Они забыли, что пока существует продающий и покупающий, нанимающий и нанимаемый, владеющий собственностью и неимущий, существует и противостояние между этими противоположностями; единственное, что может быть общего между сытым господином, живущим за счет ежедневно обираемого им наемного раба, и этим самым рабом — это антагонизм, и этот антагонизм и есть та сила, та энергия, что приводит в движение часовой механизм истории, стрелки которого возвещают смену эпох.

На фоне имеющих вскоре произойти событий, его роль не так уж и велика: всего-то — запустить программный код… Ему не придется идти в бой против специально натасканных псов,

призванных охранять многовековую деспотию олигархии — против вооруженных до зубов солдат с промытыми пропагандой мозгами; против корпоративных полиций; против спецподразделений Бюро; против телохранителей крупных боссов. Все, что он должен будет сделать, это — запустить программный код.

Макс снова вспомнил слова Ивори, которые та сказала ему тогда, в каменном домике на побережье: «*понимание ничего не значит без действия. А чтобы действовать, нужна воля, решимость*… Воля, — говорила она, — вот чего лишена большая часть тех, кто имеет достаточно ума для понимания происходящего. Большая часть обладателей нейроинтерфейсов лишены воли! «Паутина» в их головах, независимо от того, какой корпорацией она произведена, имеет одно общее свойство — она способна подавлять волю… Киберполиция постоянно отслеживает трафик нейроинтерфейсов. Поисковые запросы, контакты, личные сообщения… все, что угодно! Если обладатель «паутины» не имеет специальных навыков программирования, как вы, Макс, или недостаточно сообразителен чтобы обратиться к такому как вы… то он открыт перед киберполицией… вам это известно. Вам также известно и то, какие последствия ждут того, кого сочтут неблагонадежным… — (Макс молча кивнул.) — Но, помимо прочих неприятностей, есть еще кое-что… Вам ведь приходилось пользоваться программами-релаксаторами, Макс? — спросила Ивори. — (Макс подтвердил.) — Релаксаторы задействуют лишь малую часть того потенциала, который имеет *любая* нейросеть, нелегальные нарко-программы — чуть больше… Но тот, кого киберполиция или Бюро захотят вывести из игры… — Ивори невесело усмехнулась, — может быть превращен в овощ… в живую куклу, пускающую слюни и испражняющуюся под себя… Нам с Алексом таких уже приходилось видеть… Но это — крайняя мера, применяемая пока к единицам… об этой функции нейроники и знают единицы…»

Макс вспомнил как не по себе ему стало от услышанного, — Ивори это заметила и поспешила его успокоить:

«Вы можете не волноваться… Та ваша программа… антибаннер… Клэр над ней поработала… — (Макс повернулся к сидевшей рядом с ним Клэр: на лице девушки играла довольная улыбка.) — Превращение в овощ вам не грозит, — Ивори тоже улыбнулась. — Массовое применение этой, пока не афишируемой, функции нейросети — это козырь в рукаве Правительства: они покажут его только в случае *«массовых беспорядков»*, в случае угрозы *«изменения конституционного*

строя»… Пока же у них другие задачи…»

Она рассказала Максу о «группе риска» — особой базе данных, в которую попадали те, кого аналитические программы киберполиции однажды признали неблагонадежными — оппозиционно настроенные, нелояльные к системе дифференциации общества по уровням, те, кто слишком часто заговаривали на темы социальной справедливости… — к попавшим в «группу риска» функции подавления воли *уже применялись*. Вначале эпизодически, на малой мощности; потом интенсивность воздействия увеличивалась. Но не настолько чтобы превратить неблагонадежного гражданина в олигофрена; такие просто постепенно *успокаивались*, опускали руки, становились апатичными, перегорали. Вокруг были массы конформистов, имевших в прошлом немалый протестный потенциал — тех, кто не успели связаться с Подпольем (или тех, кого Подполье, по каким-то причинам, не приняло в свои ряды), тех, с чьим нейроинтерфейсом не успели поработать программисты-подпольщики.

Об этом Макс не знал.

(Ему было известно многое: он знал о постоянной слежке; знал о том, что не стоило попадать в руки полиции; он умел скрываться от внимания властей (и у него это очень хорошо получалось: при водившихся за ним «грехах» Макс был неплохо устроен), но он понятия не имел о том, о чем узнал тем вечером.)

Он должен будет сделать это — запустить программный код. И он это сделает.

В уже начавшейся революции он не станет вождем, не поведет за собой отряды подготовленных и вооруженных бойцов захватывать расположения частных армий, отделения корпоративных полиций, вокзалы вакуумных поездов, головные офисы корпораций… Ничего такого Макс не станет делать. Он лишь запустит обновление произведенных и поддерживаемых его компанией продуктов и пятьсот миллионов нейросетей не сработают, когда Мировое Корпоративное Правительство решится применить их скрытые возможности для подавления восстания. Одновременно с Максом такие обновления запустят и другие, такие же как он управляющие отделами разработки и поддержки нейросетевого программного обеспечения в других компаниях и корпорациях, — их роли в отдельности также не столь велики. Запустить программный код…

ИНТЕРЛЮДИЯ

время [нет данных], мир СФ-7709181/4/1 (по каталогу Эйнрит, экспедиционного корабля аиви)

Дискоид вошел в атмосферу планеты вблизи экватора. Зажатый в обрамления из горных хребтов Каньон лежал справа по борту. При этом подернутые хаотической рябью по обе стороны от Каньона океаны казались единым бассейном, посреди которого разлегся длинный и подозрительно прямой остров, чей край скрывался за горизонтом, но это было иллюзией, оптическим обманом, — видевший планету со стороны, облетавший ее по кругу знал, что Каньон — не остров. Бело-зеленый, с частыми вкраплениями голубых озер и тонкими ниточками рек, Каньон был хорошо виден с орбиты.

Дискоид снижался стремительно; машина изменила угол наклона и, взрезав слойку жидких облачков, ушла вправо, вскоре выровнявшись по левому краю свода Каньона. Теперь внизу ясно просматривался ландшафт дна Каньона: под хрустальным сводом, были горы, долины, реки, равнины, озера… были города, связанные меж собой прямыми, как лучи, транспортными артериями. Это был мир — мир сфагов — бесполых гуманоидов — наследников давно исчезнувшей цивилизации, создавшей Каньон.

Выпуклый хрустальный свод Каньона, казалось, стоял на месте, а все остальное — лежавший под сводом мир, смотревшийся чем-то чуждым этой планеты; сковавшие свод снаружи хребты гор; напиравшие на горы океаны — двигалось навстречу дискоиду. Сквозь голубую дымку собравшихся под сводом облаков виднелась дальняя стена Каньона, вдоль которой, вместе с горами снаружи и ландшафтами внутри, бежали удерживающие свод белоснежные колонны.

Транспортный дрон снижался. Вместе с высотой становилась меньше и скорость машины. Лежавший внизу мир становился четче, постепенно приобретая все новые и новые детали.

На всем протяжении Каньона его ширина оставалась неизменной — сто сорок восемь стандартных километров, — расстояние это не уменьшалось и не увеличивалось, оставаясь везде одинаковым. Менялись только узоры горных хребтов за стенами Каньона, то уходя в океаны длинными отрогами, то истончаясь и сходя почти на нет, так, что волны приближались к станам почти вплотную. Каньон покрывал цилиндрический свод, удерживаемый стоявшими на колоннах из сверхпрочного

адаманта исполинскими аркадами. Свод опоясывал планету по экватору хрустальным обручем; свод частично отражал солнечный свет на дневной стороне планеты и сверкал скоплениями электрического света на ночной.

Высота свода была одинаковой не везде: дно Каньона то опускалось, то поднималось, относительно уровня океанов; в некоторых местах дно лежало на отметке минус двадцать два, в других же поднималось до полутора километров ниже уровня океанов. Большая часть площади Каньона лежала в пределах минус десяти — двенадцати километров: во впадинах разливались живописные озера с лесистыми берегами и населенными дикими животными и птицами островками. Расстояние между трехкилометровыми в диаметре белоснежными колоннами, удерживавшими аркады, было также везде одинаковым — ровно одиннадцать километров. Стены из адамантированных скальных пород были частью горных хребтов, опоясывающих планету вместе с хрустальным сводом; раскинувшиеся в стороны от свода Каньона на десятки (а в некоторых местах и на сотни) километров горы и возвышающийся среди серых скал хрустальный свод надежно защищали укрывшийся за ними оазис жизни от океанов и ядовитой атмосферы планеты.

В местах, где океаны становились мельче, уменьшалась и толщина горных хребтов, высоты пиков снижались, и стены Каньона можно было увидеть со стороны Северного или Южного, или обоих одновременно, океанов. В таких местах стены Каньона представляли собой нечто вроде гигантских ульев, покрытых с внешней стороны таким же хрусталем, из какого был отлит его свод. Виды, открывавшиеся из таких ульев, захватывали дух, поражали воображение, пугали, приводили в трепет тех, кто бывал там впервые. Раскинувшиеся снаружи за толстым слоем хрусталя панорамы были чудовищны в своем величии: в любое время, в любой день или ночь, на протяжении веков и тысячелетий из ульев можно было видеть как по темно-зеленой водной массе, словно черви под вспухшей кожей утопленника, лениво ползали километровые волны. Волны то и дело подгоняли клубящиеся над водой, словно испарения от свежей блевотины, густые облака бледного пара; низкое сине-зеленое небо круглый год было одинаково безразличным ко всему, что происходило внизу, лишь изредка по нему проплывали зеленоватые перистые облачка.

В нескольких километрах от таких ульев обычно располагались космопорты, большинство из которых были давно заброшены за ненадобностью, а оставшиеся — переоборудованы

для других целей. Со времени заключения союза с аивлянами сфаги, полностью перешли на технологии союзников в области космонавтики и авиации и теперь в громоздких и энергоемких стартовых площадках попросту не было никакой необходимости, как и в пожиравших углеводороды самолетах, ракетах и космических кораблях. На смену всей этой прожорливой и капризной техники пришли простые в эксплуатации дискоиды аивлян, не требующие каких-то особых площадей для взлета посадки. Под космопорты целесообразнее стало переоборудовать часть внешних ульев, что позволило значительно сэкономить как на обеспечении внешних космопортов, так и на внешнем транспорте. При этом сфагам не пришлось вносить существенных изменений во внутреннюю структуру транспортных артерий Каньона, — доставляемые с лун грузы по-прежнему прибывали в те же районы Каньона и далее распределялись по давно отработанным логистическим схемам.

Заложив крюк над заброшенным и уже начавшим разрушаться космопортом дискоид устремился к улью. Одна из сот космопорта-улья приветственно открылась навстречу т-дрону и тот безупречно точным маневром вошел в соту.

Ангар, в котором на расстоянии метра от пола завис дискоид, быстро очистился от ворвавшейся внутрь внешней атмосферы и уже через две с половиной минуты был заполнен обычной для сфагов и вполне подходящей для аивлян и агарян дыхательной смесью. Часть дискоида трансформировалась в удобную для пассажира лестницу, открылся проход и из т-дрона вышел Хариб.

Едва агарянин сошел с трапа, как перед ним явилась плотная голограмма.

— Космопорт А–ЭЛ–15–15–СА–4–М–Палларис приветствует вас, контактор Хариб! — перед Харибом стоял высокий гуманоид с множеством глаз. Глаза гуманоида, опушенные густыми длинными ресницами, подобно венцу, окружали слегка вытянутую лишенную волос голову (Хариб видел только четыре глаза, но ему было известно, что у сфагов их по семь). У гуманоида было четко выраженное лицо, с прямым тонким носом и узким, без губ, но изящно очерченным мимическими морщинками ртом. Лицо смотрело на Хариба и выражение этого лица было подчеркнуто дружелюбным. Сфаг на голограмме был облачен в длинную белую одежду, сквозь которую свободно проглядывались отдельные детали его изящного тела. (Хариб отнес бы это существо скорее к женскому, нежели к мужскому роду, если бы не изучил сфагов заранее: сфаги были бесполы, — не однополы, как, например, шаклиссы, или хроны, а именно

бесполы, — они появлялись на свет на оставшихся после строителей Каньона фабриках.) Тела сфагов были лишены малейшего намека на грубость или нескладность: линии были плавны, изгибы округлы, желтовато-бежевый цвет мелкочешуйчатой кожи и пронзительно-голубой цвет глаз делали этих нежных существ похожими цветы.

— Меня зовут Алиале, — продолжал гуманоид, говоря на языке аиви, — я — диспетчер космопорта.

— Раз знакомству, Алиале, — с гортанным агарским акцентом ответил Хариб гуманоиду.

— В сопроводительном документе указано, что вы собираетесь посетить в Каньоне человека… — вежливо произнес Алиале, — с вами лично… незнакомого, и что сообщите нам его имя по прибытии…

— Да. Это посол Аиви Эйнрит, — ответил Хариб. И, заметив изменения на лице Алиале, которые, согласно интерактивной справке, выражали удивление, добавил: — Я не хотел беспокоить ее раньше времени… как и связываться с ней через инфосеть с орбиты… — он улыбнулся Алиале, стараясь выглядеть при этом как можно доброжелательнее: *не хватало еще испугать это нежное существо здоровенными клыками*… Но сфаг, похоже, тоже подготовился к встрече и воспринял мимику агарянина адекватно. — Мне нужна аудиенция, — сказал Хариб, — личная встреча с послом.

— Понимаю вас, контактор Хариб. Как нам представить вас послу Эйнрит?

— Скажите, что я… друг Эвааля…

Последовала короткая пауза, после которой голограмма вновь заговорила:

Мы передали сообщение. Желаете получить ответ через нас, или лично?

— Лично. Передайте, пожалуйста, мой номер для связи.

— Конечно. Что-нибудь еще?

— Нет. Это все.

— Палларис, как и любой город Каньона, рады принять вас, контактор Хариб, — радушно произнес сфаг. — Инфо-центр предоставит вам все, что нужно — гостиницу, транспорт, пищу… Мы рады всем нашим гостям, — на лице гуманоида отразился местный эквивалент улыбки, похожий больше на улыбку аивлянина, нежели на приветливый агарский оскал.

— Благодарю вас, Алиале! — прогортанил Хариб. — Вы очень любезны.

— Прошу, следуйте за мной… Я проведу вас к транспорту… — с этими словами голограмма повернулась и направилась к

находившейся неподалеку двери. Глаза, расположенные на затылке сфага, казалось, продолжали смотреть на Хариба, но Хариб знал, что за ним наблюдают вовсе не глаза проекции, а находящиеся в помещении ангара видеокамеры.

Пройдя из ангара по предназначавшемуся для пешеходов длинному коридору в обширное помещение, оказавшееся чем-то вроде станции местной транспортной системы, Хариб попрощался с Алиале и сел внутрь уже ожидавшей его там машины. Машина, похожая на здоровенную черепаху у которой вместо лап были четыре широких колеса, внутри оказалась просторной и весьма комфортной. Хариб уселся в одно из четырех удобных кресел, сообщил «черепахе» адрес: *посольство Аиви*, и погрузился в размышления о предстоявшей встрече.

Палларис полностью занимал всю площадь высокого (всего шесть километров ниже уровня океанов) плато, раскинувшегося от стены до стены Каньона и протяженность которого была почти двести километров. Это был один из крупнейших мегаполисов на планете. Город населяли восемнадцать миллионов жителей, из которых аивлян и других инопланетников было чуть более сорока тысяч; большинство было сосредоточено в башнях—коммунах, высота которых достигала аркад. Каждую башню (являвшуюся полностью автономным субъектом города и обеспечивающую своим жильцам комфортное пребывание) окружал парк с водоемом; башни были связаны меж собой тщательно спланированными магистралями, каждую из которых дублировала подземная линия городской транспортной системы, в которой курсировали поезда на магнитных подушках. На улицах Палляриса всегда было людно, но не было столпотворений или пробок (транспортная система работала всегда слажено, без перегрузок), а в его парках и скверах всегда можно было найти уединенное местечко.

Город произвел на Хариба приятное впечатление: в нем не было совершенно никакой спешки; никаких носящихся на высоких скоростях машин на магистралях и улицах; никакой толчеи, никаких постоянно бегущих куда-то горожан заметно не было. Мегаполис напоминал Харибу… курорт? тихую провинцию? Нет. Это был именно мегаполис. Поглядывая по сторонам из салона везущей его «черепахи», он видел неспешно идущих куда-то изящных сфагов, одетых в длинные разноцветные одежды. Сфаги держались небольшими группками, реже — парами; они что-то обсуждали, часто приветствовали встречных прохожих. Их одежды, подчеркивающие стройность их прекрасных тел, странным образом, были напрочь лишены каких-либо намеков на

сексуальность, — Хариб знал, что среди этой расы секс как таковой попросту отсутствовал. Он вспомнил учение низверженной Эваалем агарянской Церкви и похожие учения религиозных культов некоторых других миров, где цивилизации все еще пребывали в плену мифов и наивных иллюзий, об ангелах — слугах различных и, вместе с тем, поразительно похожих друг на друга божеств — существах наделенных этими божествами особыми полномочиями: *карать грешников и покровительствовать праведникам*. Сфаги, как никто иной, подошли бы на роль таких служителей: они были красивы, величественны и абсолютно асексуальны — внешне — идеальные кандидаты… вот только крыльев у них не было… как и глупых верований в сверхъестественное. Наблюдая за этими существами из машины, Хариб попытался представить их с мечами, секирами и алебардами, карающими несчастных богохульников и скептиков, и не смог. Сфаги были абсолютно миролюбивы и невоинственны. *«То, что у этих ребят нет херов, которыми они могли бы меряться, пошло им явно на пользу»*, — думал Хариб, рассматривая прохожих.

Дорога до посольства заняла немногим более получаса по агарянскому времени (по аивлянскому — менее четверти), — когда машина остановилась у невысокого — всего четыре этажа — здания, в котором располагалось посольство Аиви, Хариб взглянул на часы: прошло всего шестьдесят семь минут от момента когда «черепаха» тронулась от космопорта.

Хариб вышел из машины на тротуар перед главным входом в здание посольства (пикнув и зашипев, машина медленно отъехала в сторону и припарковалась на стоянке неподалеку). Он испытывал легкое волнение; несколько минут назад он получил ответ из посольства, сообщавший ему, что посол Эйнрит на месте и готова его принять тотчас по приезду. Ответ был официальным, сухим и сдержанным; в ответе к нему обращались с учетом его высокого статуса контактора, в чем Хариб увидел намек на то, что вовсе не упоминание имени Эвааля стало причиной того, что его столь скоро принимают (все-таки послы — люди занятые). Постояв с минуту и осмотревшись, он поправил хламиду и решительно зашагал к входу.

— Контактор Хариб. — Он ее сразу узнал. Она была одета в длинное платье сфагов темно-синего, как ее глаза, цвета; ее голова была гладко выбрита; невысокий (если сравнивать со сфагами) рост, нежно-голубая кожа, женственная осанка и количество глаз выдавали в ней аивлянку. Он ее узнал. Когда он вошел в просторный холл она уже была там.

— Посол Эйнрит… — (они обменялись приветственными улыбками) — …мы с вами незнакомы…

— Я знаю кто вы, — вежливо остановила его женщина. — Вы — известный ученик вашего учителя, — сказала она (ее слова не были иронией).

— Для меня это незаслуженный комплимент, посол, — смущенно прогортанил Хариб. — Я стал контактором уже после… (он не стал заканчивать фразу).

— И тем не менее… Вы стали свидетелем его работы на вашей родине, на Агаре.

— Мне выпала честь, — сказал Хариб, взглянув в глаза агарянки и невольно задержав взгляд. Эйнрит была прекрасна. Огромные ее глаза на миг превратились в бездонные синие океаны; гармоничные линии ее тела (далеко не бесстрастные, в сравнении с изящными, ангельски асексуальными телами сфагов), овал лица совсем юной девочки и тонкие черные брови цветущей женщины, чуть пухлые оттенка лазури чувственные губы… — все это ушло на второй план, когда Хариб взглянул в ее глаза.

— Я рада за вас, — она вернула его в реальность. — Искренне за вас рада… Я знаю вашу историю… — (Эйнрит не стала продолжать) — …простите, если сделала вам больно.

— Вы о моей семье… — Хариб лишь пожал плечами. — Не стоит извиняться. Время — хороший врач, — сказал он. — Я, как вы наверное уже догадываетесь, тоже знаю вашу историю.

— Это неудивительно… — нервно улыбнулась Эйнрит. — Кто только ее не знает… — она немного помолчала.

— Хотите прогуляться, контактор Хариб? — предложила она после короткого молчания. — Я как раз собиралась пройтись… Здесь замечательный парк!

— С удовольствием, посол Эйнрит! — они стояли все это время посреди холла, в котором они были не одни и Харибу от того было несколько неуютно: он то и дело ловил на себе любопытные (вполне дружелюбные) взгляды — *«похоже, агарян здесь видят нечасто»*.

Они не спеша шли по чистой белой тропинке; вокруг цвели низкие пушистые деревья, источая из желтых и красных цветов-кувшинов сладкий аромат; в траве под деревьями то и дело мелькали птички на длинных тонких лапках; на разбросанных художником камнях грелись серые, белые, зеленые ящерки; среди ветвей пушистых деревьев вились местные пчелы. Воздух был чист и свеж — Хариб дышал с наслаждением, полной грудью. Некоторое время они шли в молчании, и это молчание не было

неловким: Эйнрит не торопила Хариба. Тот же старался прежде унять внутреннее волнение, которое испытывал, осознавая важность предстоящего разговора. Наконец он собрался с духом и заговорил:

— …Вашу с Эваалем историю действительно знают многие, — начал он с продолжения прерванного ранее разговора. — Во всяком случае долгожители… — Он старался не смотреть в глаза Эйнрит и, говоря, рассматривал сновавшую в траве и в кронах деревьев живность. — И почти у каждого есть обо всем случившемся свое мнение: одни осуждают Эвааля, другие жалеют, иные знают *как надо было делать* и вообще… Но. Никто из них не видел слез в его глазах, не слышал боль в его словах… — Хариб замолчал. Они успели сделать несколько шагов прежде чем он продолжил: — Я видел и слышал, — сказал он. Тщательно выговариваемые слова звучали грубо, гортанно. Аивлянская речь с трудом давалась агарянам из-за их физиологических особенностей. Мелодичный язык аиви в устах агарянина приобретал лающие интонации, — как если бы кто-то выучил собаку мяукать по-кошачьи. Впрочем, речь Хариба была понятна окружающим.

Хариб остановился и, все же, снова посмотрел в глаза Эйнрит.

— Я здесь потому, что меня просили об этом… — сказал он. — Но, если бы я знал… меня не пришлось бы просить. Я нашел бы вас.

— Кто вас просил? Эвааль?

— Нет, — покачал головой агарянин. — Меня просила аватар корабля, что носит ваше Имя… Она вернула его…

Хариб рассказал ей все, о чем узнал от Эйнрит-аватара.

Когда они расстались, Красный гигант — местное солнце — уже садился на западе, окрашивая белоснежные стены Каньона багряным. Прощаясь, Хариб сделал то, чего вначале их разговора сам от себя не ожидал — жест, который глубоко тронул аивлянку.

Много веков он был при нем. Камень. Хариб носил его на плече, в золотой застежке, скреплявшей его хламиду. Камень, обычный темно-серый, с большой примесью металлов (такой мог валяться где угодно), был обрамлен золотом наивысшей пробы.

Перекинув через левый локоть край серебристой хламиды, Хариб тремя пальцами коснулся застежки у себя на плече: сработал скрытый механизм и края хламиды разошлись; хламида скользнула с плеч и повисла у него на локте, а застежка с камнем оказалась в его ладони.

— Прежде чем проститься с вами, посол Эйнрит, я хочу

подарить вам это… (Хариб протянул Эйнрит застежку) …этот камень, в некотором смысле, часть моей родины — часть системы Агара и его спутниц… Это камень с Прит — одной из двух лун планеты с которой все началось… Я имею в виду не вашу размолвку с Эваалем… и не послужившую тому причиной ошибку, которую Эвааль допустил… не тысячелетия тьмы, постигшие Агар после его ошибки… Нет. Что произошло, то произошло… Я хочу подарить вам то, что некогда стало для меня знаком. Знаком надежды на то, что мой народ, рано или поздно, освободится из оков, сбросит с себя тряпье темных веков, освободится из лап кровожадного бога, обратится к подлинной Истине, которая не в *священных* книгах, не в слепой вере в выдуманных подлецами богов, а в знании, в подлинной смелости и отваге видеть мир таковым каков он есть… — Хариб стоял перед Эйнрит наполовину обнаженный (из одежды на нем остались только свободная, жесткая на вид серебристая юбка, доходившая ему до колен, золотой пояс и открытые сандалии). Эйнрит не сразу заметила на груди агарянина множество шрамов, которые, по всей видимости, снова и снова воссоздавались, каждый раз, когда тот бывал в капсуле-сборщике. — Когда мой друг, — продолжал Хариб, — человек занимавший высокое положение в церковной иерархии, и ставший при этом одним из вождей Революции, дал мне этот камень, я еще не знал, что уже через несколько дней тирания Церкви падет… Тогда я впервые узнал о том, что нога человека уже ступила за пределы его колыбели… Я получил подтверждение своей надежде… Получил основание *верить* в то, что следующие шаги уже недалеко. Впереди. И я поверил тогда. Я поверил в то, что мой народ вырвется из плена, отправится к далеким мирам, к звездам… Вот, что значил для меня тогда этот кусок камня, — агарянин прямо смотрел в глаза аивлянке. — А после он был для меня памятью, напоминанием о тех днях… изменивших мой мир… Я хочу передать его вам. Прошу. Примите… (Эйнрит протянула ладонь и Хариб положил в нее свой дар) …Помните, — сказал он, отводя руку, — в том, что произошло с Агаром, есть не только вина, но и заслуга Эвааля.

Сказав это, он поклонился аивлянке (жест принятый среди агарян, означавший глубокое уважение и почтение) и, развернувшись зашагал прочь, накидывая на ходу хламиду и завязывая узел на плече.

ЭПИЛОГ

год 563-й Эры Гуманизма, орбита Земли, борт земного корабля «Мир и безопасность»

Советник Элиот стоял, сложив руки на груди, перед голограммой удаляющейся Земли. До контакта с кораблем цивилизации Аиви оставалось немногим более получаса.

Это был первый официальный визит землян на корабль аиви, и он, Элиот, был избран и назначен Советом Планеты возглавлять делегацию. В состав делегации вошли направленные от множества организаций представители: ученые и общественные деятели; представители региональных Советов; сотрудники Службы охраны мира и планетарной безопасности… Полчаса оставалось до момента, который войдет в историю земной цивилизации. Полчаса.

Элиот не желал отправляться на прибывший с далекой родины корабль. Его вынудили. Он, конечно же, знал, что его избрание в делегацию не обошлось без участия оставшихся на Земле Алька, давно привыкшего зваться Александром и Ивори, которую друзья и знакомые всегда звали просто: Ив. Он не сердился на них: они надеются на то, что он, оказавшись на корабле, увидев аватара корабля, давних знакомых, окунувшись в знакомую атмосферу, переменит свое решение… Он не переменит. Он давно все решил. Он скоро уйдет насовсем — перестанет быть. Он не согласится на архивацию, нет. Он желает истиной смерти. Он устал. Он запутался. Он уже давно не чувствует себя только аивлянином… Он прожил многие жизни. Эвааль, Аиб-Ваал, Элиот… — он то, что он есть — человек мира, человек Галактики, человек Вселенной. Уставший, запутавшийся человек. Он сделал все, что мог. И на этот раз у него вышло намного лучше. У него? У них. Эти двое… он смотрит на них и вспоминает себя… и ее… Ему есть что вспомнить. Он будет вспоминать ее, будет держать ее образ перед глазами когда вернется на планету и… возьмет пару дней выходных (у него уже лет сто не было выходных), он отправится по местам которые ему запомнились, которые стали дороги. Он посмотрит Землю в последний раз, а потом он перестанет быть. Дальше они смогут без него…

Этот полет будет последним в его многовековой работе. Работе ли? — Земля давно стала для него вторым… даже третьим домом, планете.

Две тысячи сто восемьдесят два года прошло с тех пор как

Эвааль, Альк и Ивилита ступили на эту израненную, разоренную страшной войной планету. О том кто они знали единицы. Им пришлось столкнуться с чужим, одичалым, жестоким миром, в котором против них плелись интриги и заговоры, в котором им желали смерти, с миром, в котором им пришлось переступить через то, что земляне называют принципами.

Ему пришлось убивать. Своими руками. Он был президентом, министром, советником, генералом, промышленником… был олигархом, писателем, философом, ученым, входил в состав тайных организаций и корпоративных правительств, был революционером… Он сделал все, что планировал сделать, и даже больше. Он научил Алька и Ив всему, что знал сам — теперь они лучшие. Его утешала мысль о том, что, когда о них заговорят в других мирах аиви, на кораблях и в многочисленных симуляциях, возможно, будут вспоминать и его, как их учителя.

Может быть, его будут вспоминать и земляне… и не так, как на Агаре…

Он вошел в историю Земли под разными именами.

Две тысячи сто восемьдесят два года. Это были интересные годы. Ему было отрадно, что Альк теперь не будет вспоминать его как чудовище, как палача целой цивилизации. Они через многое прошли вместе… Они смогли. Сделали то, что обещали Иеремии — этому отважному землянину, отказавшемуся от предложенного ему бессмертия.

Как-то раз Иеремия назвал его словом, придуманным еще до Войны писателями-фантастами: «Прогрессор». (Очень точное определение.) Вся его деятельность на этой планете, вся его жизнь преследовала главную цель: развитие. Прогресс.

И не было ничего, на что бы он не пошел, с чем бы не поступился ради ЦЕЛИ, для того чтобы вытащить человечество из пропасти, в которую оно однажды угодило. И если бы от его смерти была бы польза для ЦЕЛИ, он принял бы смерть раньше. Смерть была желанна для него. Но он понимал: преждевременная смерть могла обернуться для Земли в будущем новыми катастрофами, и он жил. Он жил, а его враги умирали.

И вот он, Элиот, член Совета Планеты Земля стоит здесь, на капитанском мостике самого современного космического корабля землян и смотрит на голубую планету, на которой уже давно нет границ, нет войн, нет вредных производств, нет тюрем, нет голодающих, нет радиоактивных пустынь.

Советник Элиот обернулся и прошел вперед к пульту управления, перед которым в глубоких креслах сидели члены экипажа. Капитан корабля — крепкий чернокожий мужчина

средних лет по имени Феодор стоял, опершись могучими руками о панель возле огибавшего полукругом капитанское кресло пульта в центре кабины. Шесть кресел членов экипажа располагались по три, слева и справа от капитанского. Взгляд капитана был устремлен вперед сквозь толщу сверхпрозрачного и сверхпрочного лобового стекла кабины корабля.

Впереди был освещенный солнечным светом серебристо-белый дискоид знакомого Элиоту звездолета. Корабль медленно увеличивался в размерах по мере приближения к нему земного шаттла. То были последние минуты, когда звездолет можно было видеть полностью, — очень скоро дискоид закроет экипажу обзор сплошной стеной на многие километры.

— Капитан! Они высылают сопровождение и просят следовать согласно их ориентирам, — обратилась к Феодору сидевшая за пультом второй справа молодая смуглая женщина с заплетенными в тугую косу сиреневыми волосами.

— Выполняйте рекомендации, Астарта, — ответил капитан. Женщина кивнула, и ее пальцы забегали по сенсорной панели.

— Принимаю пакет данных навигации, — сообщил сидевший за пультом справа от капитана первый пилот — бритый наголо мужчина без возраста со схематичной татуировкой на левой стороне черепа.

Элиот видел, как от звездолета отделились три мигавшие красным точки и приблизились к кораблю менее чем за две секунды: то были транспортные дроны Эйнрит (той же модели, что и оставленный кораблем его группе две тысячи лет назад т-дрон). Машины замерли перед кораблем, образовав треугольник, после чего устройства соединились ярко светящимися лазерными лучами и направили лазеры на звездолет, обозначив коридор по которому пилоту предлагалось провести корабль.

Когда до серебристой поверхности звездолета оставалось не более двадцати километров, земляне выключили двигатели, отдав шаттл во власть силовых полей аивлян: шаттл стало плавно и быстро притягивать к звездолету. За триста метров перед кораблем землян в теле звездолета открылся приемный шлюз и шаттл втянуло внутрь этого шлюза с заметным ускорением. Корабль землян оказался в трубе, диаметр которой составлял около сотни метров. Труба, разветвляясь, вела вглубь дискоида; шаттл летел ровно по центру этой трубы, плавно заворачивая на развилках. Они проделали по трубам около двух километров, прежде чем увидели впереди мягкий свет.

Шаттл вытолкнуло в стеклянный купол (диаметр купола в точности совпадал с диаметром ведущей в него трубы) и

развернуло; внизу под шаттлом выдвинулась массивная металлическая плита, ставшая для него посадочным местом. Шаттл мягко стал на выдвинувшиеся шасси, приняв горизонтальное положение.

Купол располагался на возвышенности в центре просторного, впечатлившего землян размерами, эллипсоида, — обитель, внутри которой располагался купол, была размерами с десяток приличных стадионов. Нижняя часть эллипсоида являла собой ухоженный парк или сад, а верхняя — светящийся мягким желтым светом купол.

В дальнем конце эллипсоида виднелось внушительных размеров озеро, — удивительным образом не покидавшее своих берегов, игнорируя известные законы физики, — в центре которого возвышалась массивная скала. С вершины скалы в озеро бежали извилистые ручьи, превращавшиеся в некоторых местах в водопады. Граница между парком и куполом над ним была обозначена скальным поясом малахитового цвета, в котором с разных сторон можно было видеть несколько уходивших вглубь скалы тоннелей.

— Капитан Феодор! — Прозвучал приятный женский голос из динамиков внутри кабины корабля. — С вами говорит Эйнрит, корабль цивилизации Аиви. Я приветствую вас и ваш экипаж на моем борту!

— Говорит капитан корабля цивилизации Земли «Мир и безопасность» Феодор Рид, — ответил землянин. — Благодарим за гостеприимство, Эйнрит!

— Добро пожаловать! — сказала корабль.

Через минуту шлюзование было закончено, и купол над кораблем разделился на множество частей, которые тут же исчезли в основании круглой плиты, на которой стоял корабль.

Капитан и команда вышли первыми. Вслед за экипажем вышел Элиот, за ним — остальные делегаты.

Их встречали трое: аватар корабля, коренастый мужчина в серебристой хламиде и набедренной повязке (семипалый и отдаленно похожий на неандертальца) и та, которую Элиот-Эвааль вовсе не ожидал увидеть… — он был рад встрече.